

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
10 июня 2020 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2020)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. При назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей заслуживающим снисхождения, отягчающие обстоятельства не учитываются.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей (с учетом изменений, внесенных судом кассационной инстанцией), С. осужден к лишению свободы по ч. 2 ст. 210 УК РФ на 3 года, по ст. 317 УК РФ на 15 лет, по ч. 3 ст. 222 УК РФ на 5 лет. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений С. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 19 лет.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения, указав следующее.

Согласно ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей С. признан заслуживающим снисхождения за преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ.

Суд в нарушение требований ч. 4 ст. 65 УК РФ при назначении С. наказания указал, что обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ является совершение посягательства на жизнь сотрудников правоохранительного органа с использованием огнестрельного оружия.

Указанное нарушение уголовного закона при назначении осужденному наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, кассационное определение и исключил

указание на обстоятельство, отягчающее наказание по ст. 317 УК РФ, – совершение преступления с использованием огнестрельного оружия.

Президиум смягчил С. наказание по ст. 317 УК РФ до 14 лет 9 месяцев лишения свободы, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ст. 317 и ч. 3 ст. 222 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил ему 18 лет 9 месяцев лишения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации №182-П19*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

2. Покупатель не вправе отказаться от оплаты товара, поставленного без необходимой документации, если он не заявил об отказе от такого товара по правилам ст. 464 ГК РФ в связи с невозможностью или затруднительностью его использования по назначению без соответствующих документов.

С. обратилась в суд с иском к А. о взыскании задолженности, в обоснование которого ссылалась на то, что 14 декабря 2017 г. между ней и А. был заключен договор купли-продажи производственного оборудования для смешивания и упаковки сухих смесей.

Свои обязательства по передаче ответчику оборудования согласно спецификации она исполнила, что подтверждается подписанным актом приема-передачи от 14 декабря 2017 г., однако А. не уплатил оговоренную договором сумму за приобретенный товар, в связи с чем истец просила суд взыскать с ответчика образовавшуюся задолженность и пени.

А. обратился в суд со встречным иском, в котором просил расторгнуть указанный выше договор купли-продажи и привести стороны в первоначальное положение, полагая, что С. в нарушение условий договора не передала ему техническую документацию и инструкции по эксплуатации данного оборудования.

Истец против встречного иска возражала, ссылаясь на то, что оборудование передано А. со всей необходимой документацией, акт приема-передачи товара покупателем подписан без каких-либо оговорок.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования С. суд первой инстанции исходил из того, что ею исполнены обязательства по передаче

оборудования по договору, что подтверждается актом приема-передачи оборудования. А., в свою очередь, обязательства по оплате переданного ему оборудования не исполнил, ввиду чего образовалась задолженность, которая подлежит взысканию вместе с пеней, предусмотренной договором.

Отказывая в удовлетворении встречных исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что предусмотренных законом оснований для расторжения договора не установлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске С. к А. о взыскании задолженности, а также об оставлении без рассмотрения встречного иска А., суд апелляционной инстанции указал на то, что договором купли-продажи предусмотрена обязанность продавца передать покупателю необходимую техническую документацию, в то время как в акте приема-передачи нет сведений о передаче такой документации.

Суд апелляционной инстанции также установил, что А. предпринимал действия по получению от продавца документации, направив С. 6 февраля 2018 г. соответствующую претензию.

Оставляя без рассмотрения встречный иск, судебная коллегия указала, что в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства того, что А. в досудебном порядке направлял продавцу требования о расторжении договора купли-продажи, из-за чего не соблюден досудебный порядок урегулирования спора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с определением суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Согласно положениям ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В соответствии с п. 1 ст. 310 данного кодекса односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных этим кодексом, другими законами или иными правовыми актами.

В силу п. 1 ст. 454 этого же кодекса по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Статьей 456 ГК РФ установлено, что продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи (п. 1).

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю ее принадлежности, а также относящиеся к ней документы (технический

паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором (п. 2).

В силу ст. 464 названного кодекса, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (п. 2 ст. 456), покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи.

В случае, когда принадлежности или документы, относящиеся к товару, не переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Согласно взаимосвязанным положениям ч. 4 ст. 67 и ч. 4 ст. 198 названного кодекса в редакции, действовавшей на момент принятия апелляционного определения, в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, и законы, которыми руководствовался суд.

В силу абзаца второго ст. 327 этого же кодекса названные требования распространяются также и на суд апелляционной инстанции.

Из установленных судами обстоятельств следует, что договор купли-продажи и акт приема-передачи товара подписаны сторонами в один и тот же день.

Акт приема-передачи товара каких-либо указаний на его некомплектность либо отсутствие документации не содержит.

Претензия продавца об оплате товара направлена 31 января 2018 г., претензия покупателя об отсутствии документации – 6 февраля 2018 г.

В обоснование своего иска и в возражении против встречного иска продавец ссылался на то, что товар принят покупателем, акт приема-передачи подписан им без оговорок, претензий о некомплектности покупатель не предъявлял до момента востребования оплаты.

При таких обстоятельствах и с учетом приведенных выше норм материального и процессуального права Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции о том, что после подписания без каких-либо оговорок акта приема-передачи товара продавец обязан дополнительно доказывать факт его надлежащей передачи, а также о том, что акт приема-передачи товара должен содержать специальное указание относительно документации, в нарушение ст. 309 ГК РФ не обоснованы нормами

материального права, условиями договора либо ссылкой на обычаи или обычно предъявляемые требования.

Кроме того, покупатель не вправе отказаться от оплаты товара, поставленного без необходимой документации, если он не заявил об отказе от такого товара по правилам ст. 464 ГК РФ в связи с невозможностью или затруднительностью его использования по назначению без соответствующих документов.

Общее правило ст. 328 данного кодекса, позволяющее приостановить исполнение своего обязательства, если предусмотренное договором исполнение обязательства другой стороной произведено не в полном объеме, не может быть истолковано как позволяющее покупателю использовать поставленный без документации товар и не оплачивать его.

Данная правовая позиция изложена в п. 24 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, № 2 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июля 2018 г., однако не была учтена судом апелляционной инстанции.

*Определение № 117-КГ 19-22
№ 2-1571/2018*

3. При разрешении требований о взыскании по договору суд оценивает обстоятельства, свидетельствующие о его ничтожности.

К. обратился в суд с иском к обществу 1 о взыскании денежных средств в размере 57 354 406, 47 руб. по договору поставки от 11 февраля 2014 г., заключенному между обществом 1 и обществом 2.

В обоснование иска истец указал на то, что право требования по указанному договору перешло к нему от общества 2 на основании договора цессии от 12 марта 2014 г.

Судом установлено, что 11 февраля 2014 г. между обществом 1 (покупатель) и обществом 2 (поставщик) заключен договор поставки на сумму 57 354 406, 47 руб.

12 марта 2014 г. общество 2 уступило право требования К. по договору цессии за 10 000 000 руб. с отсрочкой платежа до 1 марта 2018 г.

В этот же день общество 2 направило в адрес общества 1 уведомление об уступке права требования по договору поставки К.

27 марта 2014 г. К. направил в адрес общества 1 требование об оплате задолженности.

31 марта 2014 г. в отношении общества 2 внесена запись о прекращении деятельности, общество исключено из ЕГРЮЛ на основании п. 2 ст. 21¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», как недействующее.

15 июля 2014 г. между обществом 1 и К. заключено соглашение о погашении задолженности в соответствии с графиком, указанным в п. 2 соглашения.

14 декабря 2017 г. К. предъявил обществу 1 претензию с требованием об уплате задолженности, в ответ на которую общество 1 сообщило о невозможности уплатить долг в связи с трудным финансовым положением.

9 февраля 2018 г. К. обратился в суд с иском к обществу 1 о взыскании задолженности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований К., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что договор поставки и договор цессии являются мнимыми, поскольку представленные истцом и третьим лицом Б. (учредитель общества 1) документы достоверно не подтверждают факт реальной поставки товара обществу.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и утвердил между сторонами мировое соглашение, ссылаясь на то, что стандарт доказывания, примененный судом первой инстанции, является повышенным, необходим в рамках дела о банкротстве при оспаривании сомнительных сделок, тогда как на момент рассмотрения спора банкротство в отношении общества не возбуждено.

Суд второй инстанции учел позицию учредителя общества, признававшего наличие задолженности по договору поставки, а также отсутствие нарушения чьих-либо прав исполнением сделок.

Кроме того, судебная коллегия по гражданским делам указала на то, что суд первой инстанции, признавая договор поставки мнимым, не выяснил действительный смысл, который стороны имели в виду при его заключении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 ГПК РФ истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением.

Суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 2 той же статьи).

Таким образом, в силу ст. 56 ГПК РФ при разрешении вопроса об утверждении мирового соглашения сторон суду апелляционной инстанции надлежало дать оценку тому, не нарушает ли мировое соглашение прав и законных интересов других лиц.

Однако по данному делу указанное юридически значимое обстоятельство судом второй инстанции не исследовано.

При этом суд располагал сведениями о наличии у ответчика задолженности перед иными лицами. Так, согласно сведениям ФССП России на 6 марта 2018 г. в отношении ответчика имелось пять исполнительных производств, задолженность по которым составляла 15 274 490 руб. Кроме того, имелась задолженность по налогам и сборам в размере 1 866 289 руб. (письмо руководителя межрегионального управления Росфинмониторинга).

Суд апелляционной инстанции не выяснил позицию кредиторов ответчика, не учел заявление представителя ФНС России, возражавшего против утверждения мирового соглашения, в связи с чем апелляционное определение, которым утверждено мировое соглашение, нельзя признать законным.

Обсуждая вопрос о соответствии мирового соглашения сторон закону, суд апелляционной инстанции не дал надлежащей оценки доводам о том, что договор поставки от 11 февраля 2014 г. между ответчиком и обществом 2 является ничтожной сделкой в силу ее мнимости.

В силу п. 1 ст. 166 ГК РФ сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Согласно п. 1 ст. 170 ГК РФ мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна.

Пункт 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривает, что мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна (п. 1 ст. 170 указанного кодекса).

Следует учитывать, что стороны такой сделки могут также осуществить для вида ее формальное исполнение. Например, во избежание обращения взыскания на движимое имущество должника заключить договоры купли-продажи или доверительного управления и составить акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль соответственно продавца или учредителя управления за ним.

Равным образом осуществление сторонами мнимой сделки для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании п. 1 ст. 170 ГК РФ.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о мнимости договора поставки и документов, подтверждающих передачу товара, суд не должен ограничиваться проверкой того, соответствуют ли представленные документы формальным требованиям, которые установлены законом. При

проверке действительности сделки суду необходимо установить наличие или отсутствие фактических отношений по сделке.

При этом суд, рассматривающий дело о взыскании по договору, оценивает обстоятельства, свидетельствующие о заключенности и действительности договора, независимо от того, заявлены ли возражения или встречный иск.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на то, что суд не выяснил действительную волю сторон при заключении договора поставки и договора цессии.

Однако признавая договор поставки недействительным, суд первой инстанции указал на то, что за два месяца до заключения договора регистрирующий орган опубликовал сообщение о предстоящем исключении общества 2 из ЕГРЮЛ, как недействующего, то есть какие-либо операции по расчетным счетам общество не осуществляло.

Также районный суд указал на то, что представленные сторонами товарная накладная, счет-фактура, инвентаризационная опись, баланс, договор хранения и оборотно-сальдовая ведомость являются внутренними документами общества, достоверность которых вызывает сомнения.

Кроме того суд указал, что из решения налогового органа от 15 марта 2018 г. о привлечении общества 2 к ответственности за совершение налогового правонарушения следует, что директор этого общества Е. никогда не являлся директором данной организации, никакие документы от имени организации не подписывал; К. и Б. были знакомы задолго до заключения договора цессии, в связи с чем налоговый орган пришел к выводу о возможной согласованности действий последних с целью создания формального документооборота с целью имитации реальных финансово-хозяйственных операций для продления срока исковой давности по договору поставки и уменьшения налогооблагаемой прибыли.

Таким образом, воля сторон договоров поставки и цессии не была направлена на достижение правовых последствий, характерных для договоров данного вида.

Как указал суд первой инстанции, обе стороны мнимой сделки стремятся к сокрытию ее действительного смысла. Следовательно, определение действительной воли, которую имели в виду стороны при заключении мнимой сделки, не требуется. Установление того факта, что стороны на самом деле не имели намерения создания условий для возникновения гражданских прав и обязанностей является достаточным для квалификации сделки как мнимой.

Наличие или отсутствие фактических отношений по сделке является юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению по делу, и не может рассматриваться как повышенный стандарт доказывания, применимый только в делах о банкротстве.

При этом отсутствие оспаривания мнимой сделки сторонами само по себе не свидетельствует о том, что указанная сделка не нарушает ничьих прав и обязанностей.

Определение № 46-КГ19-17

***Разрешение споров, связанных с
выплатой страхового возмещения***

4. В случае признания судом требований потерпевшего о выплате страхового возмещения в денежной форме обоснованными отказ во взыскании со страховщика штрафа, предусмотренного п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО, незаконен.

Незначительное расхождение стоимости восстановительного ремонта, определенной по заключению специалиста, с результатами судебной экспертизы само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом потерпевшим.

Е. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страховой выплаты, возмещения убытков и штрафа.

Судами установлено, что 30 октября 2017 г. в результате дорожно-транспортного происшествия с участием трех транспортных средств был поврежден автомобиль, принадлежащий Е.

Автогражданская ответственность виновного лица Р. застрахована в страховой компании (ответчик).

Е., указывая также на получение травмы в момент аварии, 28 ноября 2017 г. обратился в страховую компанию причинителя вреда и представил для осмотра поврежденное транспортное средство.

29 ноября 2017 г. страховщик признал данный случай страховым и выдал направление на ремонт автомобиля на СТО.

После проведения независимого технического исследования Е. 17 января 2018 г. обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения в денежной форме, поскольку рыночная стоимость принадлежащего ему автомобиля составляет 210 000 руб., размер материального ущерба с учетом износа – 150 000 руб., стоимость годных остатков – 21 068 руб., а следовательно, ремонт нецелесообразен.

Отказ в выплате страхового возмещения истцу мотивирован возможностью проведения ремонта. Письменная претензия истца от 15 февраля 2018 г. оставлена без удовлетворения.

Разрешая спор, суд установил факт наступления страхового случая в виде полной гибели автомобиля и признал необоснованным отказ страховщика в выплате страхового возмещения в денежной форме, в связи с

чем удовлетворил требования о взыскании страховой выплаты, возмещении убытков и штрафа.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части взыскания компенсации морального вреда и штрафа и отказал в удовлетворении указанных требований, разрешив при этом вопрос о взыскании государственной пошлины.

Принимая данное определение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что в действиях Е. присутствовали злоупотребление правом, а также недобросовестность, препятствующие взысканию компенсации морального вреда и штрафа. В качестве обоснования суд сослался на то, что стоимость ремонта указана истцом в размере 150 000 руб., в то время как в действительности она составляла 134 500 руб.

Суд второй инстанции также указал на отсутствие в первоначальном исследовании вывода эксперта о полной гибели автомобиля.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации данные выводы суда апелляционной инстанции признала ошибочными.

Судом установлено, что договор страхования ответственности причинителя вреда Р. заключен 28 февраля 2017 г., то есть после внесения изменений в Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО), согласно которым страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, по общему правилу, установленному п. 15 ст. 12 Закона об ОСАГО, осуществляется путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего.

Вместе с тем п. 16¹ той же статьи предусмотрена возможность осуществления страхового возмещения путем выплаты потерпевшему денежной суммы в случае полной гибели транспортного средства.

Факт полной гибели автомобиля истца судом первой инстанции установлен и суд апелляционной инстанции с данным выводом согласился.

В соответствии с п. 3 ст. 16¹ Закона об ОСАГО при удовлетворении судом требований потерпевшего – физического лица об осуществлении страховой выплаты суд взыскивает со страховщика за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего штраф в размере пятидесяти процентов от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции в части взыскания страхового возмещения, суд апелляционной инстанции по

существо признал законность требований истца о выплате страхового возмещения в денежной форме.

Поскольку судами установлено, что требования потерпевшего о выплате страхового возмещения в денежной форме являлись обоснованными, а страховой компанией в их удовлетворении отказано незаконно, то вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для взыскания штрафа нельзя признать правильным.

Доводы суда апелляционной инстанции о злоупотреблении правом со стороны потерпевшего также не основаны на законе и не соответствуют установленным обстоятельствам дела.

В п. 3 ст. 1 ГК РФ предусмотрено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

Согласно п. 5 ст. 10 данного кодекса добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

В соответствии с п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (действовавшего на момент возникшего страхового случая), если одна из сторон для получения преимуществ при реализации прав и обязанностей, возникающих из договора обязательного страхования, действует недобросовестно, в удовлетворении исковых требований этой стороны может быть отказано в той части, в какой их удовлетворение создавало бы для нее такие преимущества (п. 4 ст. 1 ГК РФ). При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (ст. 1 и 10 ГК РФ).

В соответствии с положениями п. 11 ст. 12 Закона об ОСАГО страховщик обязан осмотреть поврежденное транспортное средство, иное имущество или его остатки и (или) организовать их независимую техническую экспертизу, независимую экспертизу (оценку) в срок не более чем пять рабочих дней со дня поступления заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков с приложенными документами, предусмотренными правилами обязательного страхования, и ознакомить потерпевшего с результатами осмотра и независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки), если иной срок не согласован страховщиком с потерпевшим.

Таким образом, обязанность по определению обстоятельств полной гибели транспортного средства, размера и формы страхового возмещения в

соответствии с Законом об ОСАГО возлагается именно на страховщика, в данном случае – на страховую компанию (ответчика).

Из установленных обстоятельств дела следует, что данная обязанность не была исполнена страховщиком, которому был представлен весь пакет документов и транспортное средство для осмотра, а истец лишь осуществлял защиту своих прав в установленном порядке, обратившись за определением размера ущерба к специалистам.

Незначительное расхождение стоимости восстановительного ремонта, определенной по заключению специалиста, с результатами судебной экспертизы само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом потерпевшим.

В то же время судом установлено, что страховая компания ненадлежащим образом исполнила свои обязательства, не установив факт полной гибели транспортного средства, необоснованно отказала потерпевшему в выплате страхового возмещения.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции Судебная коллегия признала противоречащими приведенным выше нормам материального права и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

*Определение № 49-КГ19-37
№ 2-1883/2018*

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

5. Для признания договора дарения денежных средств заключенным в устной форме необходимо установить наличие реального факта передачи указанных денежных средств, а также наличие воли у дарителя на передачу денежных средств именно в дар.

Е.О. обратилась в суд с иском к М.М. о включении имущества в наследственную массу, признании права собственности в порядке наследования, взыскании денежных средств.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 14 января 2018 г. умерла Е., что подтверждается свидетельством о смерти.

Е.О. и М.Н. являются дочерьми, а М.М. – внучкой наследодателя Е.

2 августа 2017 г. Е. составила завещание, в соответствии с которым принадлежащую ей на праве собственности двухкомнатную квартиру она завещала: дочери – М.Н., внучке – М.М. и правнуку – Н. в равных долях – по $\frac{1}{3}$ доли каждому.

Кроме того, после смерти наследодателя открылось наследство в виде денежных средств, хранящихся в банке.

Наследниками первой очереди по закону являются дочери Е. – Е.О. и М.Н., которые в установленный законом шестимесячный срок для принятия наследства обратились к нотариусу с заявлениями о принятии наследства, им были выданы свидетельства о праве на наследство по закону на вышеуказанные денежные средства (по $\frac{1}{2}$ доли).

Данные обстоятельства подтверждаются сообщением нотариуса.

Обращаясь в суд с данным иском, Е.О. указала на то, что на момент формирования наследственной массы не все имущество умершей Е. было учтено, поскольку на день смерти Е. у нее имелись наличные денежные средства в сумме 1 400 000 руб., снятые ею 3 октября 2017 г. в банке, и хранившиеся по месту ее постоянного жительства и незаконно присвоенные М.М.

По факту хищения денежных средств из ее квартиры Е.О. обращалась в полицию с заявлением, в ходе проверки которого М.М. сообщила полиции, что денежные средства в сумме 1 400 000 руб. бабушка Е. ей подарила, а она на указанную денежную сумму 5 ноября 2017 г. открыла в банке вклад на свое имя, о чем бабушка знала. Постановлением от 15 мая 2018 г. в возбуждении уголовного дела было отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Е.О. о включении в состав наследственного имущества, оставшегося после смерти Е., денежных средств в размере 1 400 000 руб., суд первой инстанции исходил из того, что факт нахождения крупной денежной суммы в наличном виде в квартире истца подтверждается показаниями свидетелей, при этом ответчиком М.М. ни договора дарения в письменном виде, ни каких-либо иных доказательств получения денежных средств от Е. в дар не представлено. Из этого суд сделал вывод об отсутствии правовых оснований нахождения спорной денежной суммы, принадлежавшей наследодателю Е., у ответчика М.М. и о необходимости включения этой суммы в наследственную массу.

Отменяя решение суда первой инстанции, и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции, руководствуясь п. 1 ст. 574 ГК РФ, в соответствии с которым договор дарения, сопровождаемый передачей дара одаряемому, может быть совершен устно, при этом исключений из данного случая, предусмотренных пп. 2 и 3 указанной статьи, по данному делу не имеется, пришел к выводу о том, что Е. при жизни выразила свою волю и безвозмездно передала деньги внучке М.М., следовательно, оснований для включения данной денежной суммы в наследственную массу после смерти Е. не имеется. Доказательств, наличия денежных средств во владении Е. на момент ее смерти, суду не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила

дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

В соответствии с п. 1 ст. 574 ГК РФ дарение, сопровождаемое передачей дара одаряемому, может быть совершено устно, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2 и 3 данной статьи. Передача дара осуществляется посредством его вручения, символической передачи (вручение ключей и т.п.) либо вручения правоустанавливающих документов.

Договор дарения движимого имущества должен быть совершен в письменной форме в случаях, когда: дарителем является юридическое лицо и стоимость дара превышает 3 тыс. руб.; договор содержит обещание дарения в будущем. В случаях, предусмотренных в данном пункте, договор дарения, совершенный устно, ничтожен (п. 2 ст. 574 ГК РФ).

Таким образом, договор дарения, как реальный договор, заключаемый в устной форме, считается заключенным с момента непосредственной передачи дарителем вещи во владение, пользование и распоряжение одаряемого. В связи с этим для признания договора дарения денежных средств заключенным в устной форме необходимо установить наличие реального факта передачи указанных денежных средств, а также наличие воли у дарителя на передачу денежных средств именно в дар.

М.М. в подтверждение своей позиции указывала в суде на действия наследодателя Е. при жизни, выразившиеся в снятии денежных средств со счета в банке, а также факт их передачи М.М. в дар. Однако доказательств, подтверждающих как намерение Е. подарить ей крупную сумму наличных денежных средств, так и реальную передачу наследодателем при жизни внучке М.М. в дар этих денежных средств, ответчиком не было представлено ни в суде первой инстанции, ни при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции.

Отсутствие в материалах дела доказательств, отвечающих требованиям относимости и допустимости, которые подтверждали бы факт заключения между М.М. и Е. устного договора дарения денежных средств в размере 1 400 000 руб., указывает на правильность вывода суда первой инстанции о недостоверности и бездоказательности объяснений ответчика М.М. относительно факта заключения данной сделки. Сопровождение М.М. бабушки Е. в банк свидетельствует лишь о намерении последней снять денежные средства со своего вклада, но не о желании Е. безвозмездно передать денежные средства, находившиеся на ее закрытом вкладе, в собственность ответчика.

Вопреки тому, что оснований для освобождения ответчика М.М. от доказывания в суде тех обстоятельств, на которые она ссылалась как на причину своих возражений против иска Е.О., не имелось, суд апелляционной инстанции лишь на основании пояснений ответчика посчитал доказанным, что Е. при жизни выразила свою волю и безвозмездно передала деньги внучке.

Вместе с тем истец Е.О. суду представила доказательства того, что спорная денежная сумма после получения ее Е. в банке хранилась в квартире по месту проживания наследодателя и Е.О. Эти доказательства судом были оценены как достоверные и послужили основанием для вынесения решения об удовлетворении иска Е.О.

Суд апелляционной инстанции данные обстоятельства не учел и не дал им надлежащей правовой оценки.

Учитывая изложенное вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии правовых оснований для включения спорной денежной суммы в наследственную массу после смерти Е. Судебная коллегия признала не соответствующим требованиям закона и установленным по делу обстоятельствам.

Определение № 9-КГ19-11

6. Внуки наследодателя, наследующие по праву представления, относятся к наследникам первой очереди.

Л.Ю. обратился в суд с исковыми требованиями к Л.В., И., банку, ФГКУ «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» о включении жилого помещения и денежных средств в наследственную массу, признании права собственности на наследственное имущество, признании завещания и договора дарения квартиры недействительными, признании договора купли-продажи квартиры недействительным, истребовании имущества из чужого незаконного владения, взыскании судебных расходов.

Как установлено судом и следует из материалов дела, истец Л.Ю. является сыном Л. и внуком Л.Н.

Л.Н. – мать Л. и Л.В.

На основании договора о передаче квартиры в собственность от 16 февраля 1993 г. Л.Н. являлась собственником квартиры.

Л. умер 22 мая 2009 г.

27 мая 2009 г. нотариусом удостоверено завещание, которым Л.Н. завещала Л.В. все имущество, которое окажется принадлежащим ей ко дню ее смерти, в том числе денежные вклады в банке и спорную квартиру.

По договору от 12 января 2010 г. Л.Н. подарила ответчику Л.В. спорную квартиру.

Выпиской из ЕГРП от 11 апреля 2016 г. подтверждается, что собственником спорной квартиры является Л.В., дата регистрации права – 11 марта 2010 г.

22 октября 2015 г. Л.Н. умерла.

В наследственную массу после смерти Л.Н. входят денежные средства на вкладах, открытых в банке.

8 декабря 2015 г. Л.В. обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства по завещанию после смерти Л.Н.

14 апреля 2016 г. Л.Ю. обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства по закону после смерти Л.Н.

31 марта 2016 г. между Л.В. и И. был заключен договор купли-продажи объекта недвижимости с использованием кредитных средств и средств целевого жилищного займа. По условиям договора И. приобрела право собственности на спорную квартиру; оплата по договору была произведена за счет собственных средств покупателя, денежных средств, предоставленных банком по кредитному договору, а также средств целевого жилищного займа согласно договору, заключенному между И. и уполномоченным федеральным органом – ФГКУ «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих».

Согласно заключениям назначенных по делу посмертной судебно-психиатрической экспертизы от 31 июля 2017 г. и повторной комиссионной посмертной судебно-психиатрической экспертизы от 23 ноября 2017 г. Л.Н. в периоды оформления завещания от 27 мая 2009 г. и договора дарения от 12 января 2010 г. не могла понимать значения своих действий и руководить ими.

Исходя из проведенных по делу судебных экспертиз, показаний свидетелей, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Л.Н. в момент подписания оспариваемых завещания и договора дарения находилась в психическом состоянии, лишившим ее способности понимать значение своих действий и руководить ими.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что истец на момент смерти Л.Н. не входил в круг ее наследников; Л.Ю. является наследником более поздней очереди, чем Л.В., в связи с чем права и интересы истца оспариваемыми завещанием и договором дарения не нарушаются.

Кроме того, суд первой инстанции пришел к выводу о пропуске истцом срока исковой давности по заявленным требованиям и указал, что названный срок подлежит исчислению с момента, когда истец узнал об оспариваемых завещании и договоре дарения, то есть с июня 2009 г. и с января 2010 г. соответственно.

Помимо изложенного суд первой инстанции отметил, что спорная квартира не может быть истребована у И. как у добросовестного приобретателя, поскольку стороны договора купли-продажи не могли знать о том, что наследодатель при подписании договора дарения квартиры не понимала значение своих действий, спорное имущество выбыло из владения Л.В. по его воле, без принуждения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Статьей 1111 ГК РФ, в редакции, действующей на момент возникновения спорных правоотношений, установлено, что наследование осуществляется по завещанию и по закону. Наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных данным кодексом.

В силу ст. 1113 ГК РФ наследство открывается со смертью гражданина.

Положениями ст. 1118 ГК РФ предусмотрено, что распорядиться имуществом на случай смерти можно только путем совершения завещания. Завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства.

При нарушении положений указанного кодекса, влекущих за собой недействительность завещания, в зависимости от основания недействительности, завещание является недействительным в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) или независимо от такого признания (ничтожное завещание).

Завещание может быть признано судом недействительным по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием (пп. 1, 2 ст. 1131 ГК РФ).

В силу положений пп. 1, 2 ст. 1141 ГК РФ наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности, предусмотренной ст. 1142–1145 и 1148 названного кодекса. Наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, то есть если наследники предшествующих очередей отсутствуют, либо никто из них не имеет права наследовать, либо все они отстранены от наследования (ст. 1117), либо лишены наследства (п. 1 ст. 1119), либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от наследства. Наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления (ст. 1146).

Согласно пп. 1, 2 ст. 1142 ГК РФ наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг и родители наследодателя. Внуки наследодателя и их потомки наследуют по праву представления.

В соответствии с п. 1 ст. 1146 ГК РФ доля наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем (п. 2 ст. 1114), переходит по праву представления к его потомкам в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 1142, п. 2 ст. 1143 и п. 2 ст. 1144 названного кодекса, и делится между ними поровну.

Исходя из приведенных правовых норм наследниками первой очереди по закону после смерти наследодателя Л.Н. являются ее сын Л.В. и внук Л.Ю. по праву представления.

Таким образом, Л.Ю. имеет правовой интерес в оспаривании завещания и договора дарения, поскольку их признание недействительными повлечет за собой возникновение у него права на долю в наследстве по закону.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции о том, что на момент смерти Л.Н. истец Л.Ю. не входил в круг ее наследников, а является наследником более поздней очереди, чем Л.В., в связи с чем права и интересы истца оспариваемыми завещанием и договором дарения не нарушаются, является ошибочным и противоречащим нормам материального права, регулирующим спорные правоотношения.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

Из дела видно, что суд первой инстанции согласился с приведенными в экспертных заключениях выводами о том, что при подписании оспариваемого завещания и при заключении оспариваемого договора дарения Л.Н. не могла понимать значения своих действий и руководить ими, то есть оспариваемые сделки были совершены с пороком воли первоначального собственника Л.Н.

В п. 2 ст. 181 ГК РФ установлено, что срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (п. 1 ст. 179), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

В соответствии с положениями ст. 200 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 сентября 2013 г.) течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Изъятия из этого правила устанавливаются названным кодексом и иными законами.

Абзацем вторым п. 2 ст. 1131 ГК РФ установлено, что оспаривание завещания до открытия наследства не допускается.

Таким образом, право на оспаривание завещания, составленного в пользу Л.В., возникло у Л.Ю., являющегося наследником Л.Н., только после ее смерти, а не в момент, по мнению суда, когда истец узнал о наличии такого завещания, то есть с июня 2009 г.

Также не может быть признан обоснованным вывод суда о пропуске истцом срока исковой давности по требованию о признании недействительным договора дарения, поскольку о совершении данной сделки с пороком воли наследодателя Л.Ю. стало известно после смерти Л.Н.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 73 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», наследники вправе обратиться в суд после смерти наследодателя с иском о признании недействительной совершенной им сделки, в том числе по основаниям, предусмотренным ст. 177, 178 и 179 ГК РФ, если наследодатель эту сделку при жизни не оспаривал, что не влечет изменения сроков исковой давности, а также порядка их исчисления.

Вопрос о начале течения срока исковой давности по требованиям об оспоримости сделки разрешается судом исходя из конкретных обстоятельств дела (например, обстоятельств, касающихся прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых наследодателем была совершена сделка) и с учетом того, когда наследодатель узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Судебными инстанциями не исследовался вопрос о том, могла ли Л.Н. с учетом своего психического состояния после совершения ею указанного договора дарения осознавать наличие возможности оспорить его в судебном порядке.

Разрешая спор, суд указал также на то, что спорная квартира не может быть истребована у И. как у добросовестного приобретателя, поскольку имущество выбыло из владения собственника Л.В. по его воле, без принуждения.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 302 ГК РФ, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае,

когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Как разъяснено в п. 39 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22, по смыслу п. 1 ст. 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли.

Эти разъяснения судами первой и апелляционной инстанций учтены не были.

Определение № 64-КГ19-3

***Разрешение споров, возникающих из
жилищных отношений***

7. По делам о признании решения внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме недействительным юридически значимым и подлежащими установлению обстоятельством является выявление правовых последствий принятого решения относительно судьбы общего имущества (влекло или нет данное решение уменьшение общего имущества многоквартирного дома).

И. обратилась в суд с иском к Ч. о признании решения внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в форме очно-заочного голосования, недействительным.

Как установлено судом и следует из материалов дела, И. является собственником одной из квартир и двух машиномест в спорном многоквартирном доме.

В период с 8 апреля по 30 октября 2017 г. в этом доме было проведено внеочередное общее собрание собственников помещений в форме очно-заочного голосования. 8 ноября 2017 г. был составлен протокол общего собрания.

Инициатором проведения внеочередного общего собрания являлась собственник другой квартиры Ч.

В повестку дня общего собрания собственников помещений многоквартирного дома были включены, в частности, следующие вопросы: о передаче в безвозмездное пользование Ч. входящего в состав общего имущества многоквартирного дома помещения общего пользования – части комнаты общей площадью 34,2 кв. м, расположенной на 9-м этаже

многоквартирного дома, непосредственно примыкающей к квартире, принадлежащей на праве собственности Ч., сроком на 99 лет, с разрешением ей последующего присоединения указанного выше общего имущества многоквартирного дома к квартире Ч. с возложением на ее обязанности производить оплату эксплуатационных и коммунальных услуг, а также услуг за техническое обслуживание переданного имущества; о предоставлении полномочий генеральному директору ООО «ЭК «Городские усадьбы» на заключение с Ч. договора безвозмездного пользования; о внесении Ч. в течение десяти дней после заключения договора безвозмездного пользования на счет ООО «ЭК Городские усадьбы» единовременной платы в размере 1 500 000 руб.; об обязанности генерального директора ООО «ЭК Городские усадьбы» направить поступившие от Ч. денежные средства на оплату текущих коммунальных платежей собственников помещений многоквартирного дома.

Голосование собственников помещений многоквартирного дома по вопросам повестки дня проводилось с 18 апреля до 30 октября 2017 г.

Общая площадь жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме составляет 27 062 кв. м, из которых 6 000 кв. м принадлежат на праве оперативного управления ГКУ «Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд» Департамента спорта и туризма г. Москвы.

В голосовании по вопросам повестки дня общего собрания собственников помещений многоквартирного дома приняло участие 81,85% от общего количества собственников многоквартирного дома.

Участие в голосовании принимало и ГКУ «Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд» Департамента спорта и туризма г. Москвы, размер доли которого в праве общей долевой собственности на общее имущество составляет 22,17%.

За положительное решение указанных вопросов повестки дня собственники помещений многоквартирного дома проголосовали единогласно («за» – 81,85%).

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия кворума на общем собрании, поскольку интересы г. Москвы, как собственника доли в праве общей долевой собственности на общее имущество, равной 22,17%, должно было представлять Государственное казенное учреждение г. Москвы «Инженерная служба Мещанского района», которое о проведении общего собрания не извещалось и участия в собрании не принимало. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал на то, что часть комнаты, переданная Ч. в

соответствии с оспариваемым решением общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, не индивидуализирована.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, руководствовалась в том числе чч. 1 и 3 ст. 36 ЖК РФ, п. 1 ст. 246 ГК РФ и исходила из того, что согласие всех собственников долевого имущества необходимо как при его отчуждении из общей долевой собственности, так и при решении вопроса об уменьшении размера общего имущества.

В свою очередь передача имущества в пользование иным лицам возможна на основании решения общего собрания таких собственников в многоквартирном доме (ч. 4 ст. 36 ЖК РФ). Указанное решение принимается большинством не менее 2/3 голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 1 ст. 46 ЖК РФ).

Порядок принятия решений об использовании объектов общего имущества определен в гл. 6 ЖК РФ, где указано, что принятие решений о пользовании общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме иными лицами относится к компетенции общего собрания собственников помещений в качестве органа управления многоквартирным домом.

Вместе с тем ЖК РФ не исключает возможности принятия на общем собрании и решения об уменьшении размера общего имущества в многоквартирном доме, при условии соблюдения требований ч. 3 ст. 36 ЖК РФ, п. 1 ст. 246 ГК РФ.

Оспаривая решение внеочередного собрания, истец И. ссылалась на то, что следствием присоединения к имуществу ответчика части общего имущества в многоквартирном доме является уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, а это требует согласия всех собственников.

В силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какое-либо из них не ссылались.

При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению (ч. 1 ст. 196 ГПК РФ).

Таким образом, по данному делу юридически значимым и подлежащими установлению с учетом заявленных И. требований, возражений Ч. и подлежащих применению норм материального права обстоятельством являлось выявление правовой природы принятого решения

относительно судьбы общего имущества (влекло или нет данное решение уменьшение общего имущества многоквартирного дома).

В зависимости от того, какие правовые последствия для общего имущества имело принятое на собрании решение, зависело правильное применение норм материального права, а также установление факта наличия или отсутствия кворума на общем собрании для принятия оспариваемого решения.

В нарушение подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, требований процессуального закона судом апелляционной инстанции названные юридически значимые обстоятельства установлены не были.

В свою очередь, выводы суда апелляционной инстанции относительно участия при голосовании неуполномоченного собственником г. Москвой лица – ГКУ «Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд» сделаны без учета особенностей правовой природы права оперативного управления, наделяющего владельца данного вещного права широкими правами относительно переданной ему вещи.

Также суд апелляционной инстанции не учел, что собственник имущества в лице Департамента городского имущества г. Москвы привлечен к участию в деле в качестве третьего лица и в суде первой инстанции право ГКУ «Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд» Департамента спорта и туризма г. Москвы принимать участие в общем собрании, а также решения, принятые учреждением на общем собрании не оспаривал. Таким образом, участие в общем собрании ГКУ «Центр спортивных инновационных технологий и подготовки сборных команд» Департамента спорта и туризма г. Москвы не привело к искажению волеизъявления собственника данного имущества, который с принятым на общем собрании решением согласился.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что подлежащее передаче в пользу ответчика помещение не индивидуализировано (в качестве предмета передачи в безвозмездное пользование ответчику указана часть комнаты № 4, общей площадью 34,2 кв.м, расположенная на 9-м этаже многоквартирного дома по указанному выше адресу) входит в противоречие со ст. 607 ГК РФ, согласно которой в аренду могут быть переданы вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). Это положение ГК РФ не ограничивает право сторон заключить такой договор аренды, когда в пользование арендатору предоставляется не вся вещь в целом, а только ее отдельная часть.

Согласно ч. 5 ст. 44 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» если в аренду передается часть здания, право на которое зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости, в частности, совокупность имеющих общие

строительные конструкции комнат (смежные комнаты в помещении), кадастровый учет такой части здания осуществляется одновременно с государственной регистрацией договора аренды на такую часть здания без соответствующего заявления.

Если права на указанные недвижимые вещи (земельные участки, здания, сооружения, помещения) ранее были зарегистрированы за арендодателем, на государственную регистрацию договора аренды может быть представлен подписанный сторонами документ, содержащий графическое и (или) текстуальное описание той части недвижимой вещи, пользование которой будет осуществляться арендатором (в том числе с учетом данных, содержащихся в кадастровом паспорте соответствующей недвижимой вещи).

В приложении к протоколу внеочередного общего собрания спорного многоквартирного дома, проведенного 18 апреля 2017 г., указан фрагмент поэтажного плана 9-го этажа, где графически обозначены границы помещения подлежащего передаче в собственность Ч., а также площадь данного помещения. Таким образом, объект недвижимости согласован.

Определение № 5-КГ19-144

Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

8. Алиментные обязательства, выполненные в полном объеме, прекращаются с достижением ребенком 18-летнего возраста.

М. обратилась в суд с иском к Е.В. о взыскании дополнительных расходов на обучение С.Е.

В обоснование исковых требований указала, что С.Е., 20 июля 2000 года рождения, ее внучка, родители которой – дочь истца Д. и Е.В. решением суда от 16 марта 2009 г. лишены родительских прав. Постановлением главы муниципального образования от 13 апреля 2009 г. истец назначена опекуном внучки-сироты С.Е. 2 февраля 2014 г. Д. умерла. Отец внучки Е.В. алименты дочери платил не регулярно в незначительном размере. Внучку она растила вместе с мужем на опекунское пособие и пенсии. В июле 2018 г. С.Е. поступила на платной основе в высшее учебное заведение. Несмотря на свои скромные доходы, истец смогла оплатить 103 800 руб. за первый семестр обучения внучки. Считает, что расходы на получение высшего образования сиротой попадают под дополнительные расходы, предусмотренные ст. 86 СК РФ. Отец внучки Е.В. трудоспособен, может быть привлечен к участию в несении дополнительных расходов на обучение. На момент подачи искового заявления ее внучка достигла совершеннолетнего возраста, но все материальные затраты несет истец и ее муж, являющиеся пенсионерами.

Просила суд привлечь Е.В. к участию в несении дополнительных расходов на обучение его дочери С.Е. до окончания обучения; взыскать с ответчика в пользу истца внесенную плату за первый семестр обучения С.Е. в размере 103 800 руб.; обязать ответчика в будущем производить оплату С.Е. за дальнейшее обучение в университете.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования частично, суд исходил из того, что к иным обстоятельствам, указанным в ст. 86 СК РФ, возможно отнести расходы на обучение С.Е.

Поскольку родители несут равные обязательства в отношении содержания детей, суд пришел к выводу о взыскании $\frac{1}{2}$ части стоимости полного размера обучения дочери ответчика до 30 июня 2023 г., то есть до окончания срока обучения.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции и его правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке; заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым данным кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право; в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 данного кодекса.

Согласно ч. 1 ст. 37 ГПК РФ способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, и организациям.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъяснено, что требование о взыскании средств на содержание несовершеннолетнего ребенка может быть предъявлено в суд до достижения

ребенком возраста восемнадцати лет либо до приобретения им полной дееспособности в результате эмансипации или вступления в брак (п. 2 ст. 21, п. 1 ст. 27 ГК РФ).

Если на момент подачи в суд заявления ребенок достиг возраста восемнадцати лет либо приобрел полную дееспособность до достижения указанного возраста в результате эмансипации или вступления в брак, судья отказывает в принятии заявления (абзац первый ч. 3 ст. 125, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ), а если исковое производство по делу возбуждено, суд прекращает производство по делу в соответствии с абзацем вторым ст. 220 ГПК РФ.

Иск подан представителем М. На момент подачи данного иска С.Е. исполнилось 18 лет, в связи с чем после указанной даты М. не имела полномочий подавать иск в интересах совершеннолетней, полностью дееспособной внучки.

В силу положений ч. 1 ст. 86 СК РФ, предусматривающей порядок участия родителей в дополнительных расходах на детей, при отсутствии соглашения и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, необходимости оплаты постороннего ухода за ними и других обстоятельств) каждый из родителей может быть привлечен судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами.

Согласно п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» иски о взыскании алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в помощи совершеннолетних детей (п. 1 ст. 85 СК РФ) могут быть предъявлены самими совершеннолетними, а если они в установленном законом порядке признаны недееспособными, – лицами, назначенными их опекунами.

Следует иметь в виду, что трудоспособные дети старше восемнадцати лет, обучающиеся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, не относятся к лицам, имеющим право на алименты на основании указанной нормы.

В п. 40 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснено, что исходя из смысла ст. 86 СК РФ родители, с которых взысканы алименты на несовершеннолетних детей или на нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся в помощи детей, могут быть привлечены судом к участию в несении дополнительных расходов на указанных детей, вызванных исключительными обстоятельствами.

К таким обстоятельствам относятся, например, тяжелая болезнь, увечье несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, требующие, в частности, оплаты постороннего ухода за детьми, иных расходов, необходимых для излечения или поддержания здоровья детей, а также для их социальной адаптации и интеграции в общество (расходы на протезирование, на приобретение лекарств, специальных средств для ухода, передвижения или обучения и т.п.).

Судами не учтено, что алиментные обязательства в отношении дочери С.Е. ответчиком выполнены в полном объеме и прекращены с достижением ею 18-летнего возраста, действующим семейным законодательством не предусмотрена обязанность родителей содержать совершеннолетних трудоспособных детей, в том числе и обучающихся по очной форме в организациях, осуществляющих образовательную деятельность.

Определение №18-КГ19-87

9. Установление факта утраты лицом попечения родителей допускается в судебном порядке, поскольку имеет юридическое значение для определения лицу в возрасте до 18 лет статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей в целях предоставления ему прав, связанных с реализацией гарантий по социальной поддержке.

Орган опеки и попечительства в интересах несовершеннолетней Ф. обратился в суд с заявлением об установлении факта отсутствия родительского попечения.

В обоснование заявления орган опеки и попечительства указал, что несовершеннолетняя Ф., 23 апреля 2005 года рождения, с ноября 2008 г. проживает на территории Российской Федерации в отсутствие родителей и находится под опекой своей тети П. на основании постановления районной администрации от 13 июля 2010 г. Сведения об отце ребенка в свидетельстве о рождении отсутствуют. Мать несовершеннолетней Ф., проживающая в г. Ош Республики Кыргызстан, уклоняется от воспитания своей дочери и от защиты ее прав и интересов, не заботится о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии и не содержит ее. По мнению органа опеки и попечительства, установление факта отсутствия родительского попечения необходимо для определения социально-правового статуса несовершеннолетней, включения в реестр на получение жилого помещения, а также для возможности получения государственной поддержки.

Оставляя заявление без рассмотрения, суд первой инстанции исходил из того, что между субъектами правоотношения возник спор о праве, который подлежит рассмотрению в порядке искового производства. По мнению суда первой инстанции, ссылка заявителя в обоснование требования

об установлении факта отсутствия родительского попечения на уклонение матери от выполнения обязанности родителя является основанием для предъявления иска о лишении родительских прав.

Суд также указал, что установление указанного факта необходимо заявителю для последующего решения вопроса о праве несовершеннолетней на получение льгот и помощи, предусмотренных действующим законодательством, то есть связано с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду.

Суд апелляционной инстанции, оставляя вышеуказанное судебное постановление без изменения, дополнительно указал, что установление статуса Ф. как ребенка, оставшегося без попечения родителей, возможно в административном порядке с момента внесения сведений о ребенке в журнал первичного учета таких детей, включения в государственный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, в связи с чем факт отсутствия попечения родителей не может быть установлен в судебном порядке.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила материал для рассмотрения в суд первой инстанции со стадии принятия заявления к производству, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 264 ГПК РФ суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций.

В соответствии со ст. 267 ГПК РФ в заявлении об установлении факта, имеющего юридическое значение, должно быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения заявителем надлежащих документов или невозможность восстановления утраченных документов.

Из содержания приведенных положений процессуального закона следует, что одним из обязательных условий для установления факта, имеющего юридическое значение, является указание заявителем цели, для которой необходимо установить данный факт в судебном порядке, а именно – зависит ли от установления указанного факта возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан.

При обращении в суд орган опеки и попечительства в качестве правовых последствий установления факта отсутствия родительского попечения указывал на определение социально-правового статуса несовершеннолетней как ребенка, оставшегося без попечения родителей, с целью получения от органов государственной власти дополнительных гарантий по социальной поддержке.

Согласно абзацу третьему ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ) дети, оставшиеся без попечения родителей, – это лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей, в том числе в связи с установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов.

Таким образом, установление факта утраты попечения родителей допускается в судебном порядке, поскольку имеет юридическое значение для определения лицу в возрасте до 18 лет статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей для предоставления ему прав, связанных с реализацией гарантий по социальной поддержке.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ этот закон регулирует отношения, возникающие в связи с предоставлением и обеспечением органами государственной власти дополнительных гарантий по социальной защите прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя.

Из ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ следует, что за защитой своих прав дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а равно их законные представители, опекуны (попечители), органы опеки и попечительства и прокурор вправе обратиться в установленном порядке в соответствующие суды Российской Федерации.

Таким образом, целью определения статуса несовершеннолетнего как ребенка, оставшегося без попечения родителей, является предоставление ему возможности реализовать в установленном законом порядке дополнительные гарантии по социальной защите.

Защита прав детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с законом осуществляется только в случае их нарушения.

В связи с этим выводы суда первой инстанции о том, что установление судом факта утраты лицом до 18 лет попечения родителей связано с разрешением спора о праве, не основаны на законе.

Судебная коллегия не согласилась и с выводом суда апелляционной инстанции о невозможности установления в судебном порядке статуса Ф. как ребенка, оставшегося без попечения родителей, поскольку в соответствии со ст. 121 СК РФ, п. 8 Порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, утвержденного Минобрнауки России от 17 февраля 2015 г. № 101, решение суда об установлении факта отсутствия родительского попечения над ребенком относится к документам, свидетельствующим об обстоятельствах утраты (отсутствия) попечения его родителей

(единственного родителя) и являющимся основанием для регистрации органом опеки и попечительства данных о ребенке в журнале первичного учета детей, оставшихся без попечения родителей.

Определение № 74-КГ19-8

10. Доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов.

Фактическое перечисление денежных средств на счет одного из супругов после расторжения брака не изменяет режим общего имущества супругов и не лишает бывшего супруга права на получение части этих средств при их разделе.

С. обратилась в суд с иском к К. о разделе совместно нажитого имущества – дохода от осуществляемой К. экономической деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, связанной с том числе с выполнением работ и оказанием услуг по договорам, заключенным с обществом.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 15 апреля 2008 г. между С. и К. заключен брак, который расторгнут решением суда от 1 декабря 2016 г.

Согласно платежным поручениям и выпискам по операциям общества на счет К. перечислены денежные средства по договорам, заключенным ИП К. и этим обществом в период с 1 октября 2011 г. по 22 сентября 2014 г.

Стороны не оспаривали, что брачные отношения, совместное проживание и ведение общего хозяйства между ними фактически прекращены 1 августа 2015 г.

Разрешая спор и отказывая С. в удовлетворении исковых требований о разделе общего имущества супругов, суд первой инстанции указал на то, что спорные денежные средства являются доходом ИП К., полученным им после фактического прекращения между сторонами брачных отношений, поэтому данный доход является личной собственностью К. и разделу между бывшими супругами не подлежит. Доказательств того, что обязательства по договорам, во исполнении которых общество перечислило ИП К. денежные средства в размере 10 903 842 руб., возникли в интересах семьи, истцом не представлено. То обстоятельство, что указанные истцом денежные средства были получены ответчиком К. за работы и услуги, оказанные ИП К. обществу до 1 августа 2015 г., то есть в период фактических брачных отношений с С., правового значения, по мнению суда первой инстанции, для дела не имеет, поскольку семейное законодательство не связывает возникновение режима общей собственности супругов в отношении имущества, которое не приобреталось ими в браке. Кроме того, доказательств того, что денежные средства, которые являлись предметом

договоров, использовались супругами в имущественных отношениях между собой для личных или семейных нужд, то есть представляли собой их совместную собственность, истцом не представлено. Спорные денежные средства являются доходом ИП К., полученным в процессе предпринимательской деятельности после прекращения между сторонами семейных отношений, данное имущество не является совместно нажитым имуществом супругом, поскольку в совместную собственность супругов входят только предпринимательские доходы, передаваемые в бюджет семьи, остальные доходы от предпринимательской деятельности являются собственностью супруга-предпринимателя.

С указанными доводами согласился суд апелляционной инстанции, указав на то, что доказательств, подтверждающих, что обязательства по договорам, во исполнение которых общество перечислило ИП К. указанные денежные средства, возникли в интересах семьи, не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального права.

В силу п. 1 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), согласно п. 2 названной выше статьи относятся в том числе доходы каждого из супругов от предпринимательской деятельности.

В ст. 2 ГК РФ определено, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

В соответствии с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (пп. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129, пп. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на имя кого из супругов или кем из супругов оно было приобретено или кем внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Положения ст. 128 ГК РФ относят к объектам гражданских прав в том числе имущественные права, к которым на основании положений ст. 8, п. 1 ст. 307, п. 2 ст. 308, ст. 328 данного кодекса относится и право на получение встречного предоставления с контрагента.

В п. 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения

общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъяснено, что встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств, вне зависимости от того, предусмотрели ли стороны очередность исполнения своих обязанностей (п. 1 ст. 328 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 423 ГК РФ договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным.

Применительно к приведенным положениям ст. 2 вышеназванного кодекса такая плата (иное встречное предоставление) и будет являться доходом от предпринимательской деятельности.

Таким образом, исходя из приведенных норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения данного дела, является период времени, когда у ИП К. возникло право на получение встречного предоставления (денежных средств) по сделкам, которое истец полагает общим имуществом супругов.

Обращаясь в суд с данным иском, С. ссылалась на то, что согласно имеющимся в материалах дела банковским выпискам по счету, принадлежащему обществу, банковским выпискам по счетам клиента К., копиям платежных поручений К. после 1 августа 2015 г. получил от общества за период с 1 августа 2015 г. по 31 декабря 2016 г. денежные средства в сумме 10 903 842 руб., при этом оплата обществом произведена за работы и услуги, оказанные до 1 августа 2015 г., то есть в период брака и совместного проживания и ведения общего хозяйства с С.

Ответчиком не оспаривалось, что спорные денежные средства являлись доходом от предпринимательской деятельности, осуществляемой К. в период брака, и были получены ответчиком после прекращения брачных отношений. Факт наличия кредиторской задолженности по обязательствам общества перед ИП К. на момент прекращения фактических брачных отношений между сторонами также не оспаривался ответчиком и подтвержден представленными в материалы дела доказательствами – выписками по банковским счетам общества и К., назначениями платежей в платежных поручениях.

При указанных обстоятельствах ссылки судов на то, что спорные денежные средства являются доходом ИП К., полученным им после фактического прекращения между сторонами брачных отношений, поэтому данный доход является личной собственностью К. и разделу между бывшими супругами не подлежит, основаны на ошибочном толковании норм материального права.

Суждение суда об отсутствии доказательств того, что обязательства по договорам, во исполнение которых общество перечислило ИП К. денежные средства в размере 10 903 842 руб., возникли в интересах семьи, как основание для отказа в иске также подлежат отклонению. В соответствии со ст. 34 СК РФ презюмируется, что доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов.

Поскольку предпринимательская деятельность осуществлялась в период брака С. и К. и условия данной деятельности предусматривали поступление от нее дохода, фактическое перечисление денежных средств на счет ответчика после прекращения брака с истцом не изменяет их режим общего имущества супругов и не лишает бывшего супруга права на получение части этих средств при их разделе на основании ст. 38, 39 СК РФ.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить дело в соответствии с установленными по делу обстоятельствами и требованиями закона, в частности, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 56 ГПК РФ определить совокупный размер дохода ИП К. за юридически значимый период времени по сделкам, на которые ссылается истец, с учетом соответствующих затрат, понесенных индивидуальным предпринимателем в процессе получения предпринимательской деятельности, бремя доказывания размера которых в силу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ должно быть возложено на ответчика.

Определение №78-КГ19-41

***Разрешение споров, возникающих из
трудовых и социальных отношений***

11. Установление работнику, являющемуся инвалидом I или II группы, сокращенной продолжительности рабочего времени является обязанностью работодателя и не обусловлено наличием волеизъявления такого работника.

Ш. 30 мая 2018 г. обратилась в суд с иском к федеральному казенному учреждению здравоохранения «Медико-санитарная часть Министерства внутренних дел Российской Федерации по Астраханской области» (далее – МСЧ МВД России по Астраханской области) и просила взыскать с ответчика оплату за сверхурочную работу за период с 13 августа 2013 г. по 13 февраля 2018 г. в размере 51 197 руб. 85 коп., доплату за работу во вредных условиях труда за период с 13 октября 2015 г. по 13 февраля 2018 г. в размере 4121 руб. 20 коп., материальную помощь в размере 7629 руб. 44 коп., компенсацию за несвоевременную оплату труда в размере 19 933 руб. 39 коп., компенсацию морального вреда в размере 50 000 руб. и расходы на оплату услуг представителя в размере 5000 руб.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Ш. с 5 марта 1968 г. на основании трудового договора работала в МСЧ МВД России по Астраханской области сначала в должности санитарки стационара медслужбы хозяйственного отдела, с 1 декабря 2008 г. – в должности санитарки физиотерапевтического кабинета амбулаторно-поликлинического отделения.

13 августа 2013 г. бюро № 4 – филиала федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Астраханской области» (далее – бюро № 4 – филиала ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Астраханской области») Ш. была установлена II группа инвалидности на срок до 1 сентября 2014 г.

12 августа 2014 г. врачебная комиссия МСЧ МВД России по Астраханской области направила Ш. на медико-социальную экспертизу.

19 августа 2014 г. по результатам проведения медико-социальной экспертизы бюро № 4 – филиала ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Астраханской области» Ш. установлена II группа инвалидности бессрочно.

В группе кадров МСЧ МВД России по Астраханской области с 2014 г. имелись данные о наличии у Ш. II группы инвалидности.

26 ноября 2014 г. между МСЧ МВД России по Астраханской области в лице его начальника и Ш. заключено дополнительное соглашение к трудовому договору, в соответствии с п. 3 которого продолжительность ежедневной работы Ш. составляет 8 часов. При этом режим работы (рабочие дни, выходные дни, время начала и окончания работы) предусматривался графиком работы, правилами внутреннего трудового распорядка и данным дополнительным соглашением.

В октябре 2015 г. в МСЧ МВД России по Астраханской области была проведена специальная оценка условий труда рабочих мест.

Согласно карте специальной оценки условий труда от 5 октября 2015 г. № 20 и сводной ведомости результатов проведения специальной оценки условий труда рабочих мест в МСЧ МВД России по Астраханской области от 13 октября 2015 г. условия труда санитарки в физиотерапевтическом кабинете отнесены к вредным – 3 класс подкласс 3.2 (вредные условия труда 2 степени).

По результатам проведенной в 2017 г. в МСЧ МВД России по Астраханской области специальной оценки условий труда на рабочем месте санитарки в физиотерапевтическом кабинете было установлено, что условия труда являются вредными – 3 класс подкласс 3.1 (вредные условия труда 1 степени). При этом указано на невозможность применения труда инвалидов во вредных условиях.

13 февраля 2018 г. Ш. обратилась к начальнику МСЧ МВД России по Астраханской области с заявлением об оказании ей материальной помощи.

Решение об оказании материальной помощи Ш. работодателем не было принято.

Приказом начальника МСЧ МВД России по Астраханской области от 14 февраля 2018 г. № 59-у прекращен трудовой договор с Ш. и она уволена с работы 14 февраля 2018 г. по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ в связи с отсутствием у работодателя работы, необходимой работнику в соответствии с медицинским заключением.

12 марта 2018 г. между работодателем МСЧ МВД России по Астраханской области в лице начальника и работниками МСЧ МВД России по Астраханской области в лице их представителя заключено дополнительное соглашение к коллективному договору МСЧ МВД России по Астраханской области на 2016–2019 гг. от 2 августа 2016 г. № 36, п. 1 которого предусмотрена доплата за работу во вредных условиях труда санитарке в физиотерапевтическом кабинете в размере 4% к окладу.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований Ш. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

1. Конвенцией о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г., ратифицирована Российской Федерацией 25 октября 2012 г.) признается право инвалидов на труд наравне с другими, оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов. Государства-участники обеспечивают и поощряют реализацию права на труд, в том числе теми лицами, которые получают инвалидность во время трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер, направленных, в частности, на защиту прав инвалидов наравне с другими на справедливые и благоприятные условия труда, включая равные возможности и равное вознаграждение за труд равной ценности, безопасные и здоровые условия труда, включая защиту от домогательств, и удовлетворение жалоб (подп. «b» п. 1 ст. 27 названной конвенции).

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, в котором охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7), гарантируются равенство прав и свобод человека и гражданина (ст. 19), социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности и в иных случаях, предусмотренных законом (ст. 39, ч. 1).

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признается обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска (абзацы первый и пятый ст. 2 ТК РФ).

Коллективные договоры, соглашения, трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Если такие условия включены в коллективный договор, соглашение или трудовой договор, то они не подлежат применению (ч. 2 ст. 9 ТК РФ).

В силу ч. 3 ст. 11 ТК РФ все работодатели (физические и юридические лица независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности) в трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношениях с работниками обязаны руководствоваться положениями трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Работодатель обязан соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда (абзацы первый, второй, четвертый ч. 2 ст. 22 ТК РФ).

Государство гарантирует работникам защиту их права на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. Условия труда, предусмотренные трудовым договором, должны соответствовать требованиям охраны труда (чч. 1 и 2 ст. 220 ТК РФ).

Согласно ст. 224 ТК РФ в случаях, предусмотренных данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, работодатель обязан: соблюдать установленные для отдельных категорий работников ограничения на привлечение их к выполнению работ с вредными и (или) опасными условиями труда, к выполнению работ в ночное время, а также к сверхурочным работам; осуществлять перевод работников, нуждающихся по состоянию здоровья в предоставлении им более легкой работы, на другую работу в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами

Российской Федерации, с соответствующей оплатой; устанавливать перерывы для отдыха, включаемые в рабочее время; создавать для инвалидов условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации; проводить другие мероприятия.

В силу ч. 1 ст. 91 ТК РФ рабочее время – время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени.

Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю (ч. 2 ст. 91 ТК РФ).

Сверхурочная работа оплачивается за первые два часа работы не менее чем в полуторном размере, за последующие часы – не менее чем в двойном размере. Конкретные размеры оплаты за сверхурочную работу могут определяться коллективным договором, локальным нормативным актом или трудовым договором. По желанию работника сверхурочная работа вместо повышенной оплаты может компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха, но не менее времени, отработанного сверхурочно (ч. 1 ст. 152 ТК РФ).

В ст. 92 ТК РФ перечислены категории работников, для которых устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени.

Так, сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливается для работников, являющихся инвалидами I или II группы, – не более 35 часов в неделю (абзац четвертый ч. 1 ст. 92 ТК РФ).

Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ) определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (преамбула данного закона).

Частью 3 ст. 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ для инвалидов I и II групп устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени – не более 35 часов в неделю с сохранением полной оплаты труда.

Из приведенных положений Конвенции о правах инвалидов, Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации следует, что государство гарантирует работникам право на

справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, право на отдых, включая ограничение рабочего времени. Инвалидам в области трудовых отношений установлены повышенные гарантии, обеспечивающие реализацию ими права на труд наравне с другими работниками. Одной из таких гарантий является сокращенная продолжительность рабочего времени не более 35 часов в неделю, предусмотренная для инвалидов I или II группы. Работодатель обязан соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, соответственно, установление работнику, являющемуся инвалидом I или II группы, сокращенной продолжительности рабочего времени (не более 35 часов в неделю) – входит в обязанности работодателя.

Судебные инстанции неправильно истолковали нормы материального права, регулирующие отношения по обеспечению инвалидам равных с другими возможностей в реализации трудовых прав, не применили положения ТК РФ об обязанности работодателя соблюдать трудовое законодательство и пришли к ошибочному выводу об отсутствии оснований для возложения на работодателя обязанности произвести Ш. (как инвалиду II группы) оплату за переработку сверх установленной продолжительности рабочего времени за период с 13 августа 2013 г. по 13 февраля 2018 г., которая в соответствии со ст. 152 ТК РФ подлежит оплате в повышенном размере.

Судебные инстанции не учли, что работодатель (МСЧ МВД России по Астраханской области), зная в 2014 г. о наличии у Ш. II группы инвалидности и располагая документами, подтверждающими данное обстоятельство, в нарушение требований абзаца четвертого ч. 1 ст. 92 ТК РФ и ч. 3 ст. 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ не установил Ш. сокращенную продолжительность рабочего времени, вследствие чего она с учетом продолжительности рабочего времени 40 часов в неделю, установленного трудовым договором в редакции дополнительного соглашения от 26 ноября 2014 г., еженедельно перерабатывала по 5 часов.

Ссылка судебных инстанций на то, что для установления сокращенной продолжительности рабочего времени как инвалиду II группы Ш. должна была обратиться к работодателю, представив индивидуальную программу реабилитации инвалида с рекомендациями о противопоказанных и допустимых для нее условиях и видах труда, не основана на законе. По смыслу ст. 92 ТК РФ и ст. 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ установление работнику, являющемуся инвалидом I или II группы, сокращенной продолжительности рабочего времени является императивной обязанностью работодателя и не обусловлено наличием волеизъявления такого работника, вопреки мнению суда апелляционной инстанции,

ошибочно полагавшего, что Ш., являясь инвалидом II группы, свое право на сокращенную продолжительность рабочего времени не реализовала.

Доводы судебных инстанций, приведенные в обоснование вывода об отказе в удовлетворении требования Ш. о взыскании оплаты за сверхурочную работу, о том, что при заключении с работодателем 26 ноября 2014 г. дополнительного соглашения к трудовому договору Ш. не возражала против установления в нем ежедневной продолжительности рабочего времени – 8 часов (40 часов в неделю), противоречат положениям ч. 2 ст. 9 ТК РФ, предусматривающим, что трудовые договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными актами, содержащими нормы трудового права.

Учитывая, что в дополнительное соглашение к трудовому договору, заключенное 26 ноября 2014 г. между МСЧ МВД России по Астраханской области в лице его начальника и Ш., включено условие о продолжительности ежедневной работы Ш. 8 часов (40 часов в неделю), снижающее уровень установленной законодательством гарантии работника – инвалида II группы на сокращенную продолжительность рабочего времени (35 часов в неделю), такое условие дополнительного соглашения к трудовому договору в силу ч. 2 ст. 9 ТК РФ не подлежит применению.

2. Неправомерным признан и вывод судебных инстанций об отказе в удовлетворении требования Ш. о взыскании с МСЧ МВД России по Астраханской области в ее пользу доплаты за работу во вредных условиях труда со ссылкой на то, что дополнительное соглашение к коллективному договору МСЧ МВД России по Астраханской области на 2016–2019 гг. от 2 августа 2016 г. № 36, предусмотревшее данную выплату, заключено 12 марта 2018 г. и распространяется только на действующих работников ответчика, к числу которых истец, уволенная с работы 14 февраля 2018 г., не относится.

В ТК РФ для лиц, осуществляющих трудовую деятельность во вредных условиях, предусмотрен комплекс компенсационных мер, направленных на ослабление негативного воздействия на здоровье вредных факторов производственной среды и трудового процесса, в числе которых повышенная оплата труда (ч. 1 ст. 147 ТК РФ).

Минимальный размер повышения оплаты труда работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, составляет 4 процента тарифной ставки (оклада), установленной для различных видов работ с нормальными условиями труда (ч. 2 ст. 147 ТК РФ).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и

подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» утверждено Положение об установлении систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений.

В целях реализации в системе МВД России постановления Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583 приказом МВД России от 27 августа 2008 г. № 751 (действовал в период возникновения спорных отношений и утратил силу с 19 августа 2019 г. в связи с изданием приказа МВД России от 13 июля 2019 г. № 480 «Вопросы оплаты труда гражданского персонала органов, организаций и подразделений системы МВД России») установлены для гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений системы МВД России, оплата труда которого в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений, новые системы оплаты труда в соответствии с названным постановлением (п. 1 приказа).

Данным приказом утверждены Условия, размеры и порядок осуществления выплат компенсационного характера гражданскому персоналу воинских частей, учреждений и подразделений системы МВД России (приложение № 3, далее также – Условия).

Согласно этим условиям выплаты компенсационного характера, размеры и условия их осуществления устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. При этом размеры выплат компенсационного характера не могут быть ниже размеров, установленных в соответствии с законодательством. Гражданскому персоналу устанавливаются выплаты компенсационного характера, в частности, работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда. Выплаты компенсационного характера устанавливаются к окладам (должностным окладам, тарифным ставкам) в виде надбавок, доплат, если иное не установлено законодательными и нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с подп. 1.1 Условий гражданскому персоналу, занятому на работах с тяжелыми и вредными, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда, за исключением гражданского персонала, указанного в подп. 1.3, устанавливаются доплаты в следующих размерах:

– за работу в тяжелых и вредных условиях труда – до 12 процентов оклада;

– за работу в особо тяжелых и особо вредных условиях труда – до 24 процентов оклада.

Конкретные размеры доплат определяются по результатам проведенной специальной оценки условий труда в соответствии с перечнями работ с тяжелыми и вредными, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда и утверждаются приказом руководителя.

Как установлено судебными инстанциями, в октябре 2015 г. в МСЧ МВД России по Астраханской области была проведена специальная оценка условий труда, по результатам которой условия труда санитарки в физиотерапевтическом кабинете отнесены к вредным – 3 класс подкласс 3.2 (вредные условия труда 2 степени).

Проведенной в 2017 г. в МСЧ МВД России по Астраханской области специальной оценкой условий труда условия труда на рабочем месте санитарки в физиотерапевтическом кабинете также были признаны вредными – 3 класс подкласс 3.1 (вредные условия труда 1 степени). При этом указано на невозможность применения труда инвалидов во вредных условиях.

Между тем судебные инстанции при разрешении исковых требований Ш. о взыскании с МСЧ МВД России по Астраханской области в ее пользу доплаты за работу во вредных условиях труда оставили без внимания подлежащие применению к спорным отношениям нормы материального права, предусматривающие повышенную оплату труда гражданскому персоналу воинских частей, учреждений, организаций и подразделений системы МВД России, занятому на работах в том числе с вредными условиями труда, вследствие чего неправомерно отказали в удовлетворении ее исковых требований о взыскании с ответчика указанной доплаты.

Сославшись на заключенное 12 марта 2018 г. дополнительное соглашение к коллективному договору МСЧ МВД России по Астраханской области на 2016–2019 гг. от 2 августа 2016 г. № 36, предусмотревшее в новой редакции приложения № 6 (Перечень профессий, должностей, имеющих право на надбавку к должностному окладу за вредные условия) повышенную оплату труда для санитарки, занятой в физиотерапевтическом кабинете, судебные инстанции не учли положения ранее действовавшего приложения № 6 к указанному коллективному договору, которым был предусмотрен перечень профессий, должностей, имеющих право на 15-процентную надбавку к должностному окладу за вредные условия труда, а также положения коллективного договора МСЧ МВД России по Астраханской области на 2013–2016 гг., действовавшего в период работы Ш. в МСЧ МВД России по Астраханской области, п. 5.2 которого были установлены компенсационные выплаты работникам за работу с вредными и (или) опасными условиями труда (рентгенкабинет, лаборатория, ЦГСЭН, УЗИ, физиотерапевтическое отделение, дерматовенерологический кабинет,

эндоскопический кабинет) (приложение № 3). При этом коллективный договор МСЧ МВД России по Астраханской области на 2016–2019 гг. от 2 августа 2016 г. № 36 и приложение № 6 к нему (в редакции, действовавшей до 12 марта 2018 г.), как и приложение № 3 к коллективному договору МСЧ МВД России по Астраханской области на 2013–2016 гг., в материалах дела отсутствуют, предметом исследования судебных инстанций они не являлись.

Кроме того, судебными инстанциями в нарушение требований ст. 67 ГПК РФ не дана оценка представленной истцом в материалы дела копии выписки из акта внеплановой проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности МСЧ МВД России по Астраханской области от 30 июня 2018 г., в котором отмечены нарушения, допущенные МСЧ МВД России по Астраханской области в отношении санитарки физиотерапевтического отделения Ш. В частности, в акте указано на то, что в 2015 г. условия труда на рабочем месте Ш. были отнесены к вредным, при этом предусмотренная подп. 1.1 Условий, размеров и порядка осуществления выплат компенсационного характера гражданскому персоналу воинских частей, учреждений и подразделений системы МВД России (приложение № 3 к приказу МВД России от 27 августа 2008 г. № 751) ежемесячная надбавка к должностному окладу за вредные условия труда ей не назначалась и не выплачивалась.

3. Судебные инстанции, делая вывод об отсутствии оснований для удовлетворения требования Ш. о взыскании материальной помощи, исходили из того, что данная выплата не носит стимулирующий или компенсационный характер, не является элементом оплаты труда, решения о выплате Ш. материальной помощи начальником МСЧ МВД России по Астраханской области не принималось. При этом судебные инстанции не указали в судебных постановлениях законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовались и которые подлежат применению к спорным отношениям сторон, не учли, что приказом МВД России от 27 августа 2008 г. № 751 утвержден Порядок формирования и использования фонда оплаты труда гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений системы МВД России (приложение № 5), п. 6 которого предусмотрено, что из фонда оплаты труда работникам может быть оказана материальная помощь. Решение об оказании материальной помощи и о ее конкретных размерах принимает руководитель учреждения на основании письменного заявления работника.

Аналогичное положение содержит п. 5.5 коллективного договора МСЧ МВД России по Астраханской области на 2013–2016 гг.

Однако конкретные обстоятельства, касающиеся наличия у Ш. права на оказание материальной помощи применительно к Порядку формирования и использования фонда оплаты труда гражданского персонала воинских

частей, учреждений и подразделений системы МВД России (утвержденному приказом МВД России от 27 августа 2008 г. № 751) и положениям коллективного договора МСЧ МВД России по Астраханской области на 2013–2016 гг., коллективного договора МСЧ МВД России по Астраханской области на 2016–2019 гг. от 2 августа 2016 г. № 36, судебными инстанциями не устанавливались. Оставлена без внимания судов первой и апелляционной инстанций также копия выписки из акта внеплановой проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности МСЧ МВД России по Астраханской области от 30 июня 2018 г. с указанием на допущенные МСЧ МВД России по Астраханской области нарушения в части отказа в выплате Ш. материальной помощи, за оказанием которой она обращалась к начальнику МСЧ МВД России по Астраханской области с соответствующим заявлением. В связи с этим заслуживающим внимания является довод кассационной жалобы Ш. о том, что она в подтверждение своей позиции по иску ссылалась на выписку из акта внеплановой проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности МСЧ МВД России по Астраханской области от 30 июня 2018 г. как в суде первой, так и в суде апелляционной инстанции, однако суды данный документ не исследовали и результат его оценки в судебных постановлениях не отразили, а потому вывод судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Ш. в том числе о взыскании материальной помощи является неправомерным.

4. С учетом допущенных работодателем нарушений трудовых прав Ш. на получение доплаты за работу во вредных условиях труда, оплаты за сверхурочную работу, оказание материальной помощи подлежали разрешению судебными инстанциями требования истца о взыскании компенсации за несвоевременную оплату труда и возмещении морального вреда в соответствии со ст. 236, 237 ТК РФ, предусматривающими материальную ответственность работодателя за задержку выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, и возмещение морального вреда, причиненного работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, что судами первой и апелляционной инстанций сделано не было.

Определение № 25-КГ19-7

12. Действующим законодательством запрещается необоснованный отказ инвалиду в приеме на работу на квотируемые рабочие места.

К. 30 августа 2017 г. обратился в суд с иском к акционерному обществу «Институт Оргэнергострой» (далее также – АО «Институт Оргэнергострой», организация, работодатель) о признании отказа в трудоустройстве на работу незаконным, об обязанности принять на работу, о взыскании заработной платы.

Судом установлено и следует из материалов дела, что К. является инвалидом III группы, зарегистрирован в целях поиска подходящей работы с 30 сентября 2016 г. и состоит на учете в Центре занятости населения г. Москвы как безработный.

С 25 октября 2010 г. К. является получателем пенсии по инвалидности, о чем ему выдано удостоверение.

Согласно дипломам о высшем образовании, выданным 12 июля 1985 г. и 18 января 2010 г., К. соответственно были присвоены квалификации инженера-электрика и инженера по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция».

В трудовой книжке К. содержится информация о его трудовой деятельности начиная с 1985 г. на различных должностях, в том числе – ведущего инженера, а с августа 2008 г. по 31 августа 2015 г. – в должностях ведущего инженера и главного инженера в организациях.

АО «Институт Оргэнергострой» в Центр занятости населения г. Москвы направлены сведения о наличии свободного места, котируемого для трудоустройства инвалидов, – вакантной должности ведущего инженера – с должностным окладом 50 000 руб.

14 февраля 2017 г. отделом трудоустройства «Автозаводский» Государственного казенного учреждения г. Москвы «Центр занятости населения г. Москвы» (далее – отдел трудоустройства «Автозаводский» Центра занятости населения г. Москвы) К. выдано направление на работу в АО «Институт Оргэнергострой» с рекомендацией на должность по профессии (специальности) ведущего инженера. В направлении была указана должность К. по последнему месту работы – инженер-проектировщик 2 категории со стажем работы в этой должности 6 месяцев 14 дней. В направлении также содержалась просьба письменно сообщить о принятом решении по предложенной кандидатуре.

К. на работу в АО «Институт Оргэнергострой» на должность ведущего инженера принят не был, результат рассмотрения кандидатуры К. в направлении на работу представителем АО «Институт Оргэнергострой» не указан.

29 мая 2017 г. К. вновь получил направление на работу в АО «Институт Оргэнергострой» с рекомендацией на должность по профессии (специальности) ведущего инженера от отдела трудоустройства «Севастопольский» Государственного казенного учреждения г. Москвы «Центр занятости населения г. Москвы» (далее – отдел трудоустройства «Севастопольский» Центра занятости населения г. Москвы).

По результатам рассмотрения кандидатуры К. 31 мая 2017 г. начальником отдела кадров АО «Институт Оргэнергострой» в направлении на работу сделана отметка о том, что с ним проведено собеседование, вопрос на рассмотрении руководства.

Однако на работу в АО «Институт Оргэнергострой» К. принят не был.

К. обратился в суд с данным иском, считая отказ в приеме на работу незаконным и имеющим дискриминационный характер, поскольку причины отклонения его кандидатуры на замещение вакантной должности представителем АО «Институт Оргэнергострой» в направлениях на работу заполнены не были, письменный отказ в принятии на работу ему не выдали, сотрудником АО «Институт Оргэнергострой» К. устно сообщил о том, что он не принят на работу в АО «Институт Оргэнергострой» в связи с отсутствием вакантных мест.

Разрешая спор и отказывая К. в удовлетворении исковых требований, суд исходил из того, что отказ АО «Институт Оргэнергострой» в заключении трудового договора с К. не имеет дискриминационного характера и не нарушает его права, а связан с недостаточным опытом работы К., несоответствием личностных и деловых качеств К. требованиям, установленным в должностной инструкции ведущего инженера АО «Институт Оргэнергострой», профессиональным стандартом для должности инженера-проектировщика. При этом судом первой инстанции было учтено, что согласно выданному К. направлению на работу стаж работы К. по профессии (специальности) в должности инженера-проектировщика 2 категории (класса) составляет всего 6 месяцев 14 дней.

Судом первой инстанции также приняты во внимание пояснения представителя АО «Институт Оргэнергострой» о непредоставлении К. при трудоустройстве документов, подтверждающих его квалификацию, трудовой книжки и страхового свидетельства и показания свидетеля Г., занимающего должность начальника электротехнического отдела АО «Институт Оргэнергострой», о том, что по результатам собеседования его не устроила квалификация К.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций основанными на неправильном применении норм материального и процессуального права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно абзацу пятому ч. 2 ст. 16 ТК РФ в случаях и порядке, которые установлены трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, или уставом (положением) организации, трудовые отношения возникают на основании трудового договора в результате направления на работу уполномоченными в соответствии с федеральным законом органами в счет установленной квоты.

Правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы, определены Законом Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее также – Закон «О занятости населения в Российской Федерации»).

В соответствии с абзацем шестым п. 2 ст. 5 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» государственная политика в области содействия занятости населения направлена на осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в частности, инвалидов. Статьей 13 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» установлено, что государство обеспечивает дополнительные гарантии гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, в том числе путем установления квоты для приема на работу инвалидов. Квота для приема на работу инвалидов устанавливается в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Исходя из нормативных положений ст. 15 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» контроль за обеспечением государственных гарантий в области занятости населения осуществляет государственная служба занятости населения, включающая: 1) уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти (Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации и Федеральная служба по труду и занятости (Роструд); 2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в области содействия занятости населения и переданное полномочие по осуществлению социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными; 3) государственные учреждения службы занятости населения.

В силу абзаца третьего п. 3 ст. 25 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» работодатели обязаны ежемесячно представлять органам службы занятости информацию о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, созданных или выделенных рабочих местах для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов, включая информацию о локальных нормативных актах, содержащих сведения о данных рабочих местах, выполнении квоты для приема на работу инвалидов.

При приеме на работу гражданина, направленного службой занятости, работодатель в пятидневный срок возвращает в службу занятости направление с указанием дня приема гражданина на работу. В случае отказа в приеме на работу гражданина, направленного службой занятости,

работодатель делает в направлении службы занятости отметку о дне явки гражданина и причине отказа в приеме на работу и возвращает направление гражданину (п. 5 ст. 25 Закона «О занятости населения в Российской Федерации»).

В ст. 20 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» предусмотрено, что инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости путем проведения специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда: установление в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов.

Работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4 процентов среднесписочной численности работников. Работодателям, численность работников которых составляет не менее чем 35 человек и не более чем 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации может устанавливаться квота для приема на работу инвалидов в размере не выше 3 процентов среднесписочной численности работников (ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»).

Статьей 5.42 КоАП РФ предусмотрена ответственность за нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости. Так, неисполнение работодателем обязанности по созданию или выделению рабочих мест для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов, а также отказ работодателя в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты – влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 5 тыс. до 10 тыс. руб. (ч. 1 названной статьи).

Правовые, экономические и организационные основы квотирования рабочих мест в г. Москве для приема на работу инвалидов регламентируются Законом г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест», а также Положением о квотировании рабочих мест в г. Москве, утвержденным постановлением Правительства Москвы от 4 августа 2009 г. № 742-ПП (далее – Положение о квотировании рабочих мест в г. Москве).

Квотирование рабочих мест в г. Москве осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, Устава г. Москвы, Закона города Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест» и иных правовых актов города Москвы (ст. 1 названного закона).

В ч. 1 ст. 2 Закона г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест» определено, что квотирование рабочих мест осуществляется для инвалидов, признанных таковыми федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, в порядке и на условиях, установленных Правительством Российской Федерации.

Работодатели независимо от организационно-правовых форм и форм собственности организаций, за исключением общественных объединений инвалидов и образованных ими организаций, в том числе хозяйственных товариществ и обществ, уставный (складочный) капитал которых состоит из вклада общественного объединения инвалидов, организуют в г. Москве квотируемые рабочие места за счет собственных средств (ч. 2 ст. 2 Закона г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест»).

Согласно ч. 2 ст. 4 Закона г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест» работодатели в соответствии с установленной квотой обязаны создавать или выделять рабочие места для трудоустройства инвалидов. Выполнением квоты для приема на работу считается: в отношении инвалидов – трудоустройство работодателем инвалидов, имеющих рекомендации к труду, подтвержденное заключением трудового договора, действие которого в текущем месяце составило не менее 15 дней (п. 1 ч. 3 Закона г. Москвы от 22 декабря 2004 г. № 90 «О квотировании рабочих мест»).

В соответствии с Положением о территориальном органе Федеральной службы по труду и занятости – Государственной инспекции труда в г. Москве, утвержденным приказом Федеральной службы по труду и занятости от 31 марта 2017 г. № 232, Государственная инспекция труда в г. Москве осуществляет на территории г. Москвы федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, контроль за обеспечением государственных гарантий в области занятости населения в части социальной поддержки безработных граждан.

В силу п. 2.10 Положения о квотировании рабочих мест в г. Москве в целях проверки выполнения работодателями условий квотирования рабочих мест для инвалидов Департаментом труда и социальной защиты населения г. Москвы осуществляется надзор и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов. Аналогичные полномочия закреплены за Департаментом труда и социальной защиты населения г. Москвы в п. 4.11.1 Положения о Департаменте труда и социальной защиты населения г. Москвы, утвержденного постановлением Правительства Москвы от 8 сентября 2015 г. № 566-ПП.

Обращаясь в суд с иском, К. ссылаясь на то, что отказ АО «Институт Оргэнергострой» в приеме его на работу является незаконным, ущемляет его права как инвалида, что недопустимо, и эти права подлежат защите.

Статьей 3 ТК РФ запрещается дискриминация в сфере труда. Каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав.

Лица, считающие, что они подверглись дискриминации в сфере труда, вправе обратиться в суд с заявлением о восстановлении нарушенных прав, возмещении материального вреда и компенсации морального вреда (ч. 4 ст. 3 ТК РФ).

Нормам ст. 3 ТК РФ корреспондируют требования ст. 64 ТК РФ, запрещающей необоснованный отказ в заключении трудового договора.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что при рассмотрении споров, связанных с отказом в приеме на работу, необходимо иметь в виду, что труд свободен и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также иметь равные возможности при заключении трудового договора без какой-либо дискриминации, то есть какого бы то ни было прямого или косвенного ограничения прав или установления прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (ст. 19, 37 Конституции Российской Федерации, ст. 2, 3, 64 ТК РФ, ст. 1 Конвенции Международной организации труда № 111 1958 г. о дискриминации в области труда и занятий, ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1961 г.). При этом необходимо учитывать, что запрещается отказывать в заключении трудового договора по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер (абзацы первый, второй п. 10 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Поскольку действующее законодательство содержит лишь примерный перечень причин, по которым работодатель не вправе отказать в приеме на работу лицу, ищущему работу, вопрос о том, имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора, решается судом при рассмотрении конкретного дела. Если судом будет установлено, что работодатель отказал в приеме на работу по обстоятельствам, связанным с деловыми качествами данного работника, такой отказ является обоснованным (абзацы четвертый и пятый п. 10 постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»).

Под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли) (абзац шестой п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»).

Понятия квалификации работника и профессионального стандарта содержится в ст. 195¹ ТК РФ. Квалификация работника – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции.

Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 9 ноября 2017 г. № 777 утверждены Методические рекомендации по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости (далее – Методические рекомендации).

В п. 2 Методических рекомендаций предусмотрено, что при решении вопросов занятости инвалидов необходимо учитывать следующее:

а) прямая дискриминация в отношении инвалидов при решении вопросов занятости выражается в не связанном с деловыми качествами инвалида отказе в приеме на работу и продвижении по службе, в профессиональной ориентации и обучении (переподготовке), трудоустройстве преимущественно на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места;

б) косвенная дискриминация представляет собой требования, которые формально являются едиными для всех, но фактически ставят в неравное положение инвалидов. Косвенная дискриминация имеет место, когда положения локальных нормативных актов (нормативных предписаний) работодателя и практика их применения создают условия, препятствующие или ограничивающие выполнение работы инвалидом по сравнению с другими работниками.

В соответствии с п. 3 Методических рекомендаций основными формами возможного проявления дискриминации являются, в частности, отказ в приеме на работу на основании наличия у претендента инвалидности; наличие при приеме на работу избыточных требований, не связанных с

трудовой деятельностью инвалида и направленных на его исключение из числа претендентов на вакантную должность или работу.

В п. 10 Методических рекомендаций определено, что органом службы занятости осуществляется государственная функция надзора и контроля за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты и их закреплением (приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 апреля 2013 г. № 181н «Об утверждении федерального государственного стандарта государственной функции надзора и контроля за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов»).

Из приведенных нормативных положений следует, что законодатель, предоставляя для инвалидов дополнительные гарантии занятости, которые обеспечиваются, в частности, путем установления квоты в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности для приема таких граждан на работу, закрепил определенный правовой механизм реализации этой гарантии, предусматривающий в том числе обязанность работодателя представить органам службы занятости информацию о выполнении квоты для приема на работу инвалида. В случае отказа в приеме на работу гражданина, направленного государственным учреждением службы занятости, работодатель обязан указать письменно в направлении службы занятости причину отказа в приеме на работу и возвратить это направление гражданину.

Действующим законодательством запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора. При заключении трудового договора не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ, не связанных с деловыми качествами работника, под которыми понимаются способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации). Основными формами возможного проявления дискриминации при трудоустройстве инвалида являются, в частности, отказ в приеме на работу на основании наличия у претендента инвалидности или предъявление работодателем при приеме на работу инвалида избыточных к нему требований, не связанных с его квалификацией и направленных на его исключение из числа претендентов на вакантную должность или работу. За необоснованный отказ работодателя в приеме инвалида на работу в пределах установленной квоты предусмотрена административная ответственность соответствующего должностного лица. Контроль за обеспечением государственных гарантий в области занятости населения осуществляет государственная служба занятости населения. На территории г. Москвы

федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и контроль за обеспечением государственных гарантий в области занятости населения в части социальной поддержки безработных граждан осуществляет Государственная инспекция труда г. Москвы, надзор и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов – Департамент труда и социальной защиты населения г. Москвы.

Нормы права, регулирующие отношения по трудоустройству инвалидов на квотируемые рабочие места, судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований К. не применены, а нормы ТК РФ, устанавливающие запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора, и разъяснения постановления Пленума Верховного Суда по данному вопросу применены неправильно. Вследствие этого спор по иску К. разрешен с нарушением норм права, регулирующих спорные отношения, при неустановлении обстоятельств, имеющих значение для дела.

В соответствии с ч. 2 ст. 56, ч. 1 ст. 67, ч. 1 ст. 196 ГПК РФ по данному делу для решения вопроса о том, являлся ли отказ в приеме К. на квотируемое рабочее место для инвалида на должность ведущего инженера АО «Институт Оргэнергострой» неправомерным и не носил ли данный отказ дискриминационный характер, юридически значимыми, подлежащими определению и установлению с учетом исковых требований К., их обоснования, возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права являлись следующие обстоятельства:

– какая информация о вакантных должностях была представлена АО «Институт Оргэнергострой» в Центр занятости населения г. Москвы в счет установленной квоты для приема на работу инвалидов;

– какие квалификационные требования были предъявлены АО «Институт Оргэнергострой» к вакантной должности ведущего инженера, на которую Центр занятости населения г. Москвы дважды направлял К. для трудоустройства в счет установленной квоты для приема на работу инвалидов; соответствовал ли К. предъявленным требованиям (квалификация, трудовой стаж, опыт работы) для трудоустройства на вакантную должность ведущего инженера в АО «Институт Оргэнергострой»;

– проводил ли 16 февраля 2017 г. уполномоченный сотрудник АО «Институт Оргэнергострой» с К. собеседование в связи с направлением отдела трудоустройства «Автозаводский» Центра занятости населения г. Москвы от 14 февраля 2017 г. по вопросу трудоустройства К. на должность ведущего инженера; какие документы запрашивались работодателем у К. для прохождения собеседования и по какой причине К. не был принят на работу по этому направлению;

– был ли уполномочен начальник электротехнического отдела АО «Институт Оргэнергострой» на проведение 31 мая 2017 г. собеседования с К. по направлению на работу отдела трудоустройства «Севастопольский» Центра занятости населения г. Москвы от 29 мая 2017 г. по вопросу трудоустройства К. на должность ведущего инженера и на оценку соответствия профессиональных и личных данных К. требованиям, предъявляемым к кандидатам для замещения вакантной должности ведущего инженера в АО «Институт Оргэнергострой»; по какой причине К. не был принят на работу по данному направлению;

– были ли соблюдены работодателем в отношении К. требования законодательства о письменном информировании гражданина о причинах отказа в приеме на работу (в данном случае на квотируемое рабочее место для инвалида).

Судебные инстанции при рассмотрении исковых требований К. в результате неправильного применения норм материального права и нарушения норм процессуального права не определили и не установили названные обстоятельства, имеющие значение для дела, не дали оценки имеющимся по делу доказательствам, как это предписывает процессуальный закон (ст. 67 ГПК РФ).

Суды первой и апелляционной инстанций, изложив в судебных постановлениях доводы К., приведенные в исковом заявлении, и обстоятельства, по его мнению, их подтверждающие, эти обстоятельства не установили, по существу исковые требования К., основанные на этих доводах, не рассмотрели.

Вместо выяснения всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, судебные инстанции, делая вывод о правомерности отказа в приеме К. на работу в АО «Институт Оргэнергострой», сослались лишь на непредставление К. при собеседовании необходимых документов, подтверждающих его квалификацию и на недостаточный стаж работы К. в должности инженера-проектировщика 2 категории, указанный в направлении на работу отдела трудоустройства «Автозаводский» Центра занятости населения г. Москвы. Однако судебными инстанциями не учтено, что продолжительность стажа работы К. – 6 месяцев 14 дней – была указана в направлении на работу Центра занятости населения г. Москвы по последней занимаемой им должности инженера-проектировщика 2 категории, при этом судебными инстанциями не исследовались данные трудовой книжки К. о его общем трудовом стаже, в том числе стаже по должностям ведущего инженера и инженера-проектировщика.

Кроме того, при выяснении причин отказа К. в принятии его на работу в АО «Институт Оргэнергострой» на квотируемое рабочее место для инвалида судебными инстанциями не принято во внимание, что в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции представителем

АО «Институт Оргэнергострой» назывались различные причины отказа в приеме К. на работу.

Приведенные обстоятельства не были проверены судами первой и апелляционной инстанций и им не дана правовая оценка, как того требуют нормативные предписания ст. 67 ГПК РФ, и эти обстоятельства обоснованно могли быть расценены К. как проявление в отношении его дискриминации при трудоустройстве по квоте для инвалида на вакантную должность ведущего инженера в АО «Институт Оргэнергострой» и, соответственно, нарушение его конституционного права на труд.

Таким образом, выводы судебных инстанций о том, что отказ АО «Институт Оргэнергострой» в заключении трудового договора с К. не имеет дискриминационного характера и не нарушает его права, поскольку связан с недостаточным опытом работы К., несоответствием личностных и деловых качеств К. требованиям, установленным в должностной инструкции по должности ведущего инженера АО «Институт Оргэнергострой» и профессиональном стандарте для должности инженера-проектировщика, являются неправомерными, сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права при неправильном определении обстоятельств, имеющих значение для дела, и несоответствии выводов судов, изложенных в судебных постановлениях, фактическим обстоятельствам дела.

По мнению Судебной коллегии, изложенное свидетельствует о формальном подходе судебных инстанций к рассмотрению настоящего дела, в котором разрешался спор, связанный с реализацией инвалидом права на труд, что привело к нарушению задач и смысла гражданского судопроизводства, установленных ст. 2 ГПК РФ, и права К. на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Определение № 5-КГ19-71

13. Если допущенное работодателем нарушение трудовых прав носит длящийся характер, исковые требования могут быть предъявлены работником в течение всего срока неисполнения работодателем своей обязанности.

Б. 4 апреля 2018 г. обратилась в суд с иском к ИП Д. о возмещении заработной платы, в котором просила взыскать компенсацию за несвоевременную выдачу трудовой книжки, возместить затраты на оборудование, инструменты, механизмы и доставку товара, взыскать

компенсацию морального вреда, вернуть трудовую книжку с внесением в нее записи о периоде работы у ИП Д.

Из материалов дела усматривается, что Б. обратилась в суд с иском к ИП Д., ссылаясь на то, что она с 19 мая по 7 декабря 2017 г. работала у ИП Д. с организацией работы по вязанию изделий на дому, однако после прекращения трудовых отношений до даты обращения в суд ее трудовая книжка ей не возвращена.

В материалы дела истцом Б. представлены заявления от работника (валяльщицы носков и варежек Б.) на имя Д. от 18 и 25 декабря 2017 г., на имя ИП Д. от 11 и 19 января 2018 г. с просьбой о выдаче экземпляра трудового договора и ее трудовой книжки, переданной при оформлении на работу 19 мая 2017 г. Д.

10 января 2018 г. Б. обратилась к руководителю государственной инспекции труда с заявлением о нарушении трудовых прав.

В ответе государственного инспектора труда (по правовым вопросам) от 29 января 2018 г. Б. сообщено о том, что у ИП Д. проведена проверка соблюдения трудового законодательства Российской Федерации. Б. также разъяснено право на обращение в суд с иском с заявлением.

2 марта 2018 г. Б. обратилась в суд с иском к ИП Д. о возмещении заработной платы, в котором просила в том числе о возврате трудовой книжки ответчиком и возмещении материального ущерба.

Определением судьи от 5 марта 2018 г. исковое заявление Б. к ИП Д. о возмещении заработной платы оставлено без движения в связи с тем, что истцом не предоставлен расчет цены иска, расчет компенсации за несвоевременную выдачу трудовой книжки, расчет компенсации затрат на инструменты, механизмы, доставку товара.

Определением судьи от 23 марта 2018 г. исковое заявление Б. к ИП Д. о возмещении заработной платы возвращено Б. на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ (невыполнение указаний судьи, перечисленных в определении от 5 марта 2018 г.).

4 апреля 2018 г. Б. вновь обратилась в суд с тем же иском к ИП Д.

В предварительном судебном заседании 11 мая 2018 г. суд первой инстанции в соответствии с ч. 6 ст. 152 ГПК РФ пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований Б. Суд первой инстанции исходил из того, что истцом пропущен предусмотренный ч. 1 ст. 392 ТК РФ трехмесячный срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, о применении последствий пропуска которого заявлено стороной ответчика, поскольку о нарушении своих прав Б. узнала 7 декабря 2017 г., а в суд с иском обратилась 4 апреля 2018 г., трехмесячный срок обращения в суд за защитой нарушенных прав истек 7 марта 2018 г.

Суд первой инстанции также указал, что доводов об уважительности причин пропуска срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора Б. в судебном заседании не представлено.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судебных инстанций об отказе Б. в удовлетворении ее исковых требований со ссылкой на пропуск истцом срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора основаны на неправильном толковании и применении норм материального права, а также сделаны с существенным нарушением норм процессуального права, указав следующее.

Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются, в частности, обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту; обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров (ст. 2 ТК РФ).

В ст. 381 ТК РФ установлено, что индивидуальный трудовой спор – неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Индивидуальным трудовым спором признается спор между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора.

Индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами (ст. 382 ТК РФ).

Сроки обращения работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора установлены ст. 392 ТК РФ.

В ч. 1 ст. 392 ТК РФ предусмотрено, что работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки.

За разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении (ч. 2 ст. 392 ТК РФ).

При пропуске по уважительным причинам сроков, установленных чч. 1, 2 и 3 ст. 392 ТК РФ, они могут быть восстановлены судом (ч. 4 ст. 392 ТК РФ).

В абзаце пятом п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее также – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2) разъяснено, что в качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи).

Разъяснения по вопросам пропуска работником срока на обращение в суд содержатся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (далее также – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15).

Эти разъяснения не были приняты во внимание судом апелляционной инстанции, рассматривавшим дело по апелляционной жалобе Б. 1 октября 2018 г.

Между тем Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 мая 2018 г. № 15 разъяснил следующее: «Судам необходимо учитывать, что при пропуске работником срока, установленного статьей 392 ТК РФ, о применении которого заявлено ответчиком, такой срок может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин (часть четвертая статьи 392 ТК РФ). В качестве уважительных причин пропуска срока для обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, объективно препятствовавшие работнику своевременно обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора, как то: болезнь работника, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимости осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи и т.п.

К уважительным причинам пропуска срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора может быть также отнесено и обращение работника с нарушением правил подсудности в другой суд, если первоначальное заявление по названному спору было подано этим работником в установленный статьей 392 ТК РФ срок.

Обратить внимание судов на необходимость тщательного исследования всех обстоятельств, послуживших причиной пропуска работником установленного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

Оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении пропущенного срока, суд не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших работнику своевременно обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора. Например, об уважительности причин пропуска срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора может свидетельствовать своевременное обращение работника с письменным заявлением о нарушении его трудовых прав в органы прокуратуры и (или) в государственную инспекцию труда, которыми в отношении работодателя было принято соответствующее решение об устранении нарушений трудовых прав работника, вследствие чего у работника возникли правомерные ожидания, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке.

Обстоятельства, касающиеся причин пропуска работником срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, и их оценка судом должны быть отражены в решении (часть 4 статьи 198 ГПК РФ)».

Из норм трудового законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что работникам, не реализовавшим свое право на обращение в суд в установленный законом срок по уважительным причинам, этот срок может быть восстановлен в судебном порядке. Перечень уважительных причин, при наличии которых пропущенный срок для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора может быть восстановлен судом, законом не установлен. Приведенный в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации перечень уважительных причин пропуска срока обращения в суд исчерпывающим не является.

Соответственно, с учетом положений ст. 392 ТК РФ в системной взаимосвязи с требованиями ст. 2 (о задачах гражданского судопроизводства), 56, 67, 71 (о доказательствах и доказывании, оценке доказательств) ГПК РФ суд, оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении работнику пропущенного срока для обращения в суд за разрешением

индивидуального трудового спора, не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших лицу своевременно обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

При рассмотрении судом первой инстанции в предварительном судебном заседании в порядке ч. 6 ст. 152 ГПК РФ исковых требований Б. о взыскании компенсации за несвоевременную выдачу трудовой книжки, компенсации материальных затрат, компенсации морального вреда нормы трудового законодательства и разъяснения по их применению, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2, не были учтены, равно как и судом апелляционной инстанции, который также не принял во внимание разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15.

Признавая неуважительными причины пропуска Б. предусмотренного ч. 1 ст. 392 ТК РФ трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, судебные инстанции в нарушение требований ст. 67, 198 ГПК РФ не установили и не приняли во внимание всю совокупность обстоятельств, не позволивших Б. своевременно обратиться с иском в суд.

Так, не получили правовой оценки судебных инстанций следующие обстоятельства. Б. после сообщения ей 7 декабря 2017 г. (представителем работодателя ИП Д.) о том, что в ее услугах не нуждаются, своевременно 10 января 2018 г. обратилась с письменным заявлением о нарушении ее трудовых прав к руководителю государственной инспекции труда, полагая, что ее трудовые права будут восстановлены во внесудебном порядке. Ответ государственной инспекции труда на обращение Б. с разъяснением ее права на обращение в суд с иском направлено 29 января 2018 г. Б. 2 марта 2018 г., то есть в пределах трехмесячного срока, обратилась в суд с иском к ИП Д. о возмещении заработной платы, в котором просила в том числе о возврате трудовой книжки и возмещении материального ущерба. Данное исковое заявление Б. определением судьи от 5 марта 2018 г. оставлено без движения для устранения недостатков до 19 марта 2018 г. С этим определением судьи она ознакомилась только 22 марта 2018 г. при посещении суда по собственной инициативе ввиду несвоевременного отправления ей судебной корреспонденции. 4 апреля 2018 г., устранив недостатки искового заявления, Б. вновь обратилась в суд с тем же иском к ИП Д.

Приведенные обстоятельства, которые препятствовали обращению Б. в суд в трехмесячный срок за разрешением индивидуального трудового спора, в судебных постановлениях в нарушение требований процессуального закона не изложены, судебными инстанциями во внимание не приняты, в связи с

чем вывод о том, что истцом пропущен срок на обращение суд, является неправомерным.

Кроме того, судебные инстанции, применив при рассмотрении исковых требований Б. положения ст. 392 ТК РФ (о сроках обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора), не учли длящийся характер допущенного работодателем нарушения ее прав, сложившийся в результате невыдачи ей работодателем трудовой книжки, что явилось основанием для предъявления Б. исковых требований о возврате трудовой книжки, взыскании компенсации за ее несвоевременную выдачу и о возмещении заработной платы в течение всего срока невыполнения работодателем обязанности совершить определенное действие (в данном случае – выдать трудовую книжку).

Судебная коллегия полагает, что решение судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Б. без исследования иных имеющих значение для дела обстоятельств со ссылкой лишь на пропуск истцом срока для обращения в суд противоречит задачам гражданского судопроизводства, как они определены в ст. 2 ГПК РФ, и создает препятствия для защиты трудовых прав истца и прав на пенсионное обеспечение (трудовая книжка необходима Б. для оформления пенсии), как обоснованно указывает в кассационной жалобе Б. Таким решением нарушается право Б. на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Определение № 13-КГ19-3

***Разрешение споров, связанных с
исполнительным производством***

14. Обращение взыскания на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью допускается при недостаточности у него иного имущества, на которое можно обратить взыскание для исполнения содержащихся в исполнительном документе требований.

М. обратился в суд к Б. с иском об обращении взыскания на долю в уставном капитале, указывая, что вступившим в законную силу решением суда с ответчика взысканы денежные средства в размере 7 524 536 руб., возбуждено исполнительное производство, которое не окончено. В ходе исполнительного производства с Б. частично взыскана задолженность за счет обращения взыскания на его пенсию, однако оставшаяся сумма в размере

7 465 337 руб. 49 коп. не взыскана. Согласно материалам исполнительного производства, иного имущества, достаточного для исполнения требований исполнительного листа, у Б. не имеется, однако он является единственным учредителем общества с номинальной стоимостью уставного капитала 10 000 руб. На данную долю в уставном капитале истец просил обратить взыскание для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

При разрешении спора судом установлено, что решением суда от 29 февраля 2016 г. с Б. в пользу М. взысканы 7 524 536 руб., решение вступило в законную силу, выдан исполнительный лист.

25 мая 2016 г. судебным приставом возбуждено исполнительное производство, в рамках которого у должника установлено наличие в собственности жилого дома с земельным участком, находящихся в ипотеке, и транспортного средства, 2001 года выпуска, в отношении которого установлено отсутствие его по месту хранения.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 7 июня 2016 г. обращено взыскание на пенсию должника.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 17 ноября 2016 г. произведен арест имущества, принадлежащего должнику.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что оснований для удовлетворения требований не имеется, поскольку у ответчика в собственности имеется иное имущество, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Суд апелляционной инстанции с таким выводом согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов не согласилась по следующим основаниям.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пп. 2 и 3 постановления от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ). Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

С учетом изложенного правильное рассмотрение дела невозможно без определения и установления всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора.

В соответствии с ч. 3 ст. 74 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) при недостаточности у должника иного имущества для исполнения содержащихся в исполнительном документе требований взыскание на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью обращается на основании судебного акта.

Обращение взыскания на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью производится посредством изменения судом способа исполнения судебного акта на основании соответствующего заявления взыскателя или судебного пристава-исполнителя.

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 64 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», взыскатель и судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд с заявлением об изменении способа исполнения судебного акта путем обращения взыскания на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, долю должника в складочном капитале полного товарищества, командитного товарищества, пай должника в производственном кооперативе (ч. 3 ст. 74 Закона об исполнительном производстве). При рассмотрении такого заявления суду необходимо оценить представленные заявителем доказательства об отсутствии у должника иного имущества для исполнения требований исполнительного документа (например, акт, составленный судебным приставом-исполнителем). При подтверждении этого факта суд вправе вынести определение об изменении способа исполнения решения суда и об обращении взыскания на соответствующую долю (пай) должника.

Из содержания приведенных норм и акта их толкования следует, что обращение взыскания на долю должника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью допускается при недостаточности у него иного имущества, на которое можно обратить взыскание, для исполнения содержащихся в исполнительном документе требований.

При рассмотрении данного спора суд, установив наличие в собственности должника имущества (жилого дома с земельным участком и автомобиля), не исследовал вопрос о том, возможно ли обратиться на них взыскание по исполнительному документу, и достаточно ли данного имущества для погашения долга.

Кроме того, рассматривая дело в апелляционном порядке, суд не проверил утверждения должника о том, что в его собственности находится и иное имущество (квартира, два автомобиля), на которое судебным приставом-исполнителем в настоящее время обращено взыскание.

Не дал суд оценки и доводам третьего лица (банка) о том, что долей в уставном капитале общества, принадлежащей Б., обеспечен выданный обществу кредит.

Нарушения, допущенные при принятии решения суда первой инстанции, судом апелляционной инстанции, проверившим его законность, не устранены.

*Определение № 78-КГ19-36
№ 2-579/2018*

15. С момента введения процедуры наблюдения все требования кредиторов, в том числе и основанные на решении третейского суда, могут быть предъявлены и рассмотрены судом только в рамках дела о банкротстве.

К. обратился в суд к обществу с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, указав, что решением третейского суда за ним признано право собственности на нежилое помещение, однако до настоящего времени оно ответчиком не исполнено.

Судом установлено, что 21 мая 2015 г. между К. и обществом заключен договор купли-продажи в отношении недвижимого имущества общей площадью 41,88 кв. м.

К. неоднократно обращался к обществу с требованием произвести государственную регистрацию перехода права собственности на приобретенное им нежилое помещение.

Решением третейского суда от 21 января 2016 г. за К. признано право собственности на нежилое помещение общей площадью 41,88 кв. м, а также прекращено право собственности общества на нежилое помещение, расположенное по этому же адресу, общей площадью 281,6 кв. м, с внесением соответствующих записей в ЕГРН.

Определением суда заявление К. о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда от 21 января 2016 г. удовлетворено. Удовлетворяя данное заявление суд исходил из отсутствия предусмотренных ст. 426 ГПК РФ оснований для отказа в его выдаче.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу Н. – конкурсного управляющего общества (ответчика по делу), отменила обжалуемое

определение и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 7 ст. 52 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» со дня вступления в силу данного Закона (1 сентября 2016 г.) нормы Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее – Закон о третейских судах) не применяются, за исключением арбитража, начатого и не завершеного до дня вступления в силу Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Поскольку третейское разбирательство по иску К. к обществу о признании права собственности было начато до дня вступления в силу Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», при разрешении заявления К. о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда следует руководствоваться положениями Закона о третейских судах.

Согласно ст. 31, 44 Закона о третейских судах исполнение решения третейского суда – обязанность сторон, заключивших третейское соглашение, подлежащая осуществлению добровольно, в порядке и сроки, установленные данным решением.

В соответствии с п. 1 ст. 45 указанного закона, если решение третейского суда не исполнено добровольно в установленный срок, то оно подлежит принудительному исполнению. Принудительное исполнение решения третейского суда осуществляется по правилам исполнительного производства, действующим на момент исполнения решения третейского суда, на основе выданного компетентным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

В силу ч. 1 ст. 427 ГПК РФ (здесь и далее в редакции, действовавшей до внесения изменений Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ) по результатам рассмотрения заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда суд выносит определение о выдаче исполнительного листа или об отказе в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Основания отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда установлены ст. 426 ГПК РФ.

Суд также отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если установит, что спор, рассмотренный третейским судом, не может быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом либо решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права (ч. 2 ст. 426 ГПК РФ).

На основании ст. 32 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, рассматриваются арбитражным судом и отнесены к специальной подведомственности арбитражных судов ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно абзацу седьмому п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования, за исключением текущих платежей, указанных в п. 1 ст. 134 названного закона, и требований о признании права собственности, о взыскании морального вреда, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными ничтожных сделок и о применении последствий их недействительности могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства.

Следовательно, с момента открытия арбитражным судом конкурсного производства в отношении должника, выступающего ответчиком в третейском разбирательстве по спору, который в силу закона подлежит рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве, третейский суд утрачивает компетенцию по его рассмотрению и обязан вынести определение о прекращении третейского разбирательства (ст. 38 Закона о третейских судах).

Если же третейский суд без нарушения компетенции вынес решение по такому спору против ответчика-должника до момента открытия в отношении него конкурсного производства, то после указанного момента подтвержденное этим решением третейского суда требование к должнику о возврате имущества подлежит рассмотрению в ходе конкурсного производства в деле о банкротстве.

В соответствии с п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу.

По смыслу указанных норм с момента введения процедуры наблюдения все требования кредиторов, в том числе и основанные на решении третейского суда, могут быть предъявлены и рассмотрены судом только в рамках дела о банкротстве. Это относится и к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, так как оно может быть исполнено только в порядке, установленном законодательством о банкротстве.

Кроме того, как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г.), в соответствии с пп. 28, 34

постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов № 96 (утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 22 декабря 2005 г.), введение процедур банкротства (наблюдение, конкурсное производство, финансовое оздоровление или внешнее управление) в целях защиты публичных интересов и имущественных интересов третьих лиц – кредиторов должника, находящегося в банкротстве, влечет наступление предусмотренных законом последствий (в том числе возможность предъявления требований кредиторов к должнику по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей только с соблюдением установленного законом порядка; приостановление производств по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств; приостановление исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям и др.); лицу, подавшему исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам до даты введения процедуры наблюдения, предоставляется возможность либо остаться в рамках процесса по признанию и приведению в исполнение решения третейского суда, либо обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве.

Однако на возникновение публично-правовых последствий отношений процессуальное волеизъявление такого лица не влияет: исполнительный лист в ходе упомянутых процедур банкротства по такому отдельному делу не выдается в силу запрета на осуществление по подобным требованиям исполнительного производства в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления и в целях обеспечения баланса прав всех кредиторов должника.

Рассматривая заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, вынесенного против лица, в отношении которого на момент рассмотрения заявления было возбуждено дело о банкротстве, суды должны исследовать вопрос о том, не влечет ли легализация решения третейского суда вне рамок конкурсного производства необоснованное удовлетворение требований одного из кредиторов и, как следствие, нарушение прав и законных интересов других кредиторов.

В том случае, когда требование о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда было предъявлено в государственный суд после введения процедуры наблюдения в отношении

должника, поданное заявление подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения в отношении этого должника на основании п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ (для судов общей юрисдикции производство по делу прекращается в соответствующей части на основании абзаца второго ст. 220 ГПК РФ), а кредитор вправе заявить имеющееся требование в ином судебном порядке на основании ст. 71 Закона о банкротстве.

Определением арбитражного суда от 9 декабря 2016 г. заявление организации о признании общества (ответчик по данному делу) несостоятельным (банкротом) признано обоснованным и в отношении него введена процедура наблюдения, временным управляющим утвержден Н.

Решением арбитражного суда от 24 мая 2017 г. общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

С заявлением о выдаче исполнительного листа К. обратился в суд 6 июля 2018 г.

Таким образом, поскольку общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыта процедура конкурсного производства, то оснований для рассмотрения заявления К. о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по существу не имелось, соответственно данные требования могут быть рассмотрены только в рамках дела о банкротстве.

Кроме того, суд первой инстанции, рассмотрев заявление о выдаче исполнительного листа в отсутствие сторон по делу, не проверил извещены ли стороны по делу о дате и месте судебного заседания, так как извещение представителя общества не является надлежащим, поскольку на момент рассмотрения указанного заявления действие доверенности этого представителя прекращено на основании пп. 7 п. 1 ст. 188 ГК РФ в связи с введением в отношении общества конкурсного управления.

Определение № 4-КГ19-36

16. Приобретенное либо сбереженное за счет другого лица без каких-либо на то оснований имущество является неосновательным обогащением и подлежит возврату, в том числе когда такое обогащение является результатом поведения самого потерпевшего.

Банк обратился в суд с иском к В.А.Н. (уроженцу Тверской области) и С. о взыскании неосновательного обогащения в размере 229 708,54 руб., расходов на оплату государственной пошлины в размере 5 497,09 руб., указав в обоснование требований, что во исполнение постановления судебного пристава-исполнителя банк перечислил с банковского счета вкладчика В.А.Н. (уроженца Чувашской АССР) на счет Ржевского РОСП УФССП России по Тверской области в качестве долга ответчика по алиментам

271 548,34 руб. Указанные денежные средства были распределены в пользу взыскателя по исполнительному производству С. в размере 229 708,54 руб. (в счет оплаты долга по алиментам) и в доход бюджета в размере 41 839,80 руб. (исполнительский сбор).

25 декабря 2015 г. в банк поступило заявление от вкладчика В.А.Н. (уроженца Чувашской АССР) о возврате на его счет незаконно списанных денежных средств в связи с отсутствием у него алиментных обязательств перед С. Списанные денежные средства возвращены банком на счет вкладчика. Направленные в адрес службы судебных приставов и должника по исполнительному производству В.А.Н. (уроженца Тверской области) требования банка о возврате необоснованно перечисленных денежных средств остались без удовлетворения.

По мнению истца, на стороне ответчиков возникло неосновательное обогащение: у С. – в связи с получением денежных средств от лица, не имеющего перед данным ответчиком алиментных обязательств, а у В.А.Н. (уроженца Тверской области) – в связи с улучшением имущественного положения без установленных законом оснований, поскольку его задолженность по алиментам уменьшилась на сумму 229 708,54 руб. за счет денежных средств банка.

К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены В.А.Н. (уроженец Чувашской АССР), УФССП по Тверской области, Ржевский РОСП УФССП России по Тверской области.

Разрешая спор и частично удовлетворяя иск, суд первой инстанции пришел к выводу о неосновательном обогащении С. за счет истца. При этом суд исходил из того, что перечисленные С. денежные средства не относятся к алиментам, взысканным в ее пользу на содержание несовершеннолетнего ребенка с должника В.А.Н., поскольку их выплата произведена за счет иного лица, не имеющего по отношению к ней каких-либо обязательств.

Проверяя законность решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что перечисленная банком на депозитный счет подразделения судебных приставов и распределенная взыскателю С. по исполнительному производству денежная сумма составляет убыток, возникший в результате неправомерных действий самого потерпевшего. При этом последующее восстановление на счете клиента незаконно списанных денежных средств является мерой гражданско-правовой ответственности истца за нарушение условий договора банковского счета. С учетом указанных выводов суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части удовлетворения требований к С. и отказал в удовлетворении иска в указанной части.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что решение суда первой инстанции и

апелляционное определение приняты с существенным нарушением норм материального и процессуального права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1 ГК РФ одними из основных начал гражданского законодательства являются обеспечение восстановления нарушенных прав и их судебная защита.

Согласно ст. 1102 гл. 60 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса (п. 1).

Правила, предусмотренные названной главой, применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли (п. 2).

В силу подп. 3 и 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки; денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

Из приведенных выше норм материального права в их совокупности следует, что приобретенное либо сбереженное за счет другого лица без каких-либо на то оснований имущество является неосновательным обогащением и подлежит возврату, в том числе когда такое обогащение является результатом поведения самого потерпевшего.

При этом в целях определения лица, с которого подлежит взысканию неосновательное обогащение, необходимо установить не только сам факт приобретения или сбережения таким лицом имущества без установленных законом оснований, но и то, что именно ответчик является неосновательно обогатившимся за счет истца и при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие возможность взыскания с него неосновательного обогащения.

Предъявляя требования о взыскании неосновательного обогащения, банк указывал на то, что названные выше денежные средства были ошибочно перечислены им в счет погашения задолженности В.А.Н. (третьего лица) по алиментным обязательствам перед С., которой в действительности не было.

В обоснование ошибки истец ссылаясь на полное совпадение фамилии, имени, отчества, даты рождения вкладчика банка В.А.Н. (третье лицо) и должника по исполнительному производству В.А.Н. (ответчик).

При таких обстоятельствах отказ в удовлетворении иска на том основании, что банк сам виновен в перечислении денежных средств на счет подразделения судебных приставов, противоречит приведенным выше нормам права, поскольку такое поведение потерпевшего не исключает возникновение неосновательного обогащения на стороне приобретателя имущества.

Как установлено судами, задолженность ответчика В.А.Н. по алиментам перед взыскателем по исполнительному производству С. в размере 229 708,54 руб. была полностью погашена за счет средств банка, что свидетельствует об улучшении имущественного положения указанного должника, поскольку он осуществил сбережение собственного имущества за счет расходования денежных средств Банком и тем самым не понес расходы по алиментным обязательствам, которые должен понести согласно судебному приказу.

В силу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, и законы, которыми руководствовался суд.

Приведенные выше требования распространяются и на суд апелляционной инстанции, принявший новое решение по делу (ч. 1 ст. 327 ГПК РФ).

Между тем в нарушение указанных норм процессуального права в обжалуемых судебных постановлениях не приведены доказательства, на основании которых суды пришли к выводам о том, что перечисление банком денежных средств в счет погашения долга ответчика В.А.Н. по алиментным обязательствам не является неосновательным обогащением последнего, а также не указаны обстоятельства, исключающие возможность взыскания с указанного лица неосновательного обогащения.

*Определение № 35-КГ19-5
№2-573/2018*

Процессуальные вопросы

17. Если нарушение судом установленного срока изготовления решения суда в окончательной форме повлекло за собой позднее получение сторонами по делу мотивированного решения суда и способствовало существенному сокращению срока на обжалование решения суда в апелляционном порядке либо полному лишению сторон

возможности такого обжалования, срок подачи апелляционной жалобы подлежит восстановлению судом по их заявлению.

Решением суда от 5 июля 2018 г. иск общества удовлетворен, встречный иск организации удовлетворен частично.

Не согласившись с решением суда, общество подало апелляционную жалобу, приложив к ней заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока ее подачи.

Удовлетворяя заявление общества о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи апелляционной жалобы, суд первой инстанции исходил из того, что пропущенный срок не является значительным и обусловлен объективными причинами: недостаточным временем для ознакомления с мотивированным решением суда и для составления апелляционной жалобы.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении вышеназванного заявления, суд второй инстанции пришел к выводу о том, что доказательств, подтверждающих несоблюдение судом первой инстанции требований закона о составлении мотивированного решения суда, у судебной коллегии не имеется, несвоевременное получение обществом мотивированного решения суда не может быть расценено в качестве уважительной причины несвоевременной подачи им апелляционной жалобы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 199 ГПК РФ решение суда принимается немедленно после разбирательства дела. Резолютивную часть решения суд должен объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела.

При объявлении только резолютивной части решения суда председательствующий обязан разъяснить, когда лица, участвующие в деле, их представители могут ознакомиться с мотивированным решением суда (ч. 2 ст. 193 ГПК РФ), что на основании п. 13 ч. 2 ст. 229 названного кодекса должно быть отражено в протоколе судебного заседания.

Процессуальными сроками являются установленные федеральными законами либо назначенные судом сроки для совершения процессуальных действий судом, лицами, участвующими в деле, иными участниками процесса (ст. 107, 109 ГПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 107 ГПК РФ процессуальные сроки определяются датой, указанием на событие, которое должно неизбежно наступить, или

периодом. В последнем случае процессуальное действие может быть совершено в течение всего периода.

Течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало (ч. 3 указанной статьи).

Апелляционные жалоба, представление могут быть поданы в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме, если иные сроки не установлены данным кодексом (ч. 2 ст. 321 ГПК РФ).

Течение месячного срока на подачу апелляционных жалобы, представления начинается согласно ч. 3 ст. 107 и ст. 199 ГПК РФ со дня, следующего за днем составления мотивированного решения суда (принятия решения суда в окончательной форме), и оканчивается согласно ст. 108 ГПК РФ в соответствующее число следующего месяца (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции»).

Из приведенных норм процессуального права и акта их толкования следует, что для правильного исчисления процессуального срока подачи апелляционной жалобы (представления) суду надлежит определить дату изготовления мотивированного решения суда, то есть установить событие, с которого начинается течение месячного срока на подачу апелляционной жалобы.

При этом следует учитывать, что процедура апелляционного обжалования судебного постановления включает две стадии, содержащие установленные на их выполнение сроки: составление мотивированного решения суда, который в силу ст. 199 ГПК РФ не должен превышать пять дней со дня окончания разбирательства дела, и срок подачи апелляционной жалобы, который исчисляется одним месяцем со дня наступления события, которыми определено его начало (ч. 3 ст. 107 ГПК РФ).

Поскольку дата изготовления мотивированного решения суда является событием, определяющим начало течения срока апелляционного обжалования указанного решения, то право на подачу апелляционной жалобы должно осуществляться с того момента, когда лицо, участвующее в деле, получило реальную возможность ознакомиться с решением суда, которое влечет возникновение для него определенных последствий либо затрагивающим его права и охраняемые законом интересы. В противном же случае несоблюдение судом требований к изготовлению мотивированного решения суда в срок, установленный ч. 2 ст. 199 ГПК РФ, существенно сократит срок на обжалование решения суда в апелляционном порядке, вплоть до полного лишения сторон возможности такого обжалования.

При таких обстоятельствах в случае нарушения судом пятидневного срока составления мотивированного решения (принятия решения суда в окончательной форме) срок подачи апелляционной жалобы начинает исчисляться со дня, следующего за днем изготовления мотивированного решения суда.

Кроме того, нарушение судом пятидневного срока составления мотивированного решения (принятия решения суда в окончательной форме) может повлечь также позднее получение лицом, принимающим участие в деле, копии мотивированного решения суда, что не может не сказаться на реализации указанным лицом своего права на апелляционное обжалование решения суда.

Таким образом, в случае, если нарушение судом установленного ч. 2 ст. 199 ГПК РФ срока изготовления решения суда в окончательной форме повлекло за собой позднее получение сторонами по делу мотивированного решения суда и способствовало существенному сокращению срока на обжалование решения суда в апелляционном порядке либо полному лишению сторон возможности такого обжалования, то срок подачи апелляционной жалобы подлежит восстановлению судом по их заявлению на основании ст. 112 ГПК РФ. Указанные обстоятельства отнесены к уважительным причинам пропуска процессуального срока (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

В судебном заседании 5 июля 2018 г., в котором спор разрешен по существу, присутствовал представитель общества.

После оглашения резолютивной части решения суд разъяснил лицам, участвующим в деле, о том, что мотивированное решение может быть получено в приемной суда 11 июля 2018 г.

При разрешении вопроса о возможности восстановления пропущенного процессуального срока, суд апелляционной инстанции исходил из того, что месячный срок для апелляционного обжалования решения суда от 5 июля 2018 г. начал исчисляться с 11 июля 2018 г. (даты, которую указал суд при оглашении резолютивной части решения) и истекал 13 августа 2018 г. (в связи с тем, что 11 августа 2018 г. являлось выходным днем).

Между тем начало течения срока апелляционного обжалования, как определено действующим гражданским процессуальным законодательством, обуславливается днем изготовления мотивированного решения суда, а не днем, который суд первой инстанции указал на возможность его получения.

Как следует из информации о движении гражданского дела, размещенной на официальном сайте суда, мотивированное решение было

изготовлено 10 июля 2018 г., в связи с чем срок апелляционного обжалования истек 10 августа 2018 г.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не проверял, была ли у общества реальная возможность получить копию мотивированного решения суда, как в день его изготовления, так и в день обращения его представителя с заявлением о выдаче копии судебного акта (17 июля 2018 г.). Не исследовались судом апелляционной инстанции и причины, по которым копия решения суда от 5 июля 2018 г. была получена представителем общества только 31 июля 2018 г.

Данные обстоятельства судом апелляционной инстанции учтены не были, а потому надлежащим образом не установлена, не исследована и не оценена объективная возможность подачи обществом апелляционной жалобы в срок с учетом того, что копия судебного акта, в отсутствие которой реализация права на обжалование в апелляционном порядке невозможна, была получена представителем общества по истечении половины срока обжалования.

*Определение № 38-КГ19-12
№2-104/2018*

18. В нарушение требований чч. 5 и 7 ст. 67 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не установил содержание оригиналов документов, представленных в суд в копиях.

Федеральное казенное учреждение «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» (далее также – ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях», учреждение) 20 октября 2017 г. обратилось в суд с иском к Г. о возмещении материального ущерба.

Как установлено судом и следует из материалов дела, приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 2 декабря 2013 г. майор внутренней службы Г. был назначен на должность главного специалиста отдела (подготовки документов и мероприятий) центра (оперативно-аналитического) Национального центра управления в кризисных ситуациях (должность связана с обеспечением деятельности Государственной противопожарной службы) по контракту сроком на пять лет.

Распоряжением МЧС России от 26 марта 2015 г. Г. был включен в перечень лиц, ответственных за получение и учет средств связи, вычислительной техники и оргтехники в структурных подразделениях центрального аппарата МЧС России.

Приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 30 ноября 2016 г. подполковник внутренней службы Г. был

освобожден от занимаемой должности и зачислен в распоряжение ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях».

Приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 9 декабря 2016 г. с Г. расторгнут контракт от 1 декабря 2013 г., и он уволен со службы в федеральной противопожарной службе по п. 11 ч. 2 ст. 83 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службе и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в связи с сокращением должности в федеральной противопожарной службе, замещаемой сотрудником).

Из материалов дела также усматривается, что приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 21 октября 2016 г. в целях проверки наличия, учета, сохранности материальных средств и имущества, числящемся за увольняемым сотрудником Г., создана комиссия по инвентаризации материальных средств ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях».

Заключением об итогах административного расследования (проверки), проведенного в период с 25 ноября по 5 декабря 2016 г. по результатам работы инвентаризационной комиссии у Г. выявлена недостача (утеря) двух ноутбуков стоимостью 92 667 руб. 72 коп., остаточная стоимость которых с учетом износа составила 30 889 руб. 32 коп. Предложено привлечь Г. к материальной ответственности в полном размере ущерба 30 889 руб. 32 коп.

5 декабря 2016 г. начальником ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» издан приказ, согласно которому Г. за причиненный им учреждению ущерб в размере 30 889 руб. 32 коп. привлечен к материальной ответственности в пределах его среднего месячного денежного содержания в размере 30 889 руб. 32 коп.

Заключением об итогах административного расследования (проверки), проведенного в период с 6 декабря по 7 декабря 2016 г. по результатам работы инвентаризационной комиссии у Г. выявлена недостача (утеря) материальных средств общей стоимостью 1 105 937 руб. 77 коп., остаточная стоимость которого с учетом износа составила 364 271 руб. 52 коп. Предложено привлечь Г. к материальной ответственности в полном размере ущерба 364 271 руб. 52 коп.

Приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 8 декабря 2016 г. на Г. возложена обязанность до 9 декабря 2016 г. осуществить передачу материальных средств должностным лицам.

9 декабря 2016 г. начальником ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» издан приказ, которым Г. за причиненный им учреждению ущерб в размере 364 271 руб. 52 коп. привлечен к материальной ответственности. Этим же приказом начальнику финансово-экономического отдела (главному бухгалтеру) предписано произвести удержание из

денежного содержания Г. в пределах его среднего месячного денежного содержания в размере 69 536 руб. 90 коп., а на заместителя начальника управления (организации повседневной деятельности) – начальника отдела (административно-правового) возложена обязанность подготовить материалы для взыскания оставшейся суммы материального ущерба, причиненного Г., в судебном порядке.

Согласно расчетному листку за декабрь 2016 г. с Г. удержано в результате выявленной недостачи имущества 1 120 руб. 07 коп.

23 мая 2017 г. начальником отдела (планирования и организации связи) ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» был подан рапорт об обнаружении 16 материальных средств, которые числились за Г.

В заключении (дата не указана) о средней рыночной стоимости материальных средств на 6 декабря 2016 г., составленном начальником отдела (планирования и организации связи) ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» указано, что средняя рыночная стоимость 13 материальных средств составляет 191 904 руб. 71 коп.

Приказом ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» от 20 октября 2017 г. в приказ учреждения от 9 декабря 2016 г. были внесены изменения в части стоимости утраченного Г. имущества, которым слова и цифры 364 271 руб. 52 коп. заменены словами и цифрами 161 015 руб. 39 коп.

20 октября 2017 г. ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» обратилось в суд с иском о взыскании с Г. причиненного прямого действительного ущерба в размере 190 784 руб. 01 коп.

Разрешая спор и отказывая ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» в удовлетворении исковых требований к Г. о возмещении прямого действительного ущерба, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 242, 244 ТК РФ и принимая во внимание разъяснения, содержащиеся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю», пришел к выводу о том, что правовых оснований для привлечения Г. к полной материальной ответственности не имеется, указав, что представленное в материалы дела распоряжение МЧС России от 26 марта 2015 г. № 88, на которое ссылается истец как на документ, влекущий возникновение полной материальной ответственности у ответчика, не является таковым, а является односторонним организационно-распорядительным документом и не может создавать для работника прав и обязанностей, которые в силу прямого указания в законе возникают только при заключении специального письменного договора о полной материальной ответственности. Также суд первой инстанции указал на то, что работодатель не вправе своими

односторонними действиями, выраженными в том числе в издании соответствующего распоряжения, расширять пределы ответственности работника и создавать для него худшее по сравнению с нормами закона положение, при этом доказательств заключения с Г. договора о полной материальной ответственности истцом не представлено.

Кроме того, судом первой инстанции учтено, что в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ истцом не представлено доказательств тому, что Г. принимал какие-либо материальные ценности, которые в последующем были им утрачены.

На решение суда первой инстанции представителем ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» 16 января 2018 г. была подана апелляционная жалоба, в которой заявителем указано о готовности представить к судебному заседанию суда апелляционной инстанции независимую оценку ущерба, произведенную (выполненную) независимым экспертом.

Определением судьи от 31 января 2018 г. апелляционная жалоба представителя ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» оставлена без движения до 12 марта 2018 г.

7 марта 2018 г. представителем ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» поданы дополнения к апелляционной жалобе, к которой приложены: копия накладной на внутреннее перемещение объектов основных средств (форма ОС-2) от 3 июня 2015 г.; копия накладной на внутреннее перемещение объектов основных средств (форма ОС-2) от 30 октября 2015 г.; копия требования-накладной от 26 декабря 2014 г.; копия требования-накладной от 25 марта 2015 г.; копия требования-накладной от 21 июля 2015 г.

В судебном заседании 2 июля 2018 г. судом апелляционной инстанции обсуждался вопрос о приобщении к материалам дела приложенных к апелляционной жалобе документов, при этом представитель ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» просил приобщить данные документы к материалам дела, не указывая причин, по которым эти документы не могли быть представлены им в суд первой инстанции. Представитель Г. возражал против принятия названных документов в качестве дополнительных доказательств. Суд апелляционной инстанции, выслушав мнения сторон, приобщил протокольным определением к материалам дела документы, приложенные к апелляционной жалобе без приведения мотивов.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и частично удовлетворил иски ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» о взыскании с бывшего сотрудника Г. материального ущерба, причиненного учреждению, принимая во внимание представленные истцом в суд

апелляционной инстанции дополнительные доказательства. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Г., являясь материально-ответственным лицом, в чьи обязанности входила сохранность материальных средств, что подтверждается наименованием его должности и функциональными обязанностями, в установленном порядке не сдал товарно-материальные ценности на склад или другим материально-ответственным лицам, в ходе инвентаризации выявлена недостача этих товарно-материальных ценностей, соответственно на него должна быть возложена полная материальная ответственность перед истцом.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что Г. не представлено доказательств отсутствия своей вины в причинении учреждению материального ущерба, в связи с чем в соответствии с положениями ст. 233, 238, 239, 242 ТК РФ на Г. лежит обязанность по возмещению причиненного истцу материального ущерба с учетом износа имущества и удержаний, произведенных работодателем.

Разрешая спор суд апелляционной инстанции также сослался на положения ст. 250 ТК РФ, учел материальное положение сотрудника, а также, что у него имеются иждивенцы (двое детей), неработающая супруга и пришел к выводу о снижении суммы ущерба, подлежащей взысканию с ответчика по сравнению с размером, заявленным ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» в исковом заявлении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции о наличии оснований для привлечения Г. к полной материальной ответственности сделаны с существенным нарушением норм процессуального права.

Делая вывод о доказанности истцом наличия оснований для привлечения Г. к полной материальной ответственности, суд апелляционной инстанции обосновал его ссылкой на представленные истцом в суд апелляционной инстанции дополнительные доказательства.

Разрешая вопрос о приобщении к материалам дела дополнительных доказательств, суд апелляционной инстанции допустил существенные нарушения норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих порядок и условия принятия судом апелляционной инстанции дополнительных доказательств, что в свою очередь привело к нарушению принципа равноправия и состязательности сторон спора (ст. 12 ГПК РФ).

Суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ.

Суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления. Суд апелляционной инстанции

оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. Дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. О принятии новых доказательств суд апелляционной инстанции выносит определение (ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ).

В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» разъяснено, что, по смыслу ст. 327 ГПК РФ, повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции.

Если в апелляционных жалобе, представлении имеется ссылка на дополнительные (новые) доказательства, то судья-докладчик, исходя из требований абзаца второго ч. 2 ст. 327 ГПК РФ, излагает их содержание и ставит на обсуждение вопрос о принятии дополнительных (новых) доказательств с учетом мнения лиц, участвующих в деле (абзац первый п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. №13).

В случае, когда непосредственно в судебном заседании суда апелляционной инстанции лицо заявило ходатайство о принятии и исследовании дополнительных (новых) доказательств, независимо от того, что в апелляционных жалобе, представлении оно на них не ссылалось, суд апелляционной инстанции рассматривает данное ходатайство с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании, и дает оценку характеру причин (уважительный или неуважительный) невозможности представления дополнительных (новых) доказательств в суд первой инстанции. При этом с учетом предусмотренного ст. 12 ГПК РФ принципа состязательности сторон и положений ч. 1 ст. 56 ГПК РФ обязанность доказать наличие обстоятельств, препятствовавших лицу, ссылающемуся на дополнительные (новые) доказательства, представить их в суд первой инстанции, возлагается на это лицо. В соответствии с абзацем вторым ч. 2 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции принимает дополнительные (новые) доказательства, если признает причины невозможности представления таких доказательств в суд первой инстанции уважительными (абзацы второй–четвертый п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13).

Дополнительные (новые) доказательства не могут быть приняты судом апелляционной инстанции, если будет установлено, что лицо, ссылающееся на них, не представило эти доказательства в суд первой инстанции, поскольку вело себя недобросовестно и злоупотребляло своими процессуальными правами (абзац шестой п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13).

В п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 разъяснено, что принятие дополнительных (новых) доказательств в соответствии с абзацем вторым ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ оформляется вынесением определения с указанием в нем мотивов, по которым суд апелляционной инстанции пришел к выводу о невозможности представления этих доказательств в суд первой инстанции по причинам, признанным уважительными, а также об относимости и допустимости данных доказательств. С учетом положений ст. 224–225 ГПК РФ определение о принятии дополнительных (новых) доказательств может быть постановлено как в совещательной комнате, так и без удаления в совещательную комнату посредством занесения такого определения в протокол судебного заседания.

Приведенные процессуальные нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению не были приняты во внимание судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела по апелляционной жалобе ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях», требования процессуального закона им не исполнены.

Как усматривается из материалов дела, представленные ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» в суд апелляционной инстанции документы в качестве дополнительных (новых) доказательств датированы ранее даты рассмотрения дела в суде первой инстанции, в суд первой инстанции данные документы истцом представлены не были и судом не исследовались. Истец в нарушение приведенных выше требований гражданского процессуального законодательства не привел в суде апелляционной инстанции причины, по которым не мог представить данные документы в суд первой инстанции, подтверждающие по мнению истца получение Г. под отчет материальные ценности, а суд апелляционной инстанции этих причин у истца не выяснял и не исследовал вопрос об их уважительности. Новые доказательства судом апелляционной инстанции были приобщены к материалам дела согласно апелляционному определению от 2 июля 2018 г., занесенного в протокол судебного заседания, при наличии возражений со стороны представителя ответчика. При этом суд апелляционной инстанции не указал мотивов, в соответствии с которыми пришел к выводу о невозможности представления этих доказательств истцом

в суд первой инстанции, а также мотивы об относимости и допустимости данных доказательств.

Судебная коллегия по гражданским делам также указала на иные допущенные судом апелляционной инстанции существенные нарушения норм процессуального права.

В соответствии с ч. 1 ст. 71 ГПК РФ письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи).

Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии.

Подлинные документы представляются тогда, когда обстоятельства дела согласно законам или иным нормативным правовым актам подлежат подтверждению только такими документами, когда дело невозможно разрешить без подлинных документов или когда представлены копии документа, различные по своему содержанию. Если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов (ч. 2 ст. 71 ГПК РФ).

Положение ч. 2 ст. 71 ГПК РФ, обязывающее представлять в суд письменные доказательства в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, конкретизирует положения ст. 50 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, не допускающей использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона, и ч. 2 ст. 55 того же кодекса, в соответствии с которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 724-0).

Правила оценки доказательств установлены ст. 67 ГПК РФ, в соответствии с ч. 5 которой при оценке документов или иных письменных доказательств суд обязан с учетом других доказательств убедиться в том, что такие документ или иное письменное доказательство исходят от органа,

уполномоченного представлять данный вид доказательств, подписаны лицом, имеющим право скреплять документ подписью, содержат все другие неотъемлемые реквизиты данного вида доказательств.

При оценке копии документа или иного письменного доказательства суд проверяет, не произошло ли при копировании изменение содержания копии документа по сравнению с его оригиналом, с помощью какого технического приема выполнено копирование, гарантирует ли копирование тождественность копии документа и его оригинала, каким образом сохранялась копия документа (ч. 6 ст. 67 ГПК РФ).

Суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен и не передан суду оригинал документа, и представленные каждой из спорящих сторон копии этого документа не тождественны между собой, и невозможно установить подлинное содержание оригинала документа с помощью других доказательств (ч. 7 ст. 67 ГПК РФ).

Между тем приобщенные к материалам дела судом апелляционной инстанции копии документов прошиты и заверены представителем ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях», что не гарантирует их тождественность оригиналам. При этом в деле отсутствуют сведения о том, что судом апелляционной инстанции обзревались оригиналы документов, на основании которых иск ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» к Г. о возмещении ущерба был удовлетворен.

В нарушение требований чч. 5 и 7 ст. 67 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не установил содержание оригиналов документов, представленных ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» в копиях.

Ввиду изложенного вывод суда апелляционной инстанции о наличии оснований для привлечения ответчика Г. к полной материальной ответственности и частичном удовлетворении исковых требований ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» не может быть признан правомерным, поскольку обстоятельства, имеющие значение для дела (получение ответчиком под отчет материальных ценностей), устанавливались судом апелляционной инстанции с учетом доказательств, принятых от истца с нарушением процессуального закона, а также доказательств, не отвечающих требованиям допустимости.

Приведенное выше свидетельствует о том, что у суда апелляционной инстанции не имелось предусмотренных ст. 330 ГПК РФ оснований для отмены решения суда первой инстанции об отказе ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» в удовлетворении исковых требований о взыскании с Г. материального ущерба из-за недоказанности истцом наличия оснований для возложения на ответчика обязанности по

возмещению ущерба, а также для принятия нового решения об удовлетворении этих исковых требований.

Определение № 5-КГ19-86

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах и законодательства о банкротстве

19. Для принятия решения общего собрания акционеров по вопросу определения ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы, при том, что такой размер ранее не был определен в уставе акционерного общества, необходимо, чтобы за него было отдано три четверти голосов всех акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются.

На основании единогласно принятого решения участников акционерного общества в его устав внесены изменения, касающиеся определения ликвидационной стоимости привилегированных акций юридического лица, размер которой составил 75 (семьдесят пять) рублей за одну ценную бумагу. В список лиц, имеющих право участия во внеочередном общем собрании акционеров общества, были включены акционеры, обладающие в совокупности 950 000 голосующих акций хозяйствующего субъекта. Правом голоса по вопросам повестки дня обладали акционеры – владельцы обыкновенных акций.

Ссылаясь на недействительность указанного решения общего собрания акционеров, как принятого с нарушением ст. 32 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ), Л. обратилась в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требования отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно абзацу второму п. 4 ст. 32 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого решения,

акционеры – владельцы привилегированных акций определенного типа приобретают право голоса при решении на общем собрании акционеров вопросов о внесении изменений и дополнений в устав общества, ограничивающих права акционеров – владельцев привилегированных акций этого типа, включая случаи определения или увеличения размера дивиденда и (или) определения или увеличения ликвидационной стоимости, выплачиваемых по привилегированным акциям предыдущей очереди, а также предоставления акционерам – владельцам привилегированных акций иного типа преимуществ в очередности выплаты дивиденда и (или) ликвидационной стоимости акций. Решение о внесении таких изменений и дополнений считается принятым, если за него отдано не менее чем три четверти голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров, за исключением голосов акционеров – владельцев привилегированных акций, права по которым ограничиваются, и три четверти голосов всех акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются, если для принятия такого решения уставом общества не установлено большее число голосов акционеров.

В каждом конкретном случае обязательны оценка характера вносимых изменений и дополнений в устав акционерного общества и установление того, имеет ли место соответствующее ограничение прав владельца привилегированных акций и в чем конкретно оно заключается.

Внесение изменений в устав акционерного общества путем определения ликвидационной стоимости привилегированных акций напрямую затрагивает права акционеров – владельцев привилегированных акций, поскольку фактически определяет объем предоставляемых прав такими ценными бумагами. В частности, определение ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы (75 рублей за одну ценную бумагу) в данном конкретном случае подразумевало ограничение прав акционеров – владельцев привилегированных акций, поскольку в отсутствие в уставе ликвидационной стоимости они вправе были претендовать на такой же размер ликвидационной стоимости, какой причитается владельцам обыкновенных акций, а значит, – потенциально неограниченный.

В связи с этим решение общего собрания акционеров по вопросу определения ликвидационной стоимости привилегированных акций в виде твердой суммы, при том, что такой размер ранее не был определен в уставе Общества, могло быть принято только с соблюдением положений абзаца второго п. 4 ст. 32 Закона № 208-ФЗ, которые требуют того, чтобы за принятие решения проголосовало три четверти голосов всех акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, права по которым ограничиваются.

Вопреки выводам судов, установление произвольной ликвидационной стоимости привилегированной акции при отсутствии такой стоимости в уставе хозяйствующего субъекта не может расцениваться само по себе как улучшение положения акционера, исключающего возможность его голосования по поставленному вопросу, поскольку установление экономически необоснованной ликвидационной цены указанного типа ценных бумаг ведет к нарушению разумных ожиданий квалифицированного инвестора, осознанно покупающего привилегированные акции для получения гарантированного прогнозируемого дохода в обмен на неучастие в управлении хозяйствующим субъектом.

Определение № 304-ЭС19-11056

20. Прекращение дела о банкротстве индивидуального предпринимателя в связи с заключением мирового соглашения является основанием для обращения этого предпринимателя с заявлением о его регистрации в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей. В этом случае не подлежит применению запрет на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя в течение пяти лет.

Определением арбитражного суда по другому делу требования о признании индивидуального предпринимателя банкротом признаны обоснованными, в отношении него введена процедура наблюдения.

Решением арбитражного суда по этому делу индивидуальный предприниматель признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина.

На основании поступившего в регистрирующий орган решения арбитражного суда в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГРИП) внесены сведения о прекращении деятельности этого лица в качестве индивидуального предпринимателя.

Определением арбитражного суда по делу о банкротстве утверждено мировое соглашение, производство по делу о банкротстве прекращено.

Предприниматель, ссылаясь на то, что после получения определения о прекращении дела о банкротстве регистрирующим органом не осуществлено действий по признанию недействительной или отмене ранее внесенной записи о признании его банкротом и прекращении деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, полагая незаконным бездействие регистрирующего органа, обратился с соответствующей жалобой в вышестоящий орган.

В результате рассмотрения жалобы предпринимателю отказано в ее удовлетворении по мотиву сохранения у него пятилетнего ограничения на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя,

предусмотренного п. 2 ст. 216 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ), а также указало, что действующим законодательством не предусмотрено возможности восстановления статуса индивидуального предпринимателя при заключении мирового соглашения в рамках дела о банкротстве.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным бездействия регистрирующего органа по невнесению в ЕГРИП записи в отношении предпринимателя; обязанности регистрирующего органа внести соответствующую запись в ЕГРИП в отношении предпринимателя на основании определения арбитражного суда о прекращении дела о банкротстве.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, признала незаконным бездействие регистрирующего органа и отказала в удовлетворении остальных требований по следующим основаниям.

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и государственной регистрацией при прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, а также в связи с ведением ЕГРИП, регулирует Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ).

В соответствии с п. 3 ст. 22³ Закона № 129-ФЗ государственная регистрация при прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя в связи с принятием судом решения о признании его несостоятельным (банкротом) осуществляется на основании копии решения суда о признании его несостоятельным (банкротом), поступившей в регистрирующий орган из арбитражного суда в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Согласно п. 1 ст. 216 Закона № 127-ФЗ с момента принятия арбитражным судом решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и о введении реализации имущества гражданина утрачивает силу государственная регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, а также аннулируются выданные ему лицензии на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности. Индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, не может быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя в течение пяти лет с момента завершения процедуры реализации имущества гражданина или прекращения

производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры (п. 2 ст. 216 Закона № 127-ФЗ). Арбитражный суд направляет копию решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и введении реализации имущества гражданина в орган, зарегистрировавший гражданина в качестве индивидуального предпринимателя (п. 3 ст. 216 Закона № 127-ФЗ).

В соответствии со ст. 56 Закона № 127-ФЗ принятие арбитражным судом решения об отказе в признании должника банкротом является основанием для прекращения действия всех ограничений, предусмотренных названным Законом и являющихся последствиями принятия заявления о признании должника банкротом и (или) введения наблюдения. Согласно п. 2 ст. 57 Закона № 127-ФЗ в случаях, предусмотренных п. 1 данной статьи, применяются последствия прекращения производства по делу о банкротстве, установленные ст. 56 указанного закона, если иное не установлено законом № 127-ФЗ.

В соответствии с п. 1 ст. 213¹ Закона № 127-ФЗ отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные гл. X «Банкротство граждан» Закона № 127-ФЗ, регулируются главами I–III.1, VII, VIII, параграфом 7 гл. IX и параграфом 2 гл. XI данного Закона.

Примененная судами к спорным правоотношениям ст. 216 Закона № 127-ФЗ предусматривает лишь последствия признания индивидуального предпринимателя банкротом, но не регулирует последствия заключения мирового соглашения и прекращения в связи с этим производства по делу о банкротстве.

К иным последствиям прекращения производства по делу о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения непосредственно можно отнести последствия, установленные ст. 159 Закона № 127-ФЗ, согласно которой в случае, если мировое соглашение утверждено арбитражным судом в ходе конкурсного производства, с даты утверждения такого соглашения решение арбитражного суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства не подлежит дальнейшему исполнению.

Из системного толкования ст. 56, 57 и 159 Закона № 127-ФЗ следует, что положения этих норм применяются к отношениям, связанным с заключением мирового соглашения в рамках процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей, и исключают возможность применения ст. 216 Закона № 127-ФЗ.

Заключение мирового соглашения указывает на предоставление должнику возможности восстановить собственную платежеспособность, вернуть доверие кредиторов, поэтому выход из процедуры несостоятельности, сопряженный с восстановлением платежеспособности, не

должен влечь таких последствий как пятилетнее ограничение на ведение предпринимательской деятельности.

При этом действующее законодательство не предусматривает возможность восстановления статуса индивидуального предпринимателя за прошедший период при заключении мирового соглашения, регистрация заявителя в качестве индивидуального предпринимателя должна осуществляться в порядке, установленном Законом № 129-ФЗ. В связи с тем, что процедура регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с положениями Закона № 129-ФЗ носит заявительный характер, а соответствующего заявления с приложением необходимого комплекта документов в регистрирующий орган предпринимателем не подавалось, у регистрирующего органа не имелось правовых оснований для совершения регистрационных действий по внесению записи в ЕГРИП о регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя с момента утверждения судом мирового соглашения и прекращения производства по делу о банкротстве и отмене ранее внесенной записи о признании заявителя банкротом и прекращении его деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Определение № 308-ЭС19-8844

21. С момента принятия судом требования кредитора к рассмотрению он вправе возражать против требований других кредиторов должника (в том числе обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное ими требование в деле о банкротстве).

Судебным приказом арбитражного суда с общества в пользу фирмы взыскана задолженность по договору.

В деле о банкротстве общества фирма, основываясь на судебном приказе, потребовала включить ее требования в реестр требований кредиторов должника.

Впоследствии комитет 22 ноября 2018 г. обратился в арбитражный суд с заявлением о банкротстве общества и в тот же день обжаловал в кассационном порядке судебный приказ, указывая на мнимый характер требования фирмы и сославшись на п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35).

Суд округа на основании п. 1 ч. 1 ст. 281 АПК РФ возвратил комитету кассационную жалобу в связи с отсутствием у него на момент принятия кассационной жалобы к производству статуса конкурсного кредитора и лица, участвующего в деле о банкротстве, и, как следствие, отсутствие у заявителя права на обжалование судебного приказа.

Не согласившись с окружным судом, судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт и направила кассационную жалобу комитета в арбитражный суд округа для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

Судебный акт о взыскании задолженности, с одной стороны, предоставляет возможность кредитору в упрощенном порядке (с точки зрения процесса доказывания) добиться включения в реестр требований кредиторов должника-банкрота, а в случаях, когда истец выступает заявителем по делу о банкротстве, дает ему также право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего. С другой стороны, этот судебный акт объективно противопоставляется имущественным правам и интересам иных кредиторов, не участвовавших в рассмотрении дела, так как включение требований в реестр уменьшает долю удовлетворения их требований.

Интересы кредиторов приводятся к балансу посредством механизма, закрепленного в п. 24 постановления № 35: кредиторы получают возможность принять участие в том процессе, где разрешались правопритязания конкурирующего кредитора, и представить свои доводы и доказательства при проверке судебного акта о взыскании задолженности. При этом статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений (в том числе право на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование), возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом (абзац четвертый п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»»).

К тому же конкурсный кредитор, не участвовавший в приказном производстве, вправе обжаловать судебный приказ применительно к ч. 11 ст. 229⁵ АПК РФ, и если вынесенный судебный приказ влечет или может повлечь необоснованное увеличение кредиторской задолженности в ущерб конкурсной массе, суд кассационной инстанции отменяет судебный приказ применительно к п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ (п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»).

На момент подачи кассационной жалобы в суд округа (13 декабря 2018 г.) арбитражный суд 5 декабря 2018 г. уже принял заявление комитета о вступлении в дело о банкротстве общества. Следовательно, в настоящем

случае не имелось препятствий для рассмотрения окружным судом кассационной жалобы комитета на спорный судебный приказ.

Определение № 307-ЭС19-6204

22. Долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности (банкротстве), входит в наследственную массу.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности бывшего генерального директора должника и взыскании денежных сумм с его наследников в пределах наследственной массы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что данные требования неразрывно связаны с личностью генерального директора, в связи с чем на его наследников не может быть возложена обязанность по возмещению убытков в порядке субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отправила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу в состав наследства входит все имущество и долги наследодателя, за исключением случаев, когда имущественные права и обязанности неразрывно связаны с личностью наследодателя либо если их переход в порядке наследования не допускается федеральным законом (ст. 418 и 1112 ГК РФ, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – постановление № 9)).

Субсидиарная ответственность по обязательствам должника (несостоятельного лица) является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица. В части, не противоречащей специальному регулированию законодательства о банкротстве, к данному виду ответственности подлежат применению положения гл. 25 и 59 ГК РФ (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Из этого следует, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги,

связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (ст. 1064 ГК РФ).

Вопреки выводам судов не имеется каких-либо оснований для вывода о том, что обязанность компенсировать свое негативное поведение (возместить кредиторам убытки), возникающая в результате привлечения к субсидиарной ответственности, является неразрывно связанной с личностью наследодателя.

Равным образом гражданское законодательство не содержит запрета на переход спорных обязательств в порядке наследования.

Таким образом, долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности, входит в наследственную массу. Иное толкование допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов, что представляется несправедливым.

Исходя из этого для реализации права кредитора на судебную защиту не имеет значения момент предъявления и рассмотрения иска о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности: до либо после его смерти. В последнем случае иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе (при банкротстве умершего гражданина – § 4 гл. X Закона о банкротстве) и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). При этом не имеет значения вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество, которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность.

То обстоятельство, что на момент открытия наследства могло быть неизвестно о наличии соответствующего долга наследодателя, также само по себе не препятствует удовлетворению требования, поскольку по смыслу разъяснений, изложенных в п. 58 постановления № 9, под долгами наследодателя понимаются не только обязательства с наступившим сроком исполнения, но и все иные обязательства наследодателя, которые не прекращаются его смертью. Соответственно, риск взыскания долга, связанного с привлечением к субсидиарной ответственности, также возлагается на наследников.

Кроме того, судам необходимо учесть, что после смерти наследодателя наследники не всегда имеют возможность объяснить причины управленческих решений наследодателя, они, как правило, не располагают полным набором доказательств, которые мог бы представить наследодатель, если бы он не умер. Следовательно, судам необходимо оказывать содействие в получении доказательств по правилам ч. 4 ст. 66 АПК РФ.

Определение № 303-ЭС19-15056

23. Лицо, умышленными действиями которого создана невозможность получения кредиторами полного удовлетворения за счет имущества контролирующего должника лица, виновного в его банкротстве, отвечает солидарно с указанным контролирующим лицом за причиненные кредиторам убытки в пределах стоимости полученного имущества.

В рамках дела о банкротстве общества уполномоченный орган обратился с заявлением о привлечении С. и двух его сыновей к субсидиарной ответственности по долгам общества. Уполномоченный орган указывал на то, что С. своими действиями довел общество до банкротства и безвозмездно передал своим сыновьям дорогостоящее имущество на основании договоров дарения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование к С. удовлетворено, в удовлетворении требований к его сыновьям отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований к сыновьям С. и отправила в этой части обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Мнимая сделка ничтожна (п. 1 ст. 170 ГК РФ). Как разъяснено в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение. Например, во избежание обращения взыскания на движимое имущество должника заключить договоры купли-продажи или доверительного управления и составить акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль соответственно продавца или учредителя управления за ним. Равным образом осуществление сторонами мнимой сделки для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании п. 1 ст. 170 ГК РФ.

Процессуальный закон относит к прерогативе истца формулирование предмета и оснований иска. В рассматриваемом случае спор о признании договоров дарения мнимыми сделками и о применении последствий их недействительности на разрешение суда первой инстанции уполномоченным органом не передавался.

Кроме того, даже если суд придет к выводу об отсутствии признаков мнимости у сделки, возможность применения мер ответственности не исключается на основании ст. 1064 ГК РФ.

Фактически уполномоченный орган просил взыскать с сыновей С. денежные средства как с причинителей вреда. Суды не учли, что вред кредиторам может быть причинен не только доведением должника до банкротства, но и умышленными действиями, направленными на создание невозможности получения кредиторами полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц, виновных в банкротстве должника, в том числе путем приобретения их имущества родственниками по действительным безвозмездным сделкам, не являющимся мнимыми, о вредоносной цели которых не мог не знать приобретатель.

При этом не имеет правового значения, какое именно имущество контролирующих лиц освобождается от притязаний кредиторов на основании подобной сделки – приобретенное за счет незаконно полученного дохода или иное, поскольку контролирующее лицо отвечает перед кредиторами всем своим имуществом, за исключением того, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (ст. 24 ГК РФ).

В этом случае возмещение причиненного кредиторам вреда ограничено по размеру стоимостью имущества, хотя и сменившего собственника, но, по сути, оставленного в семье (ст. 1082 ГК РФ). Несмотря на то, что основания требований кредиторов к контролирующим лицам (создание необходимых причин банкротства) и приобретшим их имущество родственникам (создание невозможности полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц) не совпадают, требования кредиторов к ним преследуют единую цель – возместить в полном объеме одни и те же убытки (ст. 15 ГК РФ), поэтому к обязательствам контролирующих лиц и упомянутых родственников применяются правила о солидарных обязательствах, что также позволяет исключить возникновение неосновательного обогащения на стороне пострадавших кредиторов.

В период, когда, по мнению уполномоченного органа, заключались договоры дарения, один из сыновей, являлся совершеннолетним, а второй – достиг пятнадцатилетнего возраста и его дееспособность определялась по правилам ст. 26 ГК РФ. Суды не проверили, стали ли сыновья С. реальными собственниками имущества, подаренного их отцом, и преследовали ли они, получая имущество в дар, наряду с приобретением права собственности другую цель – освободить данное имущество от обращения взыскания со стороны кредиторов их отца по деликтным обязательствам.

Определение № 305-ЭС19-13326

24. Момент совершения лицом, контролирующим должника, правонарушения должен определяться временем совершения им деяний по доведению контролируемого лица до банкротства.

В 2014 г. общество получило от банка кредит со сроком возврата в мае 2015 г. К., являясь учредителем общества, а с июня 2015 г. по январь 2017 г. его генеральным директором, поручился за возврат кредита.

Общество кредит не погасило.

9 ноября 2015 г. возбуждено дело о банкротстве К.

11 июля 2016 г. арбитражный суд возбудил дело о банкротстве общества и, установив факт неисполнения К. обязанностей по передаче конкурсному управляющему документации общества, привлек К. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Впоследствии требование к К. об уплате взысканных с него денежных средств уступлено банку.

Указанную задолженность банк потребовал включить в реестр требований кредиторов должника в деле о банкротстве К., однако затем ходатайствовал о прекращении производства по данному требованию, настаивая на том, что данная задолженность подпадала под режим текущих платежей.

Определением суда первой инстанции, оставленным в силе постановлениями апелляционного и окружного судов, производство по требованию банка прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Суды исходили из того, что К., не передав документы, совершил вмененное ему правонарушение и тем самым причинил вред кредиторам общества после того, как было возбуждено дело о банкротстве самого К. Поэтому требования банка квалифицированы как вытекающие из обязательств по текущим платежам.

Судебная коллегия отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Под текущими платежами понимаются денежные обязательства, возникшие после даты вынесения определения о принятии заявления о признании должника банкротом.

Обязательство по возмещению вреда возникает с момента его причинения (ст. 1064 ГК РФ). Датой возникновения обязательства по возмещению вреда для целей квалификации его в качестве текущего платежа признается дата причинения вреда кредитору, за который несет ответственность должник. Следовательно, для квалификации обязательства лица, контролировавшего должника-банкрота и привлеченного к субсидиарной ответственности по долгам последнего, как текущего или реестрового необходимо определить момент причинения вреда кредиторам должника-банкрота.

Закон о банкротстве предусматривает два юридических состава для привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника-банкрота: невозможность полного погашения требований кредиторов и

неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника. В связи с этим причинение субсидиарным ответчиком вреда кредиторам должника-банкрота происходит при наступлении объективных признаков составов этих правонарушений, обозначенных в статьях 61¹¹ и 61¹² Закона о банкротстве.

Из п. 1 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве следует, что вред причиняется при совершении контролирующим должника лицом деяний (действия или бездействия), вследствие которых стало невозможно полное погашение требований кредиторов контролируемого лица. Наличие обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве, в том числе отсутствие обязательных документов должника-банкрота, это лишь презумпция, облегчающая процесс доказывания состава правонарушения с целью выравнивания процессуальных возможностей сторон спора. Признаки презумпции не могут подменять обстоятельства самого правонарушения и момент наступления признаков презумпции может не совпадать с моментом правонарушения. Смысл этой презумпции состоит в том, что если лицо, контролирующее должника-банкрота, привело его в состояние невозможности полного погашения требований кредиторов, то во избежание собственной ответственности оно заинтересовано в сокрытии следов содеянного. Установить обстоятельства содеянного и виновность контролирующего лица возможно по документам должника-банкрота. В связи с этим, если контролирующее лицо, обязанное хранить документы должника-банкрота, скрывает их и не представляет арбитражному управляющему, то подразумевается, что его деяния привели к невозможности полного погашения требований кредиторов.

Таким образом, правонарушение К. как контролирующего должника лица выразилось не в том, что он не передал документацию должника конкурсному управляющему, а в его противоправных деяниях, повлекших банкротство подконтрольного им лица и, как следствие, невозможность погашения требований кредиторов.

Исходя из этого, время совершения К. правонарушения должно определяться не моментом, с которого у него возникла просрочка в передаче документов, а деяниями по доведению им общества до несостоятельности. Именно период совершения последних в соотнесении с датой возбуждения дела о банкротстве К. имеет определяющее значение для квалификации задолженности как реестровой или текущей.

В связи с тем, что данный период судами не установлен, обособленный спор направлен на новое рассмотрение.

При этом судебная коллегия указала, что обстоятельства объективного банкротства подконтрольного лица могут быть установлены в том числе по косвенным признакам, таким, например, как прекращение платежей по обязательствам и т.п. При подтверждении заинтересованной стороной спора

этих обстоятельств бремя их опровержения и доказывания иного периода причинения вреда возлагается на банк как на другую сторону спора.

Определение № 305-ЭС18-14622 (4,5,6)

25. В случае прекращения производства по делу о банкротстве должника в связи с удовлетворением требований всех кредиторов лицо, в отношении которого выдан исполнительный лист на основании судебного акта о признании недействительной его сделки с должником по основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении исполнения выданного исполнительного документа на основании зачета встречных требований.

В рамках дела о банкротстве общества (далее также – должник) вступившим в законную силу судебным актом удовлетворено заявление конкурсного управляющего о признании недействительными действий по перечислению денежных средств со счетов общества в пользу Д., применены последствия недействительности сделок в виде взыскания с Д. в конкурсную массу должника денежных средств и восстановления права требования Д. к обществу в указанном размере.

На основании исполнительного листа, выданного для принудительного исполнения судебного акта, постановлением судебного пристава-исполнителя в отношении Д. возбуждено исполнительное производство.

Впоследствии определением арбитражного суда производство по делу о банкротстве должника прекращено.

Д. обратился в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства по указанному исполнительному листу.

Определением суда первой инстанции, оставленным в силе постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Целью конкурсного производства является последовательное проведение мероприятий по максимальному наполнению конкурсной массы и соразмерное удовлетворение требований кредиторов должника. Одно из таких мероприятий – оспаривание сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным ст. 61², 61³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Особенностью дел о несостоятельности является то, что ввиду ограниченного количества имеющихся у должника средств, требования

кредиторов удовлетворяются в определенной последовательности (ст. 134, п. 2 ст. 142 Закона о банкротстве).

Названные факторы, в свою очередь, обуславливают особенности применения последствий недействительности сделок (в том числе денежных платежей), оспоренных в деле о банкротстве: суд присуждает к взысканию с контрагента должника определенное имущество, в то время как требование контрагента к должнику признается восстановленным, то есть впоследствии оно может быть включено в реестр (ст. 61⁶ Закона о банкротстве, пп. 25, 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). При этом в силу ограничений, установленных для зачета в банкротстве, встречные обязательства контрагента и должника не могут быть прекращены по правилам статьи 410 ГК РФ.

В рассматриваемом же случае до исполнения Д. определения о признании осуществленных в его адрес платежей недействительными, производство по делу о банкротстве должника было прекращено в связи с удовлетворением требований всех кредиторов.

Соответственно лиц, имеющих материально-правовой интерес в оспаривании данных платежей и доведении принятого судебного акта до полного исполнения, не имеется.

Равным образом, с прекращением производства по делу не действуют ограничения, касающиеся допустимости зачета.

При таких обстоятельствах настоящее заявление Д. следует расценивать как волеизъявление, направленное на зачет своего требования к должнику. В связи с этим суд по правилам ст. 133 АПК РФ и с учетом разъяснений, изложенных в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых 4 положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», вправе был квалифицировать предъявленное заявление как требование о признании встречных обязательств прекратившимися зачетом и рассмотреть вопрос о прекращении исполнения выданного исполнительного документа (п. 1 ч. 2 ст. 43 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Определение № 306-ЭС17-22275(2)

Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодательства

26. Арендная плата по договору аренды земельного участка, рассчитываемая в соответствии с Законом Московской области от 7 июня 1996 г. № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в

Московской области» должна исчисляться с учетом измененного вида разрешенного использования земельного участка с даты такого изменения и его фактического использования в процессе производства как части единого имущественного комплекса предприятия по изготовлению изделий.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее – комитет) обратился в арбитражный суд с иском к обществу (арендатору) о взыскании задолженности по арендной плате. Общество обратилось со встречным иском к комитету о взыскании переплаты по договору в виде излишне уплаченных арендных платежей.

Арендная плата по договору определялась в соответствии с Законом Московской области от 7 июня 1996 г. № 23/96-ОЗ «О регулировании земельных отношений в Московской области» (далее – Закон № 23/96-ОЗ).

Согласно ст. 14 Закона № 23/96-ОЗ арендная плата определяется по формуле: $Апл = Аб \times Кд \times Пкд \times Км \times S$, где:

Аб - базовый размер арендной платы;

Кд - коэффициент, учитывающий вид разрешенного использования земельного участка;

Пкд - корректирующий коэффициент;

Км - коэффициент, учитывающий местоположение земельного участка на территории муниципального образования;

S - площадь арендуемого земельного участка.

Постановлением уполномоченного органа от 24 февраля 2014 г. вид разрешенного использования земельного участка был изменен с «для строительства общественных зданий административного назначения и помещений для пребывания работающих по вахтовому методу» на «для размещения склада готовой продукции».

Комитет полагал, что исходя из установленного вида разрешенного использования подлежит применению Кд 4,2. Общество считало применение этого коэффициента ошибочным.

Решением арбитражного суда первой инстанции комитету отказано в удовлетворении исковых требований, встречный иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, иск комитета удовлетворен частично, в удовлетворении встречного иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Частью 8 ст. 14 Закона № 23/96-ОЗ предусмотрено в том числе, что в случае изменения или установления вида разрешенного использования

земельного участка арендная плата подлежит уплате с применением соответствующих значений показателей с даты принятия правового акта об изменении или установлении вида разрешенного использования земельного участка.

Согласно договору аренды стороны считают размер арендной платы измененным со дня введения нового базового размера арендной платы и коэффициентов к ним, а также с даты принятия соответствующего распорядительного акта об изменении административно-территориального устройства Московской области, об изменении категории, вида разрешенного использования земельного участка, если законодательством Московской области не предусмотрено иное.

Таким образом, начиная с даты изменения вида разрешенного использования (24 февраля 2014 г.) с «для строительства общественных зданий административного назначения и помещений для пребывания работающих по вахтовому методу» на «для размещения склада готовой продукции» арендная плата по договору аренды должна была уплачиваться с учетом измененного вида разрешенного использования земельного участка.

В соответствии с кодом разрешенного использования 6.9 «Склады» классификатора видов разрешенного использования земельных участков, утвержденного приказом Минэкономразвития Российской Федерации от 1 сентября 2014 г. № 540 (далее – классификатор), к деятельности «склады» относится деятельность по размещению сооружений, имеющих назначение по временному хранению, распределению и перевалке грузов (за исключением хранения стратегических запасов), не являющихся частями производственных комплексов, на которых был создан груз.

Как следует из материалов дела, обращаясь со встречным иском, общество указывало, что здание склада относится к вспомогательным зданиям предприятия, предназначено именно для размещения готовой продукции (что определено при указании вида разрешенного использования участка «для размещения склада готовой продукции») и является неотъемлемой частью производственного комплекса, на котором был создан груз, а в этом случае земельные участки, на которых размещаются названные склады, не могут иметь вид разрешенного использования, предусмотренный кодом 6.9 классификатора «Склады». При этом обществом в материалы дела были представлены доказательства фактического использования им земельного участка в процессе производства как части единого имущественного комплекса предприятия по изготовлению металлоизделий с учетом его технологических, транспортных и организационных связей на предприятии.

При указанных обстоятельствах использования земельного участка суды апелляционной и кассационной инстанций не учли, что, в соответствии с классификатором, размещение объектов капитального строительства,

предназначенных для производства: строительных материалов (кирпичей, пиломатериалов, цемента, крепежных материалов), бытового и строительного газового и сантехнического оборудования, лифтов и подъемников, столярной продукции, сборных домов и их частей и тому подобной продукции – относится к виду разрешенного использования земельного участка «строительная промышленность». В отношении такого участка, согласно п. 17 Приложения к Закону № 23/96-ОЗ, должен применяться Кд 1,1 как для земельных участков для размещения объектов строительной, научно-производственной и производственной деятельности, в том числе по добыче полезных ископаемых и природных ресурсов.

В соответствии с ч. 4 ст. 14 Закона № 23/96-ОЗ в случаях, когда Кд равен 1; 1,1 корректирующий коэффициент равен 1.

Таким образом, разрешая спор и исходя из указанных обстоятельств, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу, что начиная с 24 февраля 2014 г. арендная плата должна рассчитываться с учетом Кд 1,1 и Пкд 1 в соответствии с п. 17 Приложения к Закону № 23/96-ОЗ.

Определение № 305-ЭС19-13065

27. В случае использования одним из собственников общего имущества в здании единолично в нарушение закона или порядка пользования общим имуществом он должен возместить другим собственникам причиненные убытки.

Гаражно-строительный кооператив (далее – кооператив) является собственником нежилого помещения в здании. Собственником иных помещений в этом здании является общество.

Общество заключило с компанией договор на размещение оборудования и средств связи компании на кровле здания. Договор предусматривал уплату компанией арендной платы обществу.

Кооператив обратился в суд с иском к обществу о взыскании денежных средств, полученных за предоставление кровли здания в пользование компании, пропорционально его доли в праве собственности на общее имущество.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отношения собственников помещений, расположенных в нежилом здании, возникающие по поводу общего имущества в таком здании, прямо законом не урегулированы. Поэтому, в соответствии с п. 1 ст. 6 ГК РФ, к

указанным отношениям подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные отношения. Собственнику отдельного помещения в здании во всех случаях принадлежит доля в праве общей собственности на общее имущество здания (п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания»).

Согласно п. 1 ст. 246 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников.

Статьей 247 ГК РФ определено, что владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом. Участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации.

При этом, как следует из положений ст. 248 ГК РФ, плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в долевой собственности, поступают в состав общего имущества и распределяются между участниками долевой собственности соразмерно их долям, если иное не предусмотрено соглашением между ними.

Аналогичные положения содержатся в ст. 36 ЖК РФ, согласно которой собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме; собственники помещений владеют, пользуются и в установленных данным кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме.

Пунктом 4 ст. 36 ЖК РФ также закреплено, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц.

Таким образом, право собственников помещений – участников общей долевой собственности владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом не может быть истолковано как позволяющее одному собственнику нарушать те же самые права других собственников, а интерес одного собственника противопоставлять интересам остальных собственников.

Использование единолично одним собственником мест общего пользования, получение от этого дохода без согласия других собственников нельзя считать соответствующим требованиям закона.

Суды при рассмотрении спора не установили наличие решения всех собственников помещений в спорном здании о порядке пользования общим имуществом, их согласие на передачу кровли здания компании в аренду, а также принятие порядка распределения доходов между собственниками. Поскольку ответчик не представил судам доказательства правомерного распоряжения общим имуществом и получения соответствующего дохода, у судов не имелось оснований для отказа в иске.

Определение № 305-ЭС19-13573

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

28. Заявление ответчика о снижении неустойки на основании ст. 333 ГК РФ сохраняет свое правовое значение, в том числе при новом рассмотрении дела в результате отмены ранее вынесенных судебных актов.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании сумм основного долга и неустойки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания неустойки и в указанной части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку суды при повторном рассмотрении дела не рассмотрели заявление ответчика о снижении неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, сделанное им во время первого рассмотрения дела.

Как следует из п. 1 ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку по заявлению должника о таком уменьшении.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за

нарушение обязательств» (далее – постановление № 7) даны разъяснения применения положений ст. 333 ГК РФ. Так, в п. 72 постановления № 7 указано, что заявление ответчика о применении положений ст. 333 ГК РФ может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции в случае, если он перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции. Бремя доказывания несоразмерности неустойки и необоснованности выгоды кредитора возлагается на ответчика (п. 73).

Как следует из материалов дела, ответчик при первом рассмотрении дела в суде первой инстанции в дополнении к отзыву на исковое заявление просил уменьшить заявленную истцом сумму неустойки на основании ст. 333 ГК РФ.

Наличие в материалах дела заявления ответчика об уменьшении неустойки истцом не оспаривается.

Поскольку возможность уменьшения неустойки предусмотрена ГК РФ по заявлению должника, что им было сделано при рассмотрении дела в суде первой инстанции, и заявление, являясь не процессуальным, а материальным, сохранило свою правовую значимость при повторном рассмотрении дела и подлежало разрешению судом.

Определение № 305-ЭС19-14865

29. Возражения ответчика о наличии оснований для взыскания неустойки и обоснованности ее размера не могут быть признаны заявлением о снижении неустойки на основании положений ст. 333 ГК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к учреждению о возврате необоснованно удержанных сумм неустойки. Общество полагало, что удержанная учреждением в соответствии с условиями договора неустойка несоразмерна последствиям нарушения обязательства обществом и подлежит снижению на основании ст. 333 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иски были удовлетворены частично, с учреждения в пользу общества взыскана часть ранее удержанной неустойки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Как следует из п. 1 ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку по заявлению должника о таком уменьшении.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление № 7) даны следующие разъяснения положений ст. 333 ГК РФ, подлежащие применению в настоящем споре. Если должником является коммерческая организация, индивидуальный предприниматель, а равно некоммерческая организация при осуществлении ею приносящей доход деятельности, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме. При взыскании неустойки с иных лиц правила ст. 333 ГК РФ могут применяться не только по заявлению должника, но и по инициативе суда, если усматривается очевидная несоразмерность неустойки последствиям нарушения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, свидетельствующие о такой несоразмерности (п. 71 постановления № 7). Бремя доказывания несоразмерности неустойки и необоснованности выгоды кредитора возлагается на ответчика (п. 73 постановления № 7). При оценке соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а также то, что неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования (п. 74 постановления № 7).

Из вышеприведенных положений постановления № 7 следует, что коммерческая организация вправе подать заявление об уменьшении неустойки, но она обязана доказать несоразмерность неустойки последствиям допущенного ею нарушения исполнения обязательства, размер которой был согласован сторонами при заключении договора.

Довод учреждения, изложенный в жалобе на решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по настоящему делу о том, что общество не заявляло об уменьшении неустойки арбитражный суд округа отклонил со ссылкой на аудиозаписи судебных заседаний, исходя из которых, как указал суд, общество не было согласно с размером и обоснованностью начисления неустойки.

Однако возражение должника об обоснованности начисления неустойки, равно как и ее размера, само по себе не является предусмотренным ст. 333 ГК РФ заявлением об уменьшении неустойки. Более того, как было указано выше, должнику недостаточно заявить об уменьшении неустойки, он должен доказать наличие оснований для ее снижения. Судебная коллегия считает недопустимым уменьшение неустойки при неисполнении должником бремени доказывания несоразмерности в отсутствие должного обоснования и наличия на то оснований.

Иной подход позволяет недобросовестному должнику, нарушившему условия согласованных с контрагентом обязательств, в том числе об избранных ими мерах ответственности и способах урегулирования спора, извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

Определение № 307-ЭС19-14101

30. Лицо обязано возместить убытки своему контрагенту ввиду недобросовестного ведения переговоров, в частности в случае, когда оно своевременно не сообщило контрагенту об обстоятельствах, препятствующих заключению договора, в том числе о своем окончательном намерении заключить договор с другим контрагентом, создавая или поддерживая при этом у первоначального контрагента ложные представления о своей готовности в будущем заключить договор.

П. обратился в арбитражный суд с иском к двум обществам о взыскании убытков, причиненных недобросовестным ведением переговоров.

П. обосновывал свои исковые требования следующим.

С сентября 2017 г. П. вел переговоры с двумя обществами и их участниками о возможной продаже этими обществами фитнес-клуба. При этом оговаривались два варианта приобретения фитнес-клуба: покупка 100% доли в обществе, которое владело активами клуба, и покупка 100% доли в обществе, осуществлявшем операционную деятельность фитнес-клуба, либо покупка всех активов, клиентов, прав аренды, принадлежащих этим обществам.

В период с октября по ноябрь 2017 г. стороны обсуждали общие подходы к покупке объекта, его возможную стоимость; в начале декабря 2017 г., после того как были согласованы основные моменты продажи объекта и его активов, стороны перешли к обмену документами, в том числе финансовыми, определили цену продажи клуба, в том числе погашение задолженности перед арендодателями; в середине января 2018 г. после согласования всех основных положений сделки П. обратился в коллегия адвокатов, которая имеет опыт сопровождения сделок по приобретению долей и активов, и 19 января 2018 г. заключил с данной коллегией соглашение об оказании юридической помощи. По условиям названного соглашения коллегия по заданию П. (доверитель) обязалась оказать услуги по юридическому сопровождению сделок по покупке активов, клиентов и прав аренды, принадлежащих обществам, с целью улучшения развития фитнес-клуба, а также по представлению интересов доверителя в органах и организациях, ведению гражданских и административных дел во всех судах судебной системы с правами на подписание и подачу заявлений, жалоб, ходатайств, получение необходимых справок и документов, а также

оказанию иных услуг, связанных с выполнением данного поручения. Соглашением предусмотрена оплата оказанных услуг коллегии, в том числе в виде невозвратного аванса в размере 1% от суммы сделки, что составило 520 000 рублей, которые подлежат уплате в течение трех рабочих дней с даты подписания соглашения. Указанная сумма уплачена 19 января 2018 г. В период с 26 января 2018 г. по 9 февраля 2018 г. при участии адвоката коллегии был составлен проект соглашения о порядке ведения переговоров в соответствии с п. 5 ст. 434¹ ГК РФ, проведены встречи с продавцами и переговоры по заключению договоров купли-продажи объекта, адвокатом подготовлены учредительные документы двух обществ с ограниченной ответственностью с целью их регистрации для ведения бизнеса П. Будучи уверенным в покупке фитнес-клуба, истец подал заявление в налоговый орган о регистрации обществ с ограниченной ответственностью для ведения бизнеса. Между тем 10 февраля 2018 г. продавцы прекратили переговоры о заключении договора. Отказ от ведения переговоров был мотивирован тем, что продавцы параллельно вели переговоры с другим покупателем, чье предложение в итоге решили принять, посчитав его более выгодным.

Сумма, уплаченная П. коллегии адвокатов в качестве невозвратного аванса, составила требуемые убытки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена данным кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

В соответствии с п. 1 ст. 434¹ ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто.

Таким образом, в силу принципа свободы договора, по общему правилу, стороны самостоятельно несут риск того, что переговоры не окончатся заключением договора, то есть ни одна из сторон не вправе требовать от другой стороны возмещения понесенных в процессе переговоров расходов в случае их безрезультатности.

Однако гражданское законодательство предусматривает исключения из этого правила.

В силу п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Пункт 2 ст. 434¹ ГК РФ предусматривает, что при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности, не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются: 1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; 2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (п. 3 ст. 434¹ ГК РФ).

Во втором и третьем абзаце п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление № 7) содержатся следующие разъяснения: предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (п. 5 ст. 10, п. 1 ст. 421 и п. 1 ст. 434¹ ГК РФ). При этом правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ не применяется. Вместе с тем недобросовестность действий ответчика предполагается, если имеются обстоятельства, предусмотренные подп. 1 и 2 п. 2 ст. 434¹ ГК РФ. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий.

В качестве одного из случаев преддоговорной ответственности п. 2 ст. 434¹ ГК РФ прямо называет вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной.

Недобросовестным признается поведение, когда лицо вступает или продолжает переговоры, хотя оно знает или должно знать, что оно уже не будет заключать договор, по крайней мере, с этим контрагентом. В этом

случае подлежат установлению обстоятельства того, что ответчик изначально не имел намерения заключить договор либо впоследствии утратил это намерение, но не сообщил об этом своему контрагенту и продолжал создавать видимость намерения заключить договор именно с этим контрагентом, например запрашивая лучшую цену и иные улучшения оферты, хотя к моменту такого запроса лицо знает или должно знать, что оферта не будет принята ни при каких условиях.

Следовательно, лицо обязано возместить убытки своему контрагенту ввиду недобросовестного ведения переговоров, в частности в случае, когда оно своевременно не сообщило контрагенту об обстоятельствах, препятствующих заключению договора, в том числе о своем окончательном намерении заключить договор с другим контрагентом, создавая или поддерживая при этом у первоначального контрагента ложные представления о своей готовности в будущем заключить договор.

В такой ситуации подлежит установлению, когда готовность лица заключить договор стала носить притворный характер и, если контрагент не был сразу же уведомлен о прекращении намерения заключить договор, стало ли это причиной его дополнительных расходов, которые он не понес бы в случае своевременного уведомления.

Судами приведенные обстоятельства не исследовались.

Суды, указывая, с одной стороны, что истец заключил соглашение об оказании юридической помощи после перерыва в ведении переговоров, с другой стороны, отмечают, что и после заключения названного соглашения переговоры продолжались. При этом вопросы о действительном намерении ответчика заключить договор, моменте утраты этого намерения, своевременности уведомления об утрате намерения заключить договор, в судебных актах не отражены.

Сами по себе факты того, что сторона вышла из переговоров без объяснения причин либо на поздней стадии переговоров не свидетельствуют о неоправданном прекращении переговоров и недобросовестности ее действий. Гражданское законодательство не ставит наступление преддоговорной ответственности в зависимость от стадии переговоров. Как не является безусловным основанием ответственности тот факт, что лицо прервало переговоры на их поздней стадии, так и не является необходимым условием такой ответственности, чтобы стороны уже достигли согласия по всем условиям будущего договора.

Также не могут быть признаны неоправданными и, как следствие, недобросовестными действия, когда лицо ведет переговоры одновременно с несколькими контрагентами. Сами по себе переговоры лица с несколькими контрагентами и выбор одного из них не могут служить основанием для возмещения им убытков контрагента, с которым договор заключен не был. При этом не является недобросовестным умолчание о параллельных

переговорах, а также отсутствие предложения заключить сделку на условиях, предложенных другим контрагентом. Однако в случае, когда стороны переговоров заключили соглашение о порядке ведения переговоров, в котором предусмотрели условие об эксклюзивности переговоров только с одним контрагентом, и впоследствии вторая сторона нарушила его либо допустила обман контрагента на его вопрос о переговорах с другими контрагентами, такие действия являются недобросовестными. В таких случаях лицо, нарушившее соответствующее условие или обманувшее своего контрагента, обязано возместить причиненные ему убытки.

Кроме того, обосновывая отказ в удовлетворении исковых требований тем, что истец не доказал противоправность поведения ответчика и причинно-следственную связь между действиями ответчика и возникшими у истца убытками, суды не учли правовую позицию, содержащуюся в п. 5 и третьем абзаце п. 19 постановления № 7. Согласно этим разъяснениям причинно-следственная связь может быть доказана истцом с разумной степенью достоверности, а при установлении обстоятельств внезапного и неоправданного прекращения переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, бремя доказывания своей добросовестности возлагается на ответчика.

Определение № 305-ЭС19-19395

31. Экспедитор несет ответственность за утрату груза привлеченным им к исполнению третьим лицом, в частности, в ситуации отсутствия необходимого с силу договора мотивированного отказа от исполнения поручения клиента и принятия, как предусмотрено договором, поручения к исполнению с сообщением клиенту информации о перевозящем груз водителе и транспортном средстве.

Обществом (клиентом) и фирмой (экспедитором) заключен договор на оказание транспортно-экспедиционных услуг.

Оказание конкретной услуги в рамках договора стороны предусмотрели на основании поручения, порядок согласования и исполнения которого составил приложение к договору.

В отношении спорной перевозки стороны согласовали поручение экспедитору о доставке груза по товарной накладной определенным водителем на определенном автомобиле.

Груз объявленной стоимостью был принят к перевозке согласованным водителем, что подтверждено его подписью в экспедиторской расписке и товарной накладной, но не доставлен грузополучателю.

Убытки вследствие утраты груза страхования компания признала попадающими под застрахованные на основании генерального договора страхования грузов и возместила обществу, и обратилась в суд с иском к фирме об их взыскании.

Непокрытая страхованием сумма убытков составила исковые требования общества к фирме.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» экспедитор несет ответственность перед клиентом в виде возмещения реального ущерба за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза после принятия его экспедитором и до выдачи груза получателю, указанному в договоре транспортной экспедиции, либо уполномоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые экспедитор не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Аналогичные законным основания и размеры ответственности экспедитора согласованы сторонами в договоре, исполнение которого в соответствии с его условиями экспедитор вправе возлагать на третьих лиц с ответственностью за их действия перед клиентом как за свои собственные, действуя в отношениях с этими лицами от своего имени.

Установив основание и размер ответственности экспедитора, суды первой и апелляционной инстанции удовлетворили иск.

Арбитражный суд округа не признал наличие основания для возложения на фирму ответственности за утрату груза, указав на отсутствие доказательств принятия груза к экспедированию самим обществом или уполномоченным им лицом, факта утраты груза.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В ситуации отсутствия необходимого с силу договора мотивированного отказа от исполнения поручения клиента, а принятия, как предусмотрено договором, поручения к исполнению с сообщением клиенту информации о перевозящем груз водителе и транспортном средстве фирма не вправе ссылаться на перевозку и утрату груза сторонним лицом и ненаступление ответственности за действия привлеченного им к оказанию услуги лица.

Имеющаяся в деле информация о неприбытии перевозившего груз транспортного средства в место выгрузки и неизвестности места его нахождения доведена до клиента полномочным лицом фирмы, что опровергает довод об отсутствии доказательства утраты груза.

32. Страховщик ответственности арбитражного управляющего не вправе отказать в осуществлении страховой выплаты выгодоприобретателю со ссылкой на умышленный характер действий арбитражного управляющего. В этом случае страховщик вправе обратиться с регрессным требованием к арбитражному управляющему.

В рамках дела о банкротстве общества определением арбитражного суда признаны незаконными действия арбитражного управляющего и он обязан возратить в конкурсную массу общества причиненные убытки.

Ответственность арбитражного управляющего была застрахована компанией.

Общество предъявило компании иск о взыскании страхового возмещения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды учли возражения компании об умышленном характере совершенных арбитражным управляющим незаконных действий, влекущем в силу п. 1 ст. 963 ГК РФ освобождение от выплаты страхового возмещения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Ответственность арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве подлежит страхованию в обязательном порядке на основании ст. 24¹ Закона о банкротстве.

Целью названного страхования как разновидности страхования ответственности за причинение вреда, осуществляемого в пользу лиц (выгодоприобретателей), которым может быть причинен вред (ст. 931 ГК РФ), является гарантированная за счет средств страхового фонда имущественная защита в условиях ведущихся процедур банкротства.

Закон о банкротстве обязывает страховщика при наличии вступившего в законную силу решения суда о наступлении ответственности арбитражного управляющего (страхового случая) произвести страховую выплату в пользу лица (выгодоприобретателя), потерпевшего от действий управляющего (пп. 5, 7 ст. 24¹).

Отказ в компенсации возникших у общества в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право общества

(выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя).

Освобождение компании от выплаты страхового возмещения в пользу общества (выгодоприобретателя) в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит и п. 1 ст. 963 ГК РФ, поскольку препятствует обществу как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых осуществлено страхование.

В ситуации выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия – предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (п. 9 ст. 24¹ Закона о банкротстве). Довод компании о принадлежности страховщику выбора способа защиты от умышленных действий арбитражного управляющего (посредством возражений против иска выгодоприобретателя или предъявления регрессного иска) не основан на законе. В рассматриваемом иске компания не лишена права на выдвижение возражений, связанных с характером страхового случая, однако должна осознавать, что правовые последствия такие возражения будут иметь только в возможном будущем споре с арбитражным управляющим.

Определение № 305-ЭС19-21664

Практика применения законодательства о защите конкуренции

33. Механизм защиты прав участников закупки в административном порядке путем рассмотрения их жалоб контрольным органом в сфере закупок, установленный гл. 6 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд», должен применяться в случаях действительных, а не мнимых нарушений прав и законных интересов участников закупки и не должен создавать предпосылки для нарушения публичных интересов.

Заказчик разместил на официальном сайте в информационной телекоммуникационной сети «Интернет» извещение о проведении запроса предложений на право заключения контракта на выполнение работ по завершению строительства поликлиники для взрослых и документацию о проведении указанного запроса предложений. Победителем закупки признано общество.

Организация обратилась в антимонопольный орган с жалобой на действия заказчика в части установления в закупочной документации порядка оценки заявок по критерию «квалификация участников закупки».

Решением антимонопольного органа заказчик признан нарушившим пп. 3 и 7 ч. 6 ст. 83 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

Заказчику выдано предписание в целях устранения нарушений путем аннулирования закупки (определения исполнителя).

Не согласившись с решением антимонопольного органа, общество (победитель закупки) обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа принятые судебные акты отменены, в удовлетворении требований общества отказано.

Суд округа указал, что документация о закупке сформирована заказчиком таким образом, что участники закупки, имеющие опыт успешного выполнения работ по предмету закупки и высокую деловую репутацию, лишены возможности представить документы, подтверждающие их квалификацию в производстве строительных работ, в связи с чем заявка такого участника будет необоснованно оценена в «0» баллов. Данное обстоятельство ставит таких участников закупки в неравное положение с теми участниками закупки, которые могут обладать хоть и меньшим опытом работ, но имеют преимущество при оценке заявок лишь по основанию наличия сертификата соответствия, содержащего «индекс деловой репутации». Вместе с тем наличие подобного сертификата само по себе не указывает на более высокий уровень квалификации такого участника закупки и не свидетельствует о предложении с его стороны лучших условий исполнения контракта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается, в том числе на положениях Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ).

В соответствии со ст. 69 и 72 БК РФ закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд производятся за счет

бюджетных ассигнований (расходы бюджетов), осуществление которых согласно ст. 34 БК РФ должно отвечать принципу эффективности – необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

С учетом названных положений бюджетного законодательства к числу основных принципов контрактной системы согласно ст. 6, ч. 1 ст. 12 Закона № 44-ФЗ относятся принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд и принцип эффективности осуществления закупки (эффективного использования источников финансирования).

Следовательно, закрепленный в ст. 8 Закона № 44-ФЗ принцип обеспечения конкуренции (создания равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок), равно как и корреспондирующие этому принципу специальные положения Закона о контрактной системе, устанавливающие запрет на ограничение количества участников закупочных процедур (доступа к участию в этих процедурах), должны применяться таким образом, чтобы контрактная система способствовала удовлетворению государственных (муниципальных) нужд, обеспечивала экономность и результативность соответствующих бюджетных ассигнований и не приводила к созданию условий для длительного неудовлетворения государственных (муниципальных) нужд, ущемлению прав и законных интересов граждан – жителей соответствующих публично-правовых образований, в интересах которых осуществляются расходы бюджетов.

Из этого следует, что механизм защиты прав участников закупки в административном порядке путем рассмотрения их жалоб контрольным органом в сфере закупок, установленный гл. 6 Закона № 44-ФЗ, в соответствии с п. 2 ст. 11 ГК РФ должен применяться в случаях действительных, а не мнимых нарушений прав и законных интересов участников закупки и не должен создавать предпосылки для нарушения вышеуказанных публичных интересов.

Спорная закупка осуществлялась заказчиком для строительства здания медицинского учреждения (поликлиники), необходимого для удовлетворения потребностей взрослых жителей города Санкт-Петербурга.

В закупочной документации заказчик предусмотрел использование критерия деловой репутации участников закупки, включающий в себя наличие финансовых ресурсов, оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы.

При описании показателей указанного критерия заказчик определил, что деловая репутация определяется индексом деловой репутации, исчисляемым согласно требованиям национального стандарта – «ГОСТ Р

66.1.03-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. Национальная система стандартов. Оценка опыта и деловой репутации строительных организаций» (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 17.02.2016 г. № 54-ст, далее – ГОСТ Р 66.1.03-2016), соответствие которому подтверждается в рамках Системы добровольной сертификации «Компетентность и экспертная оценка» (регистрационный номер РОСС RU.31778.04ИЕГ5) или Системы добровольной сертификации «Развитие, качество, актуальность» (регистрационный РОСС RU.31836.04ИЕД6).

Упомянутый стандарт входит в национальную систему стандартов «Оценка опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности», в соответствии с ОК 029 относящихся к разделу F «Строительство».

Таким образом, национальный стандарт ГОСТ Р 66.1.01-2016 относится к общепринятым для строительной деятельности документам, его соблюдение может разумно ожидаться от лиц, претендующих на заключение государственного контракта, и установление в закупочной документации критерия деловой репутации, оцениваемого, исходя из подтверждения участником закупки своего соответствия требованиям названного национального стандарта, соответствует положениям ч. 1 ст. 12 Закона № 44-ФЗ, ст. 32 БК РФ, поскольку позволяет дать объективную и достоверную оценку способности соответствующего участника исполнить государственный контракт с соблюдением качества и сроков.

Антимонопольный орган не установил обстоятельств, которые бы свидетельствовали о том, что выбор заказчиком двух конкретных систем добровольной сертификации, результаты оценки которых принимаются для оценки заявок участников, направлен на предоставление преимуществ тем или иным участникам закупки.

При этом организация, жалоба которой была удовлетворена антимонопольным органом, фактически участия в закупке не приняла, действий по получению сертификата соответствия не предпринимала. Обращаясь с жалобой в антимонопольный орган, данная организация не приводила доводы и не представляла доказательств, подтверждающих реальность своих намерений, способность выполнить работы, являющиеся предметом закупки, а также свидетельствующих о соответствии иным критериям документации о закупке.

В такой ситуации отсутствуют основания полагать, что организация не стала победителем закупки вследствие угрозы применения к ней спорного критерия оценки и, соответственно, о нарушении прав и законных интересов этого лица действиями заказчика (положениями документации о закупке), в том числе о постановке данного лица в неравное положение в сравнении с

иными участниками закупки и ограничении доступа к участию в закупке (ст. 8, пп. 3 и 7 ч. 6 ст. 83 Закона № 44-ФЗ).

Следовательно, основания для удовлетворения жалобы организации, предусмотренные п. 2 ст. 11 ГК РФ и ст. 105 - 106 Закона № 44-ФЗ, отсутствовали.

Своими действиями контрольный орган в сфере закупок, по существу, создал условия для аннулирования закупки только для целей ее повторного проведения, что не предусмотрено Законом № 44-ФЗ и способно привести к тому, что государственные нужды длительное время останутся не удовлетворенными.

Определение № 307-ЭС19-12629

***Практика применения законодательства о налогах и сборах и об
обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды***

34. Решение налогового органа, принятое в результате налоговой проверки, может быть признано незаконным, если доначисления налогов произведено вопреки разъяснениям Федеральной налоговой службы, опубликованным для всеобщего сведения, направленным в адрес территориальных налоговых органов для использования в работе и способным сформировать соответствующие ожидания оценки правильности своего поведения у налогоплательщиков.

Налогоплательщик (далее – покупатель) заключил с обществом (далее – продавец) договор на поставку лекарственных препаратов.

Между продавцом и покупателем также заключены дополнительные соглашения, согласно которым покупателю предоставляется премия в виде кредит-ноты на последний день отчетного периода на основании письменного расчета, где стороны подтверждают сумму закупленной продукции и размер причитающейся премии. Предоставленная премия засчитывается в счет непогашенной задолженности покупателя. При отсутствии задолженности премия засчитывается как оплата будущих поставок.

В дополнительных соглашениях указано, что премия является самостоятельным вознаграждением, не приводящим к изменению цены единицы продукции, закупаемой покупателем по договору. Предоставление премии не требует исправления или переоформления товаросопроводительных документов.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о доначислении покупателю НДС, начислены пени.

Основанием для доначисления названных сумм НДС и пеней послужил вывод налогового органа о нарушении покупателем подп. 4 п. 3 ст. 170 НК РФ, поскольку он не произвел корректировку своих налоговых обязанностей и не восстановил суммы НДС, ранее принятые к вычету, в связи с получением названных премий от продавца.

Не согласившийся с произведенными доначислениями, покупатель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение.

Суд округа указал, что судами первой и апелляционной инстанций не учтены доводы налогового органа относительно того, что в заключенном договоре предоставление премий поставлено в зависимость от выполнения таких условий, как достижение определенного объема продаж товаров, своевременность оплаты т.п. Как отметил суд округа, это может означать, что согласованные условия предоставления премии не вышли за пределы исполнения обязательств по договорам поставки (передача товаров и их оплата) и, следовательно, предоставление премий фактически изменяет цену договора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, отметив следующее.

В соответствии с положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 г. № 506 (пп. 1 и 2, подп. 5.6 и 6.3), к полномочиям Федеральной налоговой службы как федерального органа исполнительной власти уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов и находящегося в ведении Министерства финансов Российской Федерации отнесено информирование налогоплательщиков о законодательстве о налогах и сборах, разъяснение вопросов, отнесенных к сфере деятельности данного органа.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П отмечено, что тем самым не исключается право Федеральной налоговой службы принимать акты информационно-разъяснительного характера для обеспечения единообразного применения налогового законодательства налоговыми органами на всей территории Российской Федерации.

В силу принципа ведомственной субординации территориальные налоговые органы обязаны в правоотношениях с налогоплательщиками руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм налогового законодательства – такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков.

Федеральная налоговая служба в связи с возникающими в правоприменительной практике вопросами исчисления сумм НДС при выплате поставщиком премии за приобретение определенного объема товаров и выполнение других согласованных сторонами условий договора издала письмо от 9 июня 2015 г. № ГД-4-3/9996@, в котором довела до нижестоящих налоговых органов и налогоплательщиков позицию о порядке применения положений гл. 21 НК РФ в отношении премий (вознаграждений), выплачиваемых продавцом товаров их покупателю за достижение определенного договором объема закупок товаров.

В целях снижения количества налоговых и судебных споров Федеральная налоговая служба в названном письме обратила внимание на то, что при получении покупателем от продавцов премий (бонусов) за приобретение определенного объема товаров в период до 1 июля 2013 г., когда по условиям договора стоимость отгруженных товаров на сумму выплачиваемой (предоставляемой) премии (бонуса) не изменяется, либо при отсутствии таких условий в договоре, обязанность по корректировке налоговых вычетов у покупателя не возникает и право на корректировку налоговой базы по НДС и суммы налога у продавца отсутствует.

Названное разъяснение Федеральной налоговой службы опубликовано для всеобщего сведения и направлено в адрес территориальных налоговых органов для использования в работе, то есть способно сформировать у налогоплательщиков соответствующие законные ожидания относительно оценки своего поведения со стороны государства как правомерного (не требующего самостоятельного исправления), неизменности своего статуса как лица, исполнившего налоговую обязанность правильно и полно.

Принимая во внимание, что данное разъяснение не влечет ухудшения положения налогоплательщиков, на основании пп. 6–7 ст. 3, п. 1 ст. 30 НК РФ проверка законности оспариваемого решения налогового органа должна осуществляться в том числе с учетом того, не вошли ли действия налогового органа в противоречие с позицией Федеральной налоговой службы, изложенной в письме от 9 июня 2015 № ГД-4-3/9996@.

По условиям договора, заключенного между покупателем и продавцом, предоставление премий покупателю не влекло за собой пересмотр договорных цен ранее отгруженной продукции, а фактическое поведение

сторон сделки (избранный сторонами договора способ оформления документов при предоставлении премии) не свидетельствовало об обратном.

Продавец направил покупателю письмо, в котором подтвердил, что в связи с выплатой премий корректировочные счета-фактуры выставляться не будут.

Следовательно, судами установлена совокупность обстоятельств, при наличии которых в соответствии со ст. 30 НК РФ и позицией Федеральной налоговой службы, выраженной в упомянутом письме, результатом проведенной в отношении покупателя выездной налоговой проверки не могло выступать доначисление НДС, соответствующих сумм пени и штрафов покупателю в связи с получением премий от продавца.

При таком положении требования покупателя обоснованно удовлетворены судами первой и апелляционной инстанций.

Определение № 305-ЭС19-14421

35. Налоговая ставка 5 процентов, предусмотренная в международных договорах об устранении двойного налогообложения для доходов в виде дивидендов, применима, в том числе к доходам, которые в договорах названы процентами по долговым обязательствам, но в силу положений НК РФ признаются доходами иностранного инвестора – его дивидендами, полученными от российской организации.

В 2005–2015 гг. обществом заключены договоры займа с иностранными компаниями из Финляндской Республики, Королевства Нидерландов и Республики Кипр.

По итогам налоговой проверки налоговым органом установлен факт перечисления обществом в 2013 г. процентов, начисленных по состоянию на 1 марта 2013 г., а также за I-II кварталы 2013 г. компании из Королевства Нидерландов. По мнению налогового органа, вопреки п. 4 ст. 269 НК РФ (здесь и далее – в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г.) общество не исполнило обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной фирмы с суммы положительной разницы между начисленными процентами и предельными процентами по контролируемой задолженности, признаваемой дивидендами.

В связи с этим налоговый орган начислил обществу налог на доходы иностранной организации в виде дивидендов, применив к перечисленным за рубеж суммам ставку 15 процентов.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды, соглашаясь с доначислением налога по эпизоду перечисления процентов компании Королевства Нидерландов, переквалифицированных в дивиденды, отклонили доводы общества о необходимости применения к этим выплатам льготной ставки налога 5 процентов, сославшись на то, что в рассматриваемой ситуации суммы перечислены иностранной организации – займодавцу, являющемуся резидентом Королевства Нидерландов, и не имеющему прямого участия в капитале российской организации, в связи с чем налоговый орган обоснованно применил общую ставку налога 15 процентов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части эпизода, связанного с переквалификацией выплаченных процентов в дивиденды, и направила дело на новое рассмотрение, учитывая следующее.

В силу положений подп. «а» п. 1 ст. 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы от 4 мая 1996 г. (далее – Соглашение от 4 мая 1996 г.) в случае, когда получатель дивидендов – резидент Финляндской Республики является лицом, обладающим правом собственности на дивиденды, то взимаемый в таком случае налог не должен превышать 5 процентов валовой суммы дивидендов, если лицом, обладающим правом собственности на дивиденды, является компания, которая напрямую владеет по крайней мере 30 процентами капитала компании, выплачивающей дивиденды, а размер инвестированного иностранного капитала превышает сто тысяч долларов США или ее эквивалент на момент начисления и выплаты дивидендов.

Пониженная ставка налога 5 процентов предусмотрена в международных договорах об устранении двойного налогообложения, заключенных на основе Модельной конвенции Организации экономического развития и сотрудничества (далее – ОЭСР) об устранении двойного налогообложения, для того, чтобы распределение прибыли дочерних компаний в пользу зарубежных материнских компаний было подвержено относительно меньшему бремени налогообложения – в целях устранения повторного налогообложения прибыли и поощрения международных инвестиций, о чем указано в комментариях ОЭСР к Модельной конвенции.

Принимая во внимание изложенное, а также исходя из п. 2 ст. 3, п. 4 ст. 10 Соглашения от 4 мая 1996 г., налоговая ставка 5 процентов применима и к тем доходам, которые *prima facie* названы процентами по долговым обязательствам, но в силу положений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах признаются доходами инвестора, являющегося резидентом Финляндской Республики – его дивидендами, полученными от российской организации.

В данном случае непогашенная задолженность по долговым обязательствам общества перед компанией Королевства Нидерландов на основании п. 2 ст. 269 НК РФ и с учетом сложившихся в судебной практике подходов, признана контролируемой в связи с тем, что на принятие решений о предоставлении займов налогоплательщику могла оказывать влияние еще одна компания из Финляндской Республики, которая являлась единственным участником компании из Королевства Нидерландов, владевшая косвенно более 20 процентами в уставном капитале российской организации (далее – единственный участник).

Исходя из положений п. 4 ст. 269 и п. 1 ст. 310 НК РФ, проценты, начисленные по таким обязательствам, при их перечислении займодавцу квалифицируются для целей налогообложения в качестве дивидендов, уплаченных единственному участнику.

Таким образом, с точки зрения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах перечисленные резиденту Королевства Нидерландов проценты могут рассматриваться как доход единственного участника, являющейся резидентом Финляндской Республики, от участия в капитале российской организации, при отсутствии спора о лице, имеющем фактическое право на доход и о государстве, резидентом которого оно является.

В таком случае, к данным выплатам может быть применено Соглашение от 4 мая 1996 г, в том числе, положения подп. «а» п. 1 ст. 10, устанавливающие предельную налоговую ставку для дивидендов в размере 5 процентов.

Противоположный подход, занятый налоговым органом и поддержанный судами, означает невозможность применения к дивидендам, выплаченным обществом, ни пониженной ставки, предусмотренной Соглашением от 4 мая 1996 г., ни аналогичной пониженной ставки, предусмотренной подп. «а» п. 2 ст. 10 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Нидерландов от 16 декабря 1996 г. «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество», в то время как факт осуществления иностранных инвестиций в российскую экономику (предоставления финансирования российской организации) никем не оспорен.

Определение № 307-ЭС19-8719

36. Глава 21 НК РФ не содержит положений, препятствующих принятию к вычету сумм НДС по рекламным материалам, но устанавливает особенности исчисления налога при передаче этих материалов розничным покупателям с учетом их потребительской ценности и незначительной стоимости (менее 100 рублей).

Между налогоплательщиком (покупателем) и обществом заключен договор, по условиям которого общество обязалось изготовить и передать покупателю рекламную продукцию – каталоги, листовки, стопперы и буклеты. Стоимость единицы каждого вида рекламной продукции установлена сторонами договора в размере менее 100 рублей.

В связи с приобретением упомянутой рекламной продукции покупатель в течение 2014–2015 гг. принял к вычету суммы НДС, предъявленные обществом.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении покупателя к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ему доначислены в том числе НДС, пени и штраф.

Основанием для доначисления НДС послужил вывод налогового органа о неправомерном принятии к вычету названной суммы «входящего» налога в нарушение подп. 25 п. 3 ст. 149 и подп. 1 п. 2 ст. 171 НК РФ. По мнению налогового органа, приобретенная покупателем рекламная продукция не предназначена для использования в облагаемых НДС операциях, поскольку не имеет ценности для потребителей и, соответственно, не может быть использована иным образом, кроме как для получения информации о продавце и его товарах, а не для ее реализации покупателям.

Не согласившись с решением налогового органа, покупатель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование в части доначисления НДС, соответствующих сумм пеней и штрафа удовлетворено, в остальной части отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований и направила дело на новое рассмотрение в этой части по следующим основаниям.

Положениями п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 173 НК РФ установлено, что при определении НДС, подлежащего к уплате в бюджет, суммы налога, исчисленные по собственным облагаемым налогом операциям налогоплательщика, уменьшаются на налоговые вычеты – суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения.

Таким образом, для принятия к вычету сумм «входящего» налога имеет значение наличие объективной взаимосвязи между конкретными операциями по приобретению товаров (работ, услуг) и корреспондирующими им

операциями, формирующими объект налогообложения у налогоплательщика, в частности, операциями по реализации товаров (работ, услуг) самим налогоплательщиком. В том случае, когда понесенные издержки на приобретение товаров, работ и услуг носят общий характер (не могут быть соотнесены непосредственным образом с каждой единицей реализуемых товаров, работ и услуг) – направленность данных издержек в целом на обеспечение деятельности налогоплательщика, в рамках которой им совершаются облагаемые НДС операции.

Реклама по определению, приведенному в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», всегда направлена на привлечение внимания к определенному объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Следовательно, если вопрос о вычете «входящего» налога, предъявленного налогоплательщику, возникает в связи с издержками на рекламу, то вид и способ распространения рекламы (без передачи рекламных материалов – с использованием средств массовой информации и посредством размещения наружной рекламы, либо посредством передачи потребителям буклетов, каталогов и иных подобных материалов), по общему правилу, не должны влиять на оценку правомерности налоговых вычетов. Иное не отвечало бы принципу нейтральности НДС, поскольку ставит в неравное положение хозяйствующие субъекты, осуществляющие аналогичные облагаемые налогом операции (например, торговые организации), только в зависимости от используемой ими формы привлечения внимания потребителей к своей деятельности и к реализуемым товарам.

С учетом природы рекламы как деятельности, направленной на привлечение внимания и продвижение объекта рекламирования, при решении вопроса о принятии к вычету «входящего» налога по приобретенной налогоплательщиком рекламной продукции значение имеет то обстоятельство, являются ли объектами рекламирования конкретные товары (работы, услуги), реализуемые налогоплательщиком с уплатой НДС и (или) в целом деятельность налогоплательщика, в рамках которой им осуществляются облагаемые налогом операции с объектами рекламирования.

Изложенное не входит в противоречие с подп. 25 п. 3 ст. 149 НК РФ (введен Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 119-ФЗ), в котором имеется указание об освобождении от НДС операций по передаче в рекламных целях товаров (работ, услуг), расходы на приобретение единицы которых не превысили 100 рублей.

Смысл данной нормы состоит в исключении необходимости отдельного исчисления НДС (в дополнение к налогу, исчисляемому при реализации рекламируемых товаров, работ и услуг) в ситуации, когда в рекламных целях потребителю передаются товары незначительной

стоимости (менее 100 рублей), на что по существу обращено внимание в абзацах первом-третьем п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 мая 2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» (далее – постановление Пленума № 33).

В свою очередь, как следует из абзаца четвертого п. 12 постановления Пленума № 33, положения подп. 25 п. 3 ст. 149 НК РФ, в любом случае не применяются к ситуациям, когда розничным покупателям передаются рекламные материалы, не имеющие потребительской ценности (не способные служить предметом личного потребления) – не предназначенные для розничной продажи в качестве отдельных товаров и, соответственно, не способные сформировать самостоятельный объект налогообложения помимо реализации товаров, работ и услуг, издержки на рекламу которых понесены налогоплательщиком.

Определение № 301-ЭС19-14748

37. Индивидуальные предприниматели, не производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, применяющие как единый налог на вмененный доход, так и общую систему налогообложения по различным видам своей предпринимательской деятельности, имеют право на исчисление страховых взносов со своего дохода по той части деятельности, по которой применяется общая система налогообложения.

Индивидуальный предприниматель осуществлял в спорные периоды деятельность с применением двух систем налогообложения: общей и единого налога на вмененный доход (далее – ЕНВД).

Полагая, что им излишне уплачены страховые взносы, индивидуальный предприниматель подал заявление в пенсионный фонд о возврате излишне уплаченных страховых взносов за спорный период. Пенсионный фонд в удовлетворении требования предпринимателя отказал.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании действий пенсионного фонда незаконными.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суд исходил из положений Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ), действовавшего в спорный период, НК РФ, правовых позиций, изложенных в постановлении Конституционного Суда Российской

Федерации от 30 ноября 2016 г. № 27-П, и пришел к выводам, что предприниматель производил выплаты и иные вознаграждения физическим лицам и уплачивал по данному основанию страховые взносы в связи с чем отсутствовал факт излишней уплаты страховых взносов, а отказ пенсионного фонда в их возврате являлся законным.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, заявленные требования удовлетворены. При этом суд учел полученные от пенсионного фонда следующие сведения: заявитель поставлен на учет и как предприниматель, и как работодатель, начисление взносов по указанным видам деятельности ведется отдельно; спорные страховые взносы уплачены заявителем от осуществления предпринимательской деятельности, не связанной с выплатами и иными вознаграждениями физическим лицам. По данным основаниям суд апелляционной инстанции принял позицию предпринимателя и удовлетворил его требования.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Суд округа не согласился с позицией суда апелляционной инстанции и счел решение суда первой инстанции законным и обоснованным, исходя из того, что предприниматель применял в спорных периодах как общую систему налогообложения, так и ЕНВД, одновременно уплачивая страховые взносы за работников, занятых при осуществлении деятельности по двум системам налогообложения. Данные обстоятельства, по мнению суда округа, свидетельствуют об отсутствии оснований для применения в отношении предпринимателя правовых позиций, изложенных в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 27-П, и о незаконности требований предпринимателя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2016 г. № 27-П разъяснил, что взаимосвязанные положения п. 1 ч. 8 ст. 14 Федерального закона № 212-ФЗ и ст. 227 НК РФ в той мере, в какой на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что для данной цели доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не

производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными НК РФ правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

Пункт 7 ст. 346²⁶ НК РФ предусматривает, что налогоплательщики, осуществляющие наряду с предпринимательской деятельностью, подлежащей налогообложению ЕНВД, иные виды предпринимательской деятельности, обязаны вести отдельный учет имущества, обязательств и хозяйственных операций в отношении предпринимательской деятельности, подлежащей налогообложению ЕНВД, и предпринимательской деятельности, в отношении которой налогоплательщики уплачивают налоги в соответствии с иным режимом налогообложения. При этом учет имущества, обязательств и хозяйственных операций в отношении видов предпринимательской деятельности, подлежащих налогообложению ЕНВД, осуществляется налогоплательщиками в общеустановленном порядке. Налогоплательщики, осуществляющие наряду с предпринимательской деятельностью, подлежащей налогообложению ЕНВД, иные виды предпринимательской деятельности, исчисляют и уплачивают налоги и сборы в отношении данных видов деятельности в соответствии с иными режимами налогообложения, предусмотренными НК РФ.

Таким образом, законодательство о налогах предусматривает отдельный учет налоговых фактов налогоплательщиками, применяющими как ЕНВД, так и общую систему налогообложения.

Часть 8 ст. 14 Федерального закона № 212-ФЗ устанавливала различные способы определения дохода для целей исчисления страховых взносов налогоплательщиками, применяющими ЕНВД и общую систему налогообложения.

Соответственно, индивидуальные предприниматели, не производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, применяющие как ЕНВД, так и общую систему налогообложения по различным видам своей предпринимательской деятельности, имеют право на исчисление страховых взносов со своего дохода по той части деятельности, по которой применяется общая система налогообложения, с учетом правовых позиций, изложенных в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 27-П.

Таким образом, у арбитражного суда округа не было достаточных оснований для отмены постановления суда апелляционной инстанции.

Определение № 308-ЭС19-13936

38. Сам по себе учет излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование на индивидуальных счетах застрахованных лиц не является основанием для отказа в возврате страхователю указанных страховых взносов.

Рассмотрев заявление общества о возврате излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, пенсионный фонд вынес решение об отказе в возврате излишне уплаченных страховых взносов в связи с отсутствием переплаты.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения пенсионного фонда незаконным и об обязанности пенсионного фонда вернуть излишне уплаченные страховые взносы и направить решение в соответствующий налоговый орган.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Установив, что спорные суммы страховых взносов на обязательное пенсионное страхование были начислены обществом с выплаченных своим работникам сумм возмещения затрат по найму жилого помещения в связи с вынужденным переездом к новому месту работы, которые (выплаты) в силу подп. «и» п. 2 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ) не подлежали включению в базу, облагаемую страховыми взносами, суды пришли к выводу о наличии у общества переплаты по страховым взносам на обязательное пенсионное страхование.

Руководствуясь положениями Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (далее – Закон № 250-ФЗ), Законом № 212-ФЗ, учитывая, что спорные суммы излишне уплаченных страховых взносов, относящиеся к периоду до 1 января 2017 г., были заявлены обществом в составе сведений индивидуального (персонифицированного) учета и учтены (разнесены) пенсионным фондом на индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц, суды пришли к выводу, что указанные суммы не подлежат возврату обществу, поскольку в силу ограничения,

установленного положениями п. 22 ст. 26 Закона № 212-ФЗ, такие суммы могли быть зачтены в счет предстоящих платежей плательщика страховых взносов по решению органа контроля за уплатой страховых взносов, в то время как зачет спорных сумм излишне уплаченных страховых взносов не является предметом рассмотрения настоящего дела. Как указали суды, несмотря на то, что в соответствии с ч. 5 ст. 18 Закона № 250-ФЗ с 1 января 2017 г. Закон № 212-ФЗ признан утратившим силу, и с этого момента вопросы исчисления и уплаты обязательных страховых взносов в пенсионный фонд регулируются гл. 34 НК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органом полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (далее – Закон № 243-ФЗ), переходные положения Закона № 250-ФЗ, устанавливающие специальный порядок возврата страховых взносов за периоды до 1 января 2017 г., не исключают возможность применения к рассматриваемым правоотношениям ранее действовавшего порядка возврата страховых взносов, предусмотренного ст. 26 Закона № 212-ФЗ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 32-П впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из данного постановления, при решении вопроса о возврате сумм излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование следует исходить из недопустимости ограничения такого возврата применительно к страховым взносам, уплаченным по солидарной части тарифа, а в отношении конкретного застрахованного лица, у которого не наступил страховой случай и которому страховое обеспечение не было установлено, - также применительно к страховым взносам, уплаченным по индивидуальной части тарифа.

Учитывая, что отказывая обществу в удовлетворении заявленных требований, суды не устанавливали наличие либо отсутствие обстоятельств, ограничивающих право общества на возврат спорной переплаты по страховым взносам, с учетом правовой позиции Конституционного Суда

Российской Федерации, изложенной в постановлении от 31 октября 2019 г. № 32-П, обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

Определение № 307-КГ18-21424

Практика применения таможенного законодательства

39. Специальные экономические меры (экономические санкции) не распространяются на товары, помещенные под таможенную процедуру таможенного транзита и перевозимые в третьи страны, при условии соблюдения положений, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 29 июля 2015 г. № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

На таможенную территорию Евразийского экономического союза в регионе деятельности автомобильного пункта, расположенного на российско-латвийской границе, прибыло транспортное средство с товаром «сало свиное боковое замороженное», страна происхождения – Нидерланды, получатель – индивидуальный предприниматель.

При проведении таможенного досмотра таможенным органом установлено, что в прибывшем транспортном средстве перевозится товар «замороженный свиной шпик», страна происхождения – Нидерланды.

По результатам таможенного контроля таможенный орган пришел к выводу, что на ввозимый товар распространяется действие Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (далее – Указ № 560), постановления Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320 и от 29 июня 2016 г. № 305» (далее – постановление № 778), которым определен Перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, запрещенные к ввозу в Российскую Федерацию.

Таможенный орган выдал перевозчику уведомление о возврате товара и его обратном вывозе с территории Союза в Латвию.

Представитель индивидуального предпринимателя обратился в таможенный орган с устной жалобой о признании решения неправомерным, однако таможенный орган отказал в ее удовлетворении.

Не согласившись с указанным решением, индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили

из того, что нормативно установленный запрет на ввоз на территорию Российской Федерации сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия применяется также в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу в таможенной процедуре таможенного транзита. Поскольку перемещаемый товар относится к товарам, ввоз которых на территорию Российской Федерации запрещен в соответствии с Указом № 560 и постановлением № 778 независимо от таможенного режима, под который запрещенный к ввозу товар будет помещаться, то суды пришли к выводу о правомерности решения таможенного органа об отказе в удовлетворении жалобы предпринимателя на решение о возврате товара и его обратном вывозе с территории Союза в Латвию.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования индивидуального предпринимателя, указав следующее.

Пунктом 1 Указа № 560 органам государственной власти Российской Федерации, федеральным государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим лицам, образованным в соответствии с законодательством Российской Федерации, организациям и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, в своей деятельности предписано исходить из того, что в течение одного года со дня вступления в силу настоящего Указа запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению.

Постановлением № 778 определен Перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, запрещенные к ввозу в Российскую Федерацию.

В целях реализации указов Президента Российской Федерации № 560 и 320 Президентом Российской Федерации издан Указ от 29 июля 2015 г. № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (далее – Указ № 391), пунктом 1 которого постановлено, что ввезенные на территорию Российской Федерации сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к

такому решению, запрещенные к ввозу на территорию Российской Федерации (далее – товары), подлежат уничтожению с 6 августа 2015 г.

В соответствии с п. 2 Указа № 391 (в редакции, действовавшей в спорный период) его положения не применяются в отношении товаров, ввезенных физическими лицами для личного пользования либо помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита и перевозимых в третьи страны, при условии подлинности ветеринарных и фитосанитарных сопроводительных документов, соответствия их грузу, а также наличия у государственных контролирующих органов достаточных оснований полагать, что доставка товаров будет завершена в месте, расположенном за пределами территории Российской Федерации, в соответствии с условиями помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита.

Поскольку согласно п. 2 Указа № 391 не подлежат уничтожению товары, помещенные под таможенную процедуру таможенного транзита и перевозимые в третьи страны при соблюдении определенных условий, то нахождение таких товаров на территории Российской Федерации, а соответственно и их ввоз на территорию Российской Федерации является законным.

Таким образом, положения п. 2 Указа № 391 свидетельствуют, что специальные меры экономической политики, введенные Указом № 560, не запрещали ввоз на территорию Российской Федерации упомянутых видов товаров, помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита и перевозимых в третьи страны, при соблюдении соответствующих условий.

Договор поставки спорного товара заключен между лицами иностранных государств, перевозка товара осуществлялась иностранным перевозчиком по таможенной процедуре таможенного транзита и на территорию Российской Федерации товар был ввезен не с целью выпуска его в обращение на данной территории, а с целью помещения под таможенную процедуру таможенного транзита для дальнейшего ввоза на территорию Украины, а следовательно установленные Указом № 560 ограничения и запреты к спорному товару применяться не могут.

В подтверждение указанной позиции и с целью устранения неясностей Указ № 560 был дополнен 24 июня 2019 г. п. 1.1, вступившим в силу с 1 июля 2019 г., в соответствии с которым ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, названных в п. 1 Указа № 560, разрешается при осуществлении транзитных международных автомобильных перевозок и транзитных международных железнодорожных перевозок через территорию Российской Федерации в третьи страны в соответствии с порядком осуществления таких автомобильных перевозок и железнодорожных перевозок, установленным Правительством Российской Федерации, при условии обеспечения их прослеживаемости с использованием системы

контроля, предусматривающей применение средств идентификации (пломб), функционирующих на основе технологии глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, а также при наличии у водителей транспортных средств, осуществляющих такие автомобильные перевозки, учетных талонов. В случае нарушения водителями транспортных средств при осуществлении таких автомобильных перевозок порядка наложения (снятия) и применения средств идентификации (пломб), функционирующих на основе технологии глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, учетные талоны считаются недействительными.

Определение № 307-ЭС19-12268

40. Само по себе истечение срока проведения таможенного контроля, начатого после выпуска товаров, не является основанием для отказа в принятии решения о возврате излишне уплаченных таможенных платежей и не должно приводить к наступлению неблагоприятных последствий для декларанта (плательщика), обратившегося в таможенный орган с соблюдением трехлетнего срока возврата таможенных платежей, определенного ч. 1 ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

Корпорация направила в таможенный орган заявление о необходимости внесения изменений в сведения о таможенной стоимости товаров, задекларированных по ранее представленным декларациям на товары (143 шт.), а также заявление о возврате (зачете) излишне уплаченных сумм таможенных пошлин.

Таможенный орган отказал корпорации во внесении изменений и (или) дополнений в сведения по 90 декларациям из 143, а также сообщил о невозможности принятия решения о возврате излишне уплаченных сумм таможенных пошлин, налогов и иных денежных средств в отношении данной части декларации.

Корпорация, полагая свои права нарушенными, обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании бездействия таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды, отказывая в удовлетворении заявления корпорации, руководствовались ст. 147 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 311-ФЗ), указали, что принятие таможенным органом решения о возврате излишне взысканных сумм таможенных пошлин, налогов до

принятия решения о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, то есть без подтверждения факта излишнего взыскания таможенных пошлин, налогов, противоречит положениям данной статьи.

Как отметили суды, поскольку после подачи корпорацией заявления о внесении изменений в сведения о таможенной стоимости товаров, задекларированных по ранее представленным декларациям, истек срок проведения таможенного контроля, начатого после выпуска товаров, и после истечения указанного срока таможенный орган лишен возможности вынести решение о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, то бездействие таможенного органа по внесению соответствующих сведений в декларации по возврату таможенных платежей является законным.

По мнению судов, учитывая ограниченные сроки, в течение которых декларант имеет право обратиться за возвратом излишне уплаченных таможенных платежей (три года с момента их уплаты), корпорации было необходимо проявить достаточную степень заботливости и осмотрительности и своевременно обратиться в таможенные органы с заявлениями о внесении изменений в декларации на товары и о возврате таможенных платежей с представлением полного пакета документов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Статьей 147 Закона № 311-ФЗ установлен административный порядок возврата излишне уплаченных платежей, в соответствии с которым таможенный орган обязан принять решение о возврате, если плательщиком в течение трех лет со дня уплаты представлено заявление о возврате и необходимые для возврата документы (ч. 1) в том числе документы, подтверждающие факт излишней уплаты таможенных пошлин, налогов (п. 3 ч. 2).

В п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее – постановление Пленума № 18) разъяснено, что заявление о возврате излишне уплаченных таможенных платежей подлежит рассмотрению таможенным органом, если одновременно с его подачей или ранее декларантом было инициировано внесение соответствующих изменений в декларацию на товары и в таможенный орган представлены документы, подтверждающие необходимость внесения таких изменений.

В силу установленных таможенным законодательством правил (пп. 12 и 16 Порядка внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, утвержденного решением Коллегии Евразийской

экономической комиссии от 10 декабря 2013 г. № 289 в редакции, действовавшей на момент подачи заявления корпорации от 13 апреля 2017 г., далее – Порядок) рассмотрение таможенным органом обращения декларанта о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, после выпуска товаров производится в соответствии с законодательством государства-члена в установленный законодательством этого государства-члена срок.

В Законе № 311-ФЗ, в том числе в его гл. 20, названный срок прямо определен не был, в связи с чем в п. 29 постановления Пленума № 18 указано, что в Российской Федерации данный срок охватывается установленным ч. 6 ст. 147 Закона № 311-ФЗ сроком рассмотрения заявления о возврате таможенных платежей и составляет один месяц с момента подачи такого заявления.

Начиная с 11 июня 2017 г., в п. 16 Порядка (в редакции решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 г. № 4), прямо установлено, что срок рассмотрения обращения декларанта о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, после выпуска товаров не может превышать 30 календарных дней с момента подачи в таможенный орган этого обращения.

Таким образом, лицо, заявляющее о возврате таможенных платежей в связи с ошибкой, допущенной им при первоначальном декларировании таможенной стоимости ввозимых товаров, должно обеспечить таможенному органу возможность проведения таможенного контроля для проверки обоснованности возврата соответствующих сумм из бюджета – обратиться в таможенный орган с соответствующим обращением, а таможенный орган наделен полномочиями по проверке обоснованности данного обращения в установленные сроки.

Само по себе истечение срока проведения таможенного контроля, начатого после выпуска товаров, не установлено таможенным законодательством в качестве основания для отказа в принятии решения о возврате излишне уплаченных таможенных платежей и не должно приводить к наступлению неблагоприятных последствий для декларанта (плательщика), обратившегося в таможенный орган с соблюдением трехлетнего срока возврата таможенных платежей, определенного ч. 1 ст. 147 Закона № 311-ФЗ. В ином случае разрешение вопроса о возврате таможенных платежей оказалось бы поставленным в зависимость от поведения должностных лиц таможенных органов при проведении таможенного контроля.

Противоположное истолкование ст. 147 Закона № 311-ФЗ, поддержанное судами, сводится к вменению декларанту (плательщику) обязанности по заблаговременному обращению в таможенный орган для внесения изменений в декларации на товары до подачи заявления о возврате излишне уплаченных платежей.

Однако такое толкование расходится с правовой позицией, изложенной в п. 29 постановления Пленума № 18, и приводит к сокращению срока реализации декларантом (плательщиком) права на возврат излишне уплаченных таможенных платежей в сравнении со сроком, установленным ч. 1 ст. 147 Закона № 311-ФЗ по основаниям, не предусмотренным законом, и имеющим отношение к организации деятельности таможенных органов.

Подобное ограничение прав декларанта (плательщика) на возврат излишне уплаченных таможенных платежей с учетом конституционных гарантий защиты права частной собственности не может быть признано допустимым, поскольку, как неоднократно указывалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 15 февраля 2019 г. № 10-П, от 17 января 2018 г. № 3-П и от 18 февраля 2000 г. № 3-П), цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод граждан и организаций, поскольку иное может приводить к недопустимому отступлению от принципов равенства и справедливости, в частности, в сфере взимания обязательных публичных платежей в бюджет.

Определение № 305-ЭС19-10801

Практика обжалования предписаний административных органов

41. Отсутствие в реестре лицензий сведений о многоквартирном доме, фактическую деятельность по управлению которым осуществляет лицензиат, само по себе не означает недействительность ранее выданной лицензии или осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем такой деятельности без лицензии.

В рамках лицензионного контроля в отношении учреждения административным органом была проведена внеплановая проверка исполнения ранее выданного предписания.

В ходе проверки установлено, что в нарушение требований подп. «б» п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 1110 «О лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами» (далее – постановление Правительства № 1110), подп. «в» п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» (далее – правила № 416), ст. 198 ЖК РФ учреждение незаконно осуществляет деятельность по управлению многоквартирным домом, выставляя к оплате собственникам помещений платежные документы на оплату услуг за содержание жилого помещения, в том числе за коммунальные услуги, используемые в целях надлежащего содержания общего имущества, и коммунальные услуги по

электроснабжению за отчетный период. Учреждению выдано предписание об устранении выявленных нарушений.

Учреждение обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предписания административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды трех инстанций, признавая законным предписание административного органа, исходили из отсутствия у учреждения правовых оснований для начисления собственникам жилых помещений в многоквартирном доме платы за жилищно-коммунальные услуги и выставления платежных документов за отчетный период, поскольку согласно данным реестра лицензий спорные многоквартирные дома не включены в перечень многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет заявитель.

Суды указали, что факт реального управления учреждением многоквартирными домами не имеет правового значения ввиду отсутствия у заявителя права на осуществление указанной деятельности, в том числе заключение договоров с ресурсоснабжающими организациями.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требование учреждения по следующим основаниям.

Лицензирование предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами предусмотрено п. 4 ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и ст. 192 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 4 ст. 192 ЖК РФ лицензия действует только на территории субъекта Российской Федерации, органом государственного жилищного надзора которого она выдана. Лицензия не подлежит передаче третьим лицам.

Как следует из содержания ч. 4 ст. 198 ЖК РФ, лицензиат имеет право осуществлять деятельность по управлению конкретным многоквартирным домом при условии заключения договора управления таким домом и выполнения требований о размещении на официальном сайте для раскрытия информации, а также внесения органом государственного жилищного надзора изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, отражающих изменения в перечне многоквартирных домов, управление которыми осуществляет лицензиат.

В соответствии с ч. 2 ст. 195 ЖК РФ реестр лицензий субъекта Российской Федерации должен содержать раздел, который включает в себя сведения об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат.

Из системного толкования вышеуказанных норм права следует, что отсутствие в реестре лицензий сведений о многоквартирном доме, фактическую деятельность по управлению которым осуществляет лицензиат, само по себе не означает недействительность ранее выданной лицензии или осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем такой деятельности без лицензии.

С учетом изложенного, осуществление юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем на основании соответствующей лицензии предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в случае, когда в реестре лицензий отсутствуют сведения об адресе многоквартирного дома, управление которым осуществляет лицензиат, не свидетельствует о неправомерном исполнении возложенных на него полномочий. Право на взимание платы также не связано с исполнением обязанности по внесению изменений в реестр лицензий, а вытекает из условий договора управления (при наличии четко выраженной воли собственников на заключение договора с управляющей компанией, которая фактически предоставляла им коммунальные услуги).

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 154 ЖК РФ плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя: плату за содержание жилого помещения, включающую в себя плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме; взнос на капитальный ремонт; плату за коммунальные услуги.

Частью 7 ст. 155 ЖК РФ предусмотрено, что собственники помещений в многоквартирном доме, в котором не созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив и управление которым осуществляется управляющей организацией, плату за жилое помещение и коммунальные услуги вносят этой управляющей организации, за исключением случаев, предусмотренных ст. 171 ЖК РФ.

Как разъяснено в абзаце втором п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности», если управляющая организация фактически приступила к управлению общим имуществом многоквартирного дома во исполнение решения общего собрания собственников помещений и из представленных доказательств следует, что наниматели (собственники) помещений вносят плату за коммунальные услуги управляющей

организации, а ресурсоснабжающая организация выставляет последний счета за поставку соответствующего ресурса, отношения между управляющей организацией и ресурсоснабжающей организацией могут быть квалифицированы как фактически сложившиеся договорные отношения по снабжению ресурсом по присоединенной сети, в связи с чем управляющая организация может быть признана выполняющей функции исполнителя коммунальных услуг (п. 1 ст. 162 ГК РФ).

Таким образом, у административного органа не имелось правовых оснований для вывода о незаконном осуществлении учреждением деятельности по управлению спорными многоквартирными домами и выставлении их жителям платежных документов за период отсутствия дома в перечне многоквартирных домов, являющемся неотъемлемой частью реестра лицензий, поскольку выставление платежных документов для оплаты является следствием оказанных заявителем жилищно-коммунальных услуг.

Определение № 302-ЭС19-17595

Практика применения положений административного законодательства и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

42. Совершение водителем легкового такси дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью пассажиров и третьих лиц, является основанием для аннулирования у юридического лица или индивидуального предпринимателя разрешения на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси.

Общество имеет разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковыми такси на транспортное средство автомобиль «Шкода».

Водитель автомобиля «Шкода» не справился с управлением и совершил столкновение с автомобилем «Тойота», который в свою очередь произвел наезд на автомобиль Фольксваген. В результате столкновения пострадал малолетний пассажир автомобиля «Шкода», который получил телесные повреждения, квалифицированные как тяжкий вред здоровью.

Данные обстоятельства явились основанием для обращения Московской административной дорожной инспекции (далее – административный орган) в арбитражный суд с требованием об аннулировании разрешения на осуществление деятельности на перевозку пассажиров и багажа легковым такси на территории города Москвы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды, руководствуясь ст. 198, 200, 201 АПК РФ, чч. 1, 3, 14 ст. 9 Федерального закона от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 69-ФЗ), чч. 2, 3 ст. 2 Закона города Москвы от 11 июня 2008 г. № 22 «О легковом такси в городе Москве», постановлением Правительства Москвы от 28 июня 2011 г. № 278-ПП «О мерах по реализации Федерального закона от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Положением о Московской административной дорожной инспекции, утвержденным постановлением Правительства Москвы от 14 октября 2013 г. № 679-ПП (далее – Положение № 679-ПП), Административным регламентом исполнения Московской административной дорожной инспекцией государственной функции по осуществлению регионального государственного контроля за соблюдением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси на территории города Москвы, утвержденным постановлением Правительства Москвы от 15 мая 2012 г. № 198-ПП (далее – Административный регламент), не установили оснований для аннулирования у общества разрешения на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на территории города Москвы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требование административного органа, указав следующее.

Из положений чч. 1, 3, 7 ст. 9 Федерального закона № 69-ФЗ следует, что разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на конкретное транспортное средство, которое предполагается использовать в качестве такси, получает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, а не водитель. Исключение составляет случай, когда водитель и индивидуальный предприниматель совпадают в одном лице.

Разрешение выдается на каждое транспортное средство, используемое в качестве легкового такси. В отношении одного транспортного средства вне зависимости от правовых оснований владения заявителем транспортными средствами, которые предполагается использовать в качестве легкового такси, может быть выдано только одно разрешение.

После получения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем разрешения, оно вручается водителю транспортного

средства, указанного в разрешении, для непосредственной перевозки пассажиров и багажа.

Разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси на транспортное средство «Шкода» получено обществом.

В соответствии с п. 4 ч. 14 ст. 9 Федерального закона № 69-ФЗ разрешение подлежит отзыву (аннулированию) на основании решения суда по заявлению уполномоченного органа в случае совершения водителем легкового такси дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью пассажиров и третьих лиц.

Таким уполномоченным органом, имеющим право обращаться в суд с заявлением об отзыве (аннулировании) разрешения на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, является административный орган, что следует из Положения № 679-ПП и пп. 1.7.6, 1.7.8 Административного регламента.

Из системного толкования Федерального закона № 69-ФЗ можно сделать вывод, что разрешение на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси подлежит отзыву именно у того лица, которому оно выдано.

Следовательно, требование об отзыве (аннулировании) разрешения правомерно предъявлено к обществу.

Определение № 305-ЭС19-14832

43. Прокурор вправе обжаловать вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении независимо от его участия в рассмотрении дела об административном правонарушении.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Ссылаясь на положение ст. 30.10 КоАП РФ заместитель прокурора субъекта Российской Федерации обратился с апелляционной жалобой на указанное решение суда, одновременно заявив ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи указанной жалобы.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена заявителю на основании п. 1 ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

Основанием для возвращения апелляционной жалобы послужили выводы судов об отсутствии у прокурора права на обжалование решения суда первой инстанции согласно ч. 1 ст. 30.10 КоАП РФ, поскольку указанная норма КоАП РФ распространяется только на не вступившие в законную силу постановления о привлечении к административной ответственности, в то время как по данному делу на момент подачи прокурором апелляционной жалобы решение суда первой инстанции вступило в законную силу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело в арбитражный апелляционный суд для рассмотрения вопроса о принятии апелляционной жалобы заместителя прокурора к производству по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов, а также вправе вступить в дело на любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

Согласно положениям ч. 1 ст. 202 и ч. 1 ст. 207 АПК РФ рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, осуществляется по общим правилам искового производства, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными в гл. 25 АПК РФ и КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 30.10 КоАП РФ одна из таких особенностей – возможность оспаривания прокурором не вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях и (или) последующих решений вышестоящих инстанций по жалобам на эти постановления в порядке и сроки, установленные ст. 30.1. 30.2, чч. 1 и 3 ст. 30.3 КоАП РФ.

При этом ч. 3 ст. 30.12 КоАП РФ предусмотрено право принесения протеста на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, которое принадлежит прокурорам субъектов Российской Федерации и их заместителям, Генеральному прокурору Российской Федерации и его заместителям, а в отношении военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, – прокурорам

военных округов, флотов и приравненным к ним прокурорам, Главному военному прокурору и их заместителям.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в пределах своих полномочий вправе приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле, а также совершать иные предусмотренные федеральным законом действия.

Таким образом, независимо от участия в рассмотрении дела об административном правонарушении действующее законодательство предусматривает право на принесение прокурором протеста на постановление по делу об административном правонарушении, если это постановление не вступило в законную силу, либо прокурором субъекта Российской Федерации и его заместителем, Генеральным прокурором Российской Федерации и его заместителями, а в отношении военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, – прокурорами военных округов, флотов и приравненным к ним прокурорам, Главным военным прокурором и их заместителями, если постановление по делу об административном правонарушении вступило в силу.

Кроме того, в ситуации рассмотрения арбитражным судом вопроса о привлечении к административной ответственности принятие арбитражным судом судебного акта о назначении административного наказания оформляется в форме решения суда с учетом особенностей арбитражного процессуального законодательства, в связи с чем предусмотренное ст. 30.10 и 30.12 КоАП РФ право прокурора на принесении протеста на постановление по делу об административном правонарушении распространяется и на решение арбитражного суда о привлечении к административной ответственности.

Учитывая изложенное, апелляционная жалоба заместителя прокурора на решение суда первой инстанции возвращена судом неправомерно.

Определение № 303-ЭС19-5986

44. Срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, составляет три месяца.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, за неисполнение в установленный срок предписания административного органа об устранении ранее выявленных административным органом нарушений при строительстве объекта капитального строительства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда

округа, общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ.

Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, и привлекли общество к указанной административной ответственности, с учетом того, что срок давности привлечения к административной ответственности за совершение вменяемого правонарушения в силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ составляет один год, так как имеет место нарушение законодательства Российской Федерации о градостроительной деятельности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления административного органа, обратив внимание на следующее.

После вынесения решения суда первой инстанции и постановления арбитражного суда апелляционной инстанции было принято определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 823-О (далее – определение КС РФ № 823-О), с учетом которого срок давности привлечения к ответственности по ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ составляет три месяца.

Соответственно, на момент привлечения общества к ответственности судом первой инстанции – 23 ноября 2018 г., срок давности по ч. 6 ст. 19.5 КоАП РФ, составляющий от 1 августа 2018 г. три месяца, был пропущен. При этом суд округа, принимая постановление уже после принятия определения КС РФ № 823-О, данное обстоятельство не учел.

Таким образом, с учетом обстоятельства, исключаящего в силу п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении, привлечение общества к ответственности произведено необоснованно.

Определение № 303-ЭС19-11369

Процессуальные вопросы

45. Определение суда первой инстанции, вынесенное по итогам рассмотрения ходатайства о прекращении судебной экспертизы, не подлежит обжалованию.

Ходатайство о прекращении судебной экспертизы в рамках рассмотрения первоначального иска не может быть удовлетворено, если размер требования по этому иску входит в предмет доказывания для рассмотрения требования по встречному иску.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании задолженности по договору подряда. При рассмотрении дела

судом была назначена судебная экспертиза, экспертным заключением определена стоимость качественно выполненных работ.

Компания также обратилась в тот же суд с иском к обществу о взыскании задолженности по договорам поставки.

Определением суда первой инстанции иски общества и компании объединены для совместного рассмотрения.

При рассмотрении дела судом первой инстанции по ходатайству общества определением назначена повторная комплексная судебная строительно-техническая экспертиза по проведенной согласно ранее вынесенному определению экспертизе в рамках дела по иску общества к компании. Экспертное учреждение уведомило суд о направлении подготовленного по результатам повторной экспертизы экспертного заключения с установленной стоимостью качественно выполненных работ.

Общество заявило ходатайство об отказе от иска и о прекращении проведения повторной строительно-технической экспертизы.

Определением суда первой инстанции обществу отказано в удовлетворении заявлений о прекращении проведения повторной комплексной судебной строительно-технической экспертизы.

Определением суда апелляционной инстанции апелляционная жалоба на определение суда первой инстанции, вынесенное по результатам рассмотрения ходатайства о прекращении проведения экспертизы, возвращена. Суд указал на то, что положениями АПК РФ не предусмотрено обжалование указанных актов.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда апелляционной инстанции о возвращении апелляционной жалобы отменено, вопрос о рассмотрении апелляционной жалобы направлен в суд апелляционной инстанции для рассмотрения по существу.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Постановлением арбитражного суда округа отменены названные судебные акты, заявление общества о прекращении производства повторной комплексной судебной строительно-технической экспертизы удовлетворено, прекращено проведение повторной комплексной судебной строительно-технической экспертизы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления арбитражного суда округа и определение суда апелляционной инстанции, которым апелляционная жалоба рассмотрена по существу, и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Предметом обжалования сторон по делу в судах апелляционной и кассационной инстанций явился судебный акт суда первой инстанции,

которым было отказано в удовлетворении ходатайства общества о прекращении производства по повторной судебной экспертизе.

В соответствии с ч. 1 ст. 82 АПК РФ для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле. О назначении экспертизы или об отклонении ходатайства о назначении экспертизы арбитражный суд выносит определение (ч. 4).

Если необходимость в продолжении проведения экспертизы отпала (например, вследствие изменения истцом основания иска, уничтожения предмета экспертного исследования), суд по заявлению участвующих в деле лиц или по своей инициативе, в соответствии с ч. 1 ст. 184 АПК РФ, выносит определение о прекращении проведения экспертизы и возобновляет производство по делу, если оно было приостановлено. Такие разъяснения даны в п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» (далее – постановление № 23).

Изложенные разъяснения о возможности прекращения производства по судебной экспертизе направлены на ее прекращение при наличии указанных в этом пункте случаев, без сомнения исключающих необходимость в ее результатах.

В соответствии с ч. 1 ст. 188 АПК РФ определение арбитражного суда может быть обжаловано отдельно от обжалования судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, в случаях, если, в соответствии с данным кодексом, предусмотрено обжалование этого определения, а также, если это определение препятствует дальнейшему движению дела.

Поскольку АПК РФ не содержит самой нормы о возможности прекращения производства по начатой экспертизе, кодекс не может содержать и не содержит положений о возможности обжалования такого определения.

Предусматривая п. 19 возможность прекращения производства по начатой судебной экспертизе, постановление № 23 не содержит разъяснений о том, что соответствующее определение о прекращении проведения экспертизы или об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении проведения экспертизы может быть обжаловано отдельно от судебного акта, принятого по существу спора.

В п. 17 постановления № 23 даны разъяснения, применимые для настоящей спорной ситуации, относительно обжалования определения о назначении экспертизы, которое, как изложено в этом пункте, не относится к судебным актам, которые могут быть обжалованы в соответствии с ч. 1 ст. 188 АПК РФ по причине отсутствия такого указания в законе. Пленум

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснил, что в этом случае, по общему правилу, возражения по поводу назначения экспертизы могут быть заявлены при обжаловании судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу (ч. 2 ст. 188 Кодекса).

В силу изложенного судом апелляционной инстанции ранее обоснованно и законно были возвращены апелляционные жалобы на определения, вынесенные по результатам рассмотрения ходатайств о прекращении проведения экспертизы по мотиву невозможности их обжалования.

Определяя предмет доказывания по делу и обстоятельства, подлежащие доказыванию, суд первой инстанции не согласился с обществом о наличии оснований для прекращения производства по судебной экспертизе по причине отказа последнего от своего иска, приняв также во внимание его позицию по встречному требованию компании, против удовлетворения которого оно настаивало, ссылаясь на зачет взаимных требований, совершенный по его уведомлению.

Поскольку компания, заявляя иск о взыскании задолженности с общества, оспаривала в настоящем деле как факт проведения зачета взаимных требований, так и выполнение обществом работ на заявленную сумму, суды первой и апелляционной инстанций обоснованно признали необходимость проведения судебной экспертизы, результаты которой важны для установления объема и стоимости выполненных работ обществом в этом деле, соответственно, наличия оснований для зачета и для рассмотрения по существу иска общества.

Встречный иск по своей правовой природе всегда имеет материально-правовое основание, направленное на зачет требований по первоначальному иску (п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований»; п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств»). Поэтому для рассмотрения встречных исковых требований суд должен установить объем данных требований, в связи с чем и была назначена судебная экспертиза по делу.

Определение № 302-ЭС19-18785

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Вопросы квалификации

46. В случае, если умысел на хищение имущества потерпевшего возник после убийства, совершенного на почве личных неприязненных отношений, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Установлено, что Я. совместно с потерпевшими Т. и К. распивал спиртные напитки. В ходе распития спиртного между Я. и потерпевшим Т. произошла ссора, по окончании которой последний ушел в комнату и лег спать. После этого Я. из личных неприязненных отношений, возникших из-за ранее произошедшей ссоры, решил убить потерпевших. Во исполнение своего преступного умысла Я. сначала нанес множественные удары ножом по голове и телу Т., а затем К. Также он нанес потерпевшим удары деревянной скалкой. Смерть потерпевших наступила на месте происшествия. После этого Я. тайно похитил из квартиры телевизор, мобильный телефон и денежные средства в размере одной тысячи рублей, принадлежащие Т.

Указанные действия Я. квалифицированы судом по п. «а» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как убийство двух лиц и кража чужого имущества, с причинением значительного ущерба.

В апелляционной жалобе осужденный просил изменить приговор и квалифицировать его действия как единое преступление по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, указав следующее.

В судебном заседании Я. вину в указанном преступлении признал, подтвердил свои показания, данные в ходе предварительного следствия и оглашенные судом, об обстоятельствах совершения им убийства потерпевших и хищения имущества. При проведении проверки показаний на месте Я. подтвердил обстоятельства нанесения Т. и К. ножевых ранений, указал место нахождения похищенного имущества и место, где выбросил орудия преступления.

Квалификация действий осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ является правильной, поскольку с учетом совокупности признанных допустимыми и достоверными доказательств судом установлено, что убийство потерпевших было совершено осужденным на почве личных неприязненных отношений, возникших из-за ссоры, а умысел на хищение имущества потерпевшего Т. возник уже после совершенного убийства, при этом изъятие чужого имущества носило тайный характер.

Учитывая изложенное, а также исходя из требований ст. 252 УПК РФ, регламентирующей пределы судебного разбирательства, доводы осужденного о необходимости квалификации его действий только по пп. «а»,

«з» ч. 2 ст. 105 УК РФ являются необоснованными, а также направлены на ухудшение его положения.

Определение № 4-АПУ19-23

Назначение наказания

47. По смыслу уголовного закона лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. Запрет занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях законом не предусмотрен (ст. 47 УК РФ).

Н., будучи начальником отдела коммерческой работы филиала Открытого акционерного общества (ОАО «Р») и являясь должностным лицом, признан виновным в мошенничестве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения и в получении должностным лицом лично взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя, входящие в служебные полномочия должностного лица, а равно за общее покровительство, в крупном размере.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) Н. осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к 7 годам лишения свободы со штрафом в десятикратном размере от суммы взятки, то есть в размере 3 млн. руб., с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, сроком на 3 года.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Н. окончательно назначено 7 лет 3 месяца лишения свободы со штрафом в десятикратном размере от суммы взятки, то есть в размере 3 млн. руб., с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, сроком на 3 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного, изменила судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления.

Как следует из приговора, Н. наряду с основным наказанием в виде лишения свободы суд назначил дополнительное наказание в виде лишения

права занимать должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, сроком на 3 года.

Вместе с тем такого дополнительного наказания как запрет занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях ст. 47 УК РФ, с учетом положений Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», не предусмотрено.

Таким образом при назначении наказания осужденному были допущены существенные нарушения уголовного закона.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и последующие судебные решения и исключила назначение осужденному дополнительного наказания в виде запрета занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях.

Определение № 46-УД19-24

Процессуальные вопросы

48. Если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости погашены, то суд не вправе указывать эти судимости в вводной части приговора.

По приговору суда от 24 декабря 2018 г. А., ранее судимый, осужден по п. «в» ч. 2 ст. 115 и пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению и жалобам, изменила приговор от 24 декабря 2018 г. и исключила из вводной части приговора указание на судимости по приговорам от 13 июня 2006 г. и 27 апреля 2007 г.

В своем определении Судебная коллегия указала следующее.

Согласно ст. 304 УПК РФ в вводной части приговора среди ряда сведений, определенных данной статьей, указываются, в том числе, данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости сняты или погашены, то суд, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, не вправе упоминать о них в вводной части приговора.

Данные положения закона, а также его разъяснения, изложенные в постановлении Пленума, судом выполнены не были.

Так, на момент совершения А. преступлений, за которые он осужден по настоящему приговору, его судимости по приговорам от 13 июня 2006 г. и 27 апреля 2007 г. были погашены и поэтому не могли быть указаны в приговоре.

Определение № 36-АПУ19-2

49. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 308 УПК РФ при назначении наказания по совокупности преступлений в резолютивной части приговора суду надлежит указывать вид и размер основного и дополнительного наказаний, назначенных отдельно за каждое преступление, и окончательное наказание по совокупности преступлений.

По приговору суда, с учетом внесенных изменений, Г. (ранее судимый) осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 4 годам 6 месяцам лишения свободы, на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ к 5 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, с установлением ограничений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, изменила приговор и последующие судебные решения и исключила назначение осужденному на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы сроком на 1 год 6 месяцев и установление ограничений.

В своем определении Судебная коллегия указала следующее.

По смыслу закона, если подсудимый признан виновным в совершении преступления, то в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора надлежит указывать вид и размер назначенных основного и дополнительного наказаний отдельно за каждое преступление и окончательное наказание по совокупности преступлений.

Из описательно-мотивировочной части приговора следует, что суд первой инстанции при назначении осужденному наказания пришел к выводу о необходимости назначения ему дополнительного наказания в виде ограничения свободы согласно требованиям ст. 53 УК РФ.

Однако, как видно из резолютивной части приговора, при назначении осужденному наказания за отдельное преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ, в виде лишения свободы, дополнительное наказание в виде ограничения свободы ему не было назначено, а имеется лишь указание о назначении данного вида наказания – ограничения свободы – по

совокупности преступлений при назначении окончательного наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Определение № 57-УД19-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

50. Установленные в отношении должника ограничения на выезд из Российской Федерации подлежат отмене, а исполнительное производство – окончанию в случае, если у судебного пристава-исполнителя имеется поступившая от взыскателя информация о погашении должником задолженности по исполнительному производству.

А. являлась должником по исполнительному производству о взыскании денежных средств. В мае 2018 г. задолженность была погашена в полном объеме, в связи с чем взыскателем в адрес судебного пристава-исполнителя было направлено заявление о погашении должником указанной задолженности.

В сентябре 2018 г. в аэропорту при выезде из Российской Федерации А. было вручено уведомление об ограничении на выезд из Российской Федерации на основании соответствующего решения судебного пристава-исполнителя.

А. обратилась в суд с административным иском о признании незаконным бездействия судебного пристава-исполнителя возложении обязанности снять ограничение на выезд из Российской Федерации, ссылаясь на то, что ей не были вручены постановление о возбуждении исполнительного производства и постановление об ограничении на выезд из Российской Федерации, при этом имеющаяся задолженность по исполнительному производству была погашена в полном объеме.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено. При этом суд исходил из того, что в адрес административного истца не было направлено постановление об ограничении на выезд из Российской Федерации, задолженность по исполнительному производству была погашена в полном объеме, о чем судебный пристав-исполнитель был уведомлен надлежащим образом, однако исполнительное производство в отношении А. окончено не было, равно как не было снято и ограничение на выезд за пределы Российской Федерации.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении

административного искового заявления. Судебная коллегия указала, что оплата задолженности по исполнительному производству была произведена не лично А., а ее сыном, доказательств уведомления судебного пристава-исполнителя о погашении задолженности административным истцом не представлено, денежные средства в счет погашения задолженности на счет районного отдела судебных приставов не поступали.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Судом первой инстанции было установлено, что в мае 2018 г. задолженность А. по исполнительному производству была погашена в полном объеме, в связи с чем взыскателем в адрес судебного пристава-исполнителя было направлено соответствующее заявление, полученное районным отделом судебных приставов также в мае 2018 г.

Таким образом, судебный пристав-исполнитель, надлежащим образом извещенный о погашении задолженности по исполнительному производству, не окончил указанное производство и не снял установленное в отношении А. ограничение на выезд за пределы Российской Федерации

То обстоятельство, что денежные средства взыскателю по исполнительному производству были уплачены не самой А., а ее сыном Б., не может служить основанием для вывода о законности оспариваемых действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, учитывая отсутствие каких-либо претензий к А. со стороны взыскателя.

При изложенных обстоятельствах судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что оспариваемые действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя нельзя признать законными.

Определение № 4-КА19-30

51. Адвокат в целях оказания квалифицированной юридической помощи вправе знакомиться с результатами инициированных по его заявлению контрольно-надзорных мероприятий, осуществленных уполномоченным органом, не нарушая при этом требования закона и права, свободы и законные интересы иных лиц.

В., являющийся адвокатом и защитником Н., осужденного за совершение преступления в отношении А., обратился в территориальный орган Росздравнадзора с заявлением о проведении проверки качества оказания А. медицинской помощи; при этом В. полагал, что смерть А. наступила в том числе в результате некачественного оказания этой помощи.

Письмом руководителя территориального органа Росздравнадзора В. сообщено о выявлении нарушений в области здравоохранения, однако в предоставлении соответствующих сведений отказано со ссылкой на то, что они составляют врачебную тайну.

Не согласившись с таким решением, В. оспорил его в суде, ссылаясь на то, что оно нарушает процессуальные принципы равноправия и состязательности, так как ограничивает права адвоката в сравнении с полномочиями органов предварительного расследования и прокурора. При этом иные способы получения требуемых сведений отсутствуют.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что адвокаты не входят в перечень лиц, которым допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя. Кроме того, право адвоката на получение документов, связанных с оказанием медицинской помощи А., подлежит реализации путем дальнейшего инициирования средств контроля за процессуальными решениями по его заявлению о проведении доследственной проверки, в том числе заявлений, ходатайств об истребовании таких документов и ознакомления с полученными ответами в установленном порядке.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Подпунктом 1 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» также установлено, что адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций в порядке, предусмотренном статьей 6¹ названного федерального закона. Указанные органы и организации в установленном порядке обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их копии. Адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в

порядке, установленном данным федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи (п. 1 ст. 6¹ указанного закона).

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения. В случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, при этом адвокату, направившему адвокатский запрос, направляется уведомление о продлении срока рассмотрения адвокатского запроса (п. 2 ст. 6¹).

Судом установлено, что Н., защитником которого является адвокат В., осужден по приговору суда.

При этом до рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции В. приступил к сбору доказательств по делу в интересах Н., направив запрос в территориальный орган Росздравнадзора с просьбой предоставить ему сведения о выявленных в ходе контрольно-надзорных мероприятий нарушениях при оказании А. медицинской помощи.

Таким образом, административным истцом как адвокатом были истребованы в том числе результаты инициированных по его заявлению контрольно-надзорных мероприятий, а не медицинские документы о состоянии здоровья А., ее диагнозе или иные сведения, связанные с ее медицинским обследованием и лечением.

Поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к сведениям, составляющим врачебную тайну, отнесены сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что суду необходимо было выяснить, являются ли запрашиваемые административным истцом сведения, сведениями, составляющими врачебную тайну, учитывая, что государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности, осуществляемый органами государственного контроля в соответствии с их полномочиями, включает в себя проведение проверок применения медицинскими организациями порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи согласно положениям ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 88 названного

федерального закона, которые к сведениям, составляющим врачебную тайну, не отнесены.

Определение № 31-КА19-4

52. При определении рыночной стоимости объекта недвижимости для целей установления кадастровой стоимости налог на добавленную стоимость не является ценообразующим фактором и отдельно не выделяется из рыночной стоимости.

Общество обратилось в суд с административным исковым заявлением об установлении кадастровой стоимости принадлежащего ему на праве собственности нежилого здания в размере, равном его рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2014 г. Кадастровая стоимость нежилого здания по результатам государственной кадастровой оценки по состоянию на 1 января 2014 г. установлена в размере 539 069 024,83 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено. Кадастровая стоимость названного объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости, равном 507 430 000 руб., установлена на основании результатов проведенной судебной экспертизы с учетом налога на добавленную стоимость по состоянию на 1 января 2014 г.

Определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты были отменены, административное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с ошибочностью выводов о возможности выделения в итоговой величине рыночной стоимости налога на добавленную стоимость.

Решением суда первой инстанции кадастровая стоимость нежилого здания по состоянию на 1 января 2014 г. установлена в размере его рыночной стоимости, равном 507 430 000 руб. на основании результатов дополнительной судебной экспертизы. Налог на добавленную стоимость в этой величине рыночной стоимости не выделен.

Суд апелляционной инстанции изменил указанное решение суда, определив кадастровую стоимость нежилого здания по состоянию на 1 января 2014 г. в размере его рыночной стоимости, равном 430 025 423,73 руб.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции сослался на наличие противоречий в заключениях эксперта при определении окончательной рыночной стоимости объекта недвижимости, совпадение рыночной стоимости нежилого здания, определенной по результатам дополнительной судебной экспертизы, с его рыночной стоимостью, первоначально определенной экспертом с учетом налога на добавленную стоимость; указал, что для расчета итоговой суммы не

требуется специальных познаний и установил кадастровую стоимость нежилого здания в размере его рыночной стоимости – 430 025 423,73 руб., которая была определена в расчете административного истца как разница между суммой 507 430 000 руб. и размером налога на добавленную стоимость.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила административное дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 245 КАС РФ и ст. 24¹⁸ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности) результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены юридическими лицами в случае, если результаты определения кадастровой стоимости затрагивают права и обязанности этих лиц, в том числе путем установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость.

Для целей Закона об оценочной деятельности под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда: одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект оценки, а другая сторона не обязана принимать исполнение; стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах; объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки; цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было; платеж за объект оценки выражен в денежной форме (статья 3 Закона об оценочной деятельности).

Требования к порядку проведения оценки и осуществлению оценочной деятельности определяются стандартами оценочной деятельности (ст. 20 Закона об оценочной деятельности). В соответствии с п. 4 Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)», утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 298 (далее – ФСО № 2), результатом оценки является итоговая величина стоимости объекта оценки.

Согласно п. 5 Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)», утвержденного приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 297 (далее – ФСО № 1), стоимость объекта оценки – это

наиболее вероятная расчетная величина, определенная на дату оценки в соответствии с выбранным видом стоимости согласно требованиям ФСО № 2, в п. 5 которого указана и рыночная стоимость.

Результат оценки может использоваться при определении сторонами цены для совершения сделки или иных действий с объектом оценки, в том числе при совершении сделок купли-продажи, передаче в аренду или залог, страховании, кредитовании, внесении в уставный (складочный) капитал, для целей налогообложения, при составлении финансовой (бухгалтерской) отчетности, реорганизации юридических лиц и приватизации имущества, разрешении имущественных споров и в иных случаях (п. 4 ФСО № 2).

Наряду с этим под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований (п. 1 ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

Из пп. 1 и 3 ст. 38, п. 1 ст. 39 НК РФ следует, что объектом налогообложения является, в частности, реализация товаров (передача на возмездной основе права собственности на товары), имеющая стоимостную, количественную или физическую характеристики, с наличием которой законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога. Товаром для целей налогообложения признается любое имущество, реализуемое либо предназначенное для реализации.

Для целей налогообложения принимается цена товаров, указанная сторонами сделки. Пока не доказано обратное, предполагается, что эта цена соответствует уровню рыночных цен. Рыночная цена определяется с учетом положений, предусмотренных пп. 4–11 ст. 40 НК РФ. При этом учитываются обычные при заключении сделок между независимыми лицами надбавки к цене или скидки (пп. 1, 3 ст. 40 НК РФ).

Налог на добавленную стоимость исчисляется как соответствующая налоговой ставке процентная доля налоговой базы, а при раздельном учете как сумма налога, полученная в результате сложения сумм налогов, исчисляемых отдельно как соответствующие налоговым ставкам процентные доли соответствующих налоговых баз (п. 1 ст. 166 НК РФ).

Согласно п. 1 ст. 154 НК РФ налоговая база при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг) определяется как стоимость этих товаров (работ, услуг), исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 1053 названного кодекса, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения в них налога.

Анализ приведенных норм в их совокупности и взаимной связи позволяет сделать вывод о том, что ни законодательство об оценочной деятельности, ни налоговое законодательство не предусматривают, что при определении рыночной стоимости объекта недвижимости для целей установления кадастровой стоимости налог на добавленную стоимость является ценообразующим фактором и отдельно выделяется из рыночной стоимости.

В свою очередь, по общему правилу, реализация объекта недвижимости по рыночной стоимости может являться объектом налогообложения налогом на добавленную стоимость и в этом случае налог на добавленную стоимость подлежит определению по правилам гл. 21 НК РФ.

Следовательно, определение рыночной стоимости с выделением в ее составе налога на добавленную стоимость противоречит приведенным нормам законодательства об оценочной деятельности.

Установив наличие противоречий в заключениях судебных экспертиз, проведенных в рамках данного дела, суд апелляционной инстанции не принял предусмотренных процессуальным законом мер для устранения этих противоречий путем вызова и допроса экспертов, а при необходимости – путем назначения дополнительной либо повторной судебной экспертизы; суд апелляционной инстанции при отсутствии специальных познаний и в нарушение требований закона самостоятельно расчетным путем определил рыночную стоимость объекта недвижимости, исключив из величины рыночной стоимости объекта недвижимости, определенной экспертом, размер налога на добавленную стоимость.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебный акт суда апелляционной инстанции нельзя признать законным.

Определение № 5-КА19-54

53. Требование о пересмотре кадастровой стоимости, ставшей архивной, может быть рассмотрено по существу, если на дату обращения в суд сохраняется право на применение результатов такого пересмотра для целей, установленных законодательством.

С. обратился в суд с административным иском с заявлением об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости земельных участков, утвержденной по состоянию на 1 января 2016 г.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления С. отказано на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

При этом судья исходил из того, что из административного искового заявления не следует, что оспариваемым действием (бездействием) нарушаются либо иным образом затрагиваются права и законные интересы административного истца на момент обращения с административным иском, поскольку административное исковое заявление подано С. в январе 2019 г., тогда как в ноябре 2018 г. по состоянию на 1 января 2018 г. утверждены новые результаты государственной оценки земельных участков, применяемые для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации с 1 января 2019 г.

Таким образом, оспариваемая административным истцом кадастровая стоимость земельных участков на момент обращения с административным иском заявлением пересмотрена применительно к следующему налоговому периоду, в отношении спорных объектов в Единый государственный реестр недвижимости внесены новые сведения об их кадастровой стоимости, а административное исковое заявление подано после даты внесения в Единый государственный реестр недвижимости результатов определения кадастровой стоимости, полученных при проведении очередной государственной кадастровой оценки.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными указанные выводы по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 245 КАС РФ и ст. 24¹⁸ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» физические лица могут обратиться в суд с административным иском заявлением об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, включая оспаривание решений комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, а также с административным иском заявлением об оспаривании действий (бездействия) такой комиссии в случае, если результатами определения кадастровой стоимости затронуты их права и обязанности.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пп. 14, 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости», требование о пересмотре кадастровой стоимости, ставшей архивной, может быть рассмотрено по существу, если на дату обращения в суд сохраняется право на применение результатов такого пересмотра для целей, установленных законодательством.

Дело о пересмотре кадастровой стоимости подлежит рассмотрению по существу независимо от того, что до принятия судом решения утверждены или внесены в государственный кадастр недвижимости результаты очередной кадастровой оценки, поскольку действующее правовое

регулирование предусматривает право заявителя пересчитать сумму налоговой базы с 1 числа налогового периода, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания (п. 15 ст. 378², п. 1 ст. 391, п. 2 ст. 403 НК РФ), ст. 24¹⁸, абзац пятый ст. 24²⁰ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»).

Из административного искового заявления следовало, что С., которому принадлежит ряд земельных участков, является в соответствии с п. 1 ст. 388 НК РФ плательщиком земельного налога.

Налоговая база земельного налога определяется как кадастровая стоимость земельных участков (ст. 390 НК РФ).

Согласно п. 1¹ ст. 391 НК РФ в случае изменения кадастровой стоимости земельного участка на основании установления его рыночной стоимости по решению комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или решению суда сведения о кадастровой стоимости, установленной решением указанной комиссии или решением суда, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости, учитываются при определении налоговой базы начиная с даты начала применения для целей налогообложения кадастровой стоимости, являющейся предметом оспаривания.

В соответствии с п. 2 ст. 58 НК РФ подлежащая уплате сумма налога уплачивается налогоплательщиком в установленные сроки.

Пунктом 1 ст. 397 НК РФ установлено, что налог подлежит уплате налогоплательщиками – физическими лицами в срок не позднее 1 декабря года, следующего за истекшим налоговым периодом.

Между тем в случаях, когда расчет налоговой базы производится налоговым органом, обязанность по уплате налога возникает не ранее даты получения налогового уведомления (п. 4 ст. 57 НК РФ). Налогоплательщики – физические лица уплачивают налог на основании налогового уведомления, направленного налоговым органом (п. 4 ст. 397 НК РФ).

В данном случае из административного искового заявления следовало, что права административного истца затрагиваются в связи с необходимостью уплаты земельного налога за период действия оспариваемой архивной кадастровой стоимости. В связи с этим факт отсутствия нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца подлежит установлению при рассмотрении и разрешении административного дела по существу.

В этой связи Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что у судьи суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для отказа в принятии административного искового заявления, в связи с чем обжалуемые

судебные акты подлежат отмене, а материал – направлению в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия заявления.

Определение № 5-КА19-69

54. Суд вправе прекратить производство по административному делу об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, если оспариваемое решение отменено или пересмотрено и перестало затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

Вместе с тем, суд не вправе прекратить производство по такому делу в случае, если в ходе судебного разбирательства будет установлена правовая заинтересованность административного истца в защите своих прав, свобод и законных интересов.

П. обратился в суд с административным иском о признании недействительными действий (бездействия) должностных лиц следственного изолятора, выразившихся в воспрепятствовании и запрете свиданий со своими защитниками, допущенными судом к участию в уголовном деле.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, производство по административному делу прекращено на основании ч. 2 ст. 194 КАС РФ. При этом суд исходил из того, что на момент рассмотрения данного административного дела запрет на посещение административного истца его защитниками был снят, в связи с чем права, свободы и законные интересы заявителя оспариваемыми действиями не нарушены.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

Одной из задач административного судопроизводства, закрепленной в п. 2 ст. 3 КАС РФ, является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан в сфере административных и иных публичных правоотношений.

В силу ч. 2 ст. 194 и ч. 2 ст. 225 КАС РФ суд вправе прекратить производство по административному делу об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, если оспариваемое решение отменено или пересмотрено и перестало затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

Вместе с тем, указанная норма не освобождает суд от обязанности выяснять обстоятельства, имеющие значения для дела, в том числе предусмотренные чч. 8–10 ст. 226 КАС РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что суд не вправе прекратить производство по административному делу в случае, если в ходе судебного разбирательства будет установлена правовая заинтересованность административного истца в защите своих прав, свобод и законных интересов.

Между тем, при вынесении обжалуемых судебных актов суды первой и апелляционной инстанций приведенные обстоятельства не учли и не дали оценку оспариваемым действиям (бездействию) административного ответчика, выразившимся в запрете административному истцу свиданий с его защитниками.

То обстоятельство, что впоследствии указанный запрет был снят, не свидетельствует о том, что оспариваемые действия (бездействие) перестали затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

Определение № 78-КА19-25

55. В случаях, когда при фактическом прекращении предпринимательской деятельности граждан в силу непреодолимых обстоятельств не мог в установленном порядке своевременно отказаться от статуса индивидуального предпринимателя, он не лишается возможности при предъявлении к нему требования об уплате недоимки по страховым взносам за соответствующий период защитить свои права, привести доводы и возражения, представить документы и иные сведения, подтверждающие указанные обстоятельства.

С учетом закрепленного в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации принципа состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда, суду следует принимать меры к установлению обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у названного выше лица объективной возможности в установленном порядке своевременно отказаться от статуса индивидуального предпринимателя.

Ш. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании требования налогового органа об уплате недоимки по страховым взносам на обязательное медицинское страхование, обязательное пенсионное страхование по состоянию на июль 2018 г., пеней, а также решения об отказе в удовлетворении его заявления о списании задолженности по страховым взносам на обязательное пенсионное страхование, а также пеней и штрафов, образовавшихся за период 2014 – 2018 гг.

В обоснование заявленных требований административный истец указал, что с ноября 2000 г. по июнь 2018 г. имел статус индивидуального предпринимателя, однако в период с 2014 по 2018 г. отбывал наказание в виде лишения свободы по приговору суда, в связи с чем предпринимательскую деятельность фактически не осуществлял, что, по его мнению, являлось основанием для освобождения от обязанности уплачивать страховые взносы независимо от наличия статуса индивидуального предпринимателя, поскольку, находясь в местах лишения свободы, он имел ограниченные возможности в реализации своих гражданских прав, не располагал необходимыми бланками документов, сведениями для их заполнения, а также денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, нахождение Ш. в местах лишения свободы не является обстоятельством, освобождающим его от уплаты страховых взносов; также суд указал на пропуск административным истцом срока обращения в суд и пришел к выводу о том, что нахождение Ш. в местах лишения свободы не препятствовало ему обратиться в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации прекращения предпринимательской деятельности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Так, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признала правильными выводы суда о том, что ни Налоговый кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования», действовавший до 30 декабря 2016 г., не предусматривают возможность освобождения индивидуальных предпринимателей от уплаты страховых взносов на период лишения их свободы.

Вместе с тем при разрешении данного административного дела судами не учтено, что в случаях, когда при фактическом прекращении предпринимательской деятельности гражданин в силу непреодолимых обстоятельств не мог в установленном порядке своевременно отказаться от статуса индивидуального предпринимателя, он не лишается возможности при предъявлении к нему требования об уплате недоимки по страховым взносам за соответствующий период защитить свои права, привести доводы

и возражения, представить документы и иные сведения, подтверждающие указанные обстоятельства.

Для правильного разрешения заявленных требований суду необходимо было выяснить причины, по которым административный истец в период нахождения в местах лишения свободы с июня 2014 г. по август 2017 г. не обращался в уполномоченный орган по вопросу прекращения статуса индивидуального предпринимателя.

Исходя из закрепленного в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации принципа состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда, суд, проверяя законность оспариваемого требования налогового органа, не мог ограничиться формальной констатацией непредставления Ш. доказательств ограничений в праве переписки во время отбывания наказания, а обязан был принять меры к установлению обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у административного истца объективной возможности в установленном порядке своевременно отказаться от статуса индивидуального предпринимателя.

Между тем, изложенное судами во внимание принято не было.

Кроме того, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда о пропуске административным истцом срока обращения в суд, указав, что причины пропуска указанного срока судом не выяснились.

Таким образом, обжалуемые судебные акты признаны Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации незаконными и необоснованными.

Определение № 32-КА19-8

Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

56. Разрешение дела по жалобе на постановление должностного лица по делу об административном правонарушении с нарушением закрепленных п. 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ правил подсудности является существенным (фундаментальным) нарушением, влияющим на исход дела, и не отвечает требованию справедливого правосудия.

Постановлением начальника ОГИБДД УМВД России по району города федерального значения, оставленным без изменения решением судьи районного суда области, решением судьи областного суда и постановлением заместителя председателя областного суда, индивидуальный предприниматель признан виновным в совершении административного

правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.31¹ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Вынесенное должностным лицом постановление было обжаловано индивидуальным предпринимателем в суд.

Жалоба рассмотрена судьей районного суда области по существу, постановление должностного лица оставлено без изменения. Вышестоящие судебные инстанции с постановлением должностного лица и решением судьи районного суда согласились.

При изучении материалов дела об административном правонарушении было установлено, что индивидуальный предприниматель в жалобах, подаваемых в вышестоящие судебные инстанции, указывал на рассмотрение дела об административном правонарушении с нарушением правил подсудности.

Согласно ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.3 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.31¹ названного кодекса (за исключением легковых такси), рассматривают органы внутренних дел (полиция). При этом в силу ч. 2 ст. 29.5 КоАП РФ дело об административном правонарушении, по которому было проведено административное расследование, рассматривается по месту нахождения органа, проводившего административное расследование.

Настоящее дело рассмотрено начальником ОГИБДД УМВД России по району города федерального значения по месту проведения административного расследования.

Пунктом 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ предусмотрено, что постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, может быть обжаловано лицами, указанными в ст. 25.1–25.5¹ названного кодекса, в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела.

В соответствии с этой нормой жалоба индивидуального предпринимателя на постановление должностного лица подлежала рассмотрению по месту рассмотрения дела – районным судом города федерального значения.

Судья районного суда области при рассмотрении жалобы указанного лица нарушил правила подсудности. Вышестоящими судебными инстанциями допущенное судьей районного суда нарушение оставлено без внимания.

В силу положений ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для применения административного наказания,

но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

Согласно правовой позиции, приведенной в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2007 г. № 623-О-П и от 15 января 2009 г. № 144-О-П, решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может быть признано правильным, поскольку оно, вопреки ч. 1 ст. 47 и ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации, принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела, что является существенным (фундаментальным) нарушением, влияющим на исход дела и искажающим саму суть правосудия.

Разрешение дела с нарушением правил подсудности не отвечает и требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, не является, по смыслу ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия.

При таких обстоятельствах решение судьи районного суда области, решение судьи областного суда и постановление заместителя председателя областного суда отменены судьей Верховного Суда Российской Федерации.

Постановление № 33-АД19-8

57. Территориальная подсудность рассмотрения дел по жалобам на решения вышестоящих должностных лиц по делам об административных правонарушениях определяется в соответствии с ч. 1 ст. 30.9 КоАП РФ по месту рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении.

Постановлением заместителя начальника Управления Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России), оставленным без изменения решением заместителя руководителя ФАС России и решением судьи районного суда г. Я., должностное лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2¹ ст. 14.55 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию.

Решением судьи областного суда, оставленным без изменения постановлением председателя областного суда, решение судьи районного суда г. Я. отменено, дело направлено на рассмотрение в районный суд г. М.

Решением судьи районного суда г. М. постановление заместителя начальника Управления ФАС России и решение заместителя руководителя ФАС России изменены в части.

Рассмотрев жалобу, поданную на постановление должностного лица, решение вышестоящего должностного лица и решение судьи районного суда

в порядке ст. 30.9, 30.1, 30.2 КоАП РФ, судья областного суда пришел к выводу о том, что жалоба на постановление должностного лица и решение вышестоящего должностного лица рассмотрена с нарушением правил подсудности, в связи с чем отменил решение судьи районного суда с направлением жалобы на акты должностных лиц на рассмотрение по подсудности.

Председатель областного суда по результатам пересмотра состоявшихся по делу актов по жалобе, поданной в порядке ст. 30.12–30.14 КоАП РФ, решение, принятое судьей областного суда, признал законным.

Порядок подачи жалоб, принесения протестов на постановления (решения) по делам об административных правонарушениях и пересмотра таких постановлений (решений) установлен гл. 30 КоАП РФ.

Подача жалоб, принесение протестов на не вступившие в законную силу постановления (решения) по делам об административных правонарушениях осуществляются в соответствии с положениями ст. 30.1–30.3, 30.9, 30.10 КоАП РФ.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, может быть обжаловано лицами, указанными в ст. 25.1–25.5¹ названного кодекса в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела.

Частью 1 ст. 30.9 КоАП РФ установлено, что постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, и (или) решение вышестоящего должностного лица по жалобе на это постановление могут быть обжалованы в суд по месту рассмотрения жалобы, а затем в вышестоящий суд.

При вынесении обжалуемого решения судья областного суда, руководствуясь указанными нормами и исходя из того, что жалоба на постановление о назначении административного наказания рассмотрена вышестоящим должностным лицом ФАС России по адресу: г. М., ул. С., д. 11, который относится к юрисдикции районного суда г. М., пришел к следующему выводу: судья районного суда г. Я. рассмотрел жалобу на постановление должностного лица и решение вышестоящего должностного лица с нарушением правил территориальной подсудности.

При таких обстоятельствах судья областного суда, с выводами которого согласился председатель областного суда, отменил решение судьи районного суда г. Я. и направил дело с жалобой на постановление должностного лица и решение вышестоящего должностного лица на рассмотрение по подсудности в районный суд г. М., что соответствует требованиям п. 5 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ.

Выводы судьи областного суда и председателя областного суда и принятые ими решения основаны на положениях приведенных выше норм

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и сомнений не вызывают.

В связи с этим правовые основания для отмены обжалуемых судебных актов судьей Верховного Суда Российской Федерации отсутствовали.

Постановление № 87-АД19-18

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

58. Невыполнение государством обязательств по жилищному обеспечению супруги административного истца как участника накопительно-ипотечной системы военнослужащих указывает на сохранение за ней возможности выбора иного способа реализации жилищных прав, в том числе получения жилищной субсидии в качестве члена семьи супруга-военнослужащего.

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 3 апреля 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 21 июня 2018 г., А. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение начальника 1 отдела федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 31 января 2018 г. об исключении его супруги – А.З. из числа нуждающихся в жилых помещениях в форме обеспечения жилищной субсидией.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А., заключивший первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и имеющий общую продолжительность военной службы в календарном исчислении более 20 лет, приказом воинского должностного лица от 22 июня 2017 г. уволен с военной службы в отставку по состоянию здоровья.

В период прохождения военной службы А. решением заместителя начальника 1 отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» от 17 января 2017 г. признан нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, в форме жилищной субсидии. Административный истец

признан нуждающимся в жилом помещении в г. Владивостоке в составе семьи из 4 человек (он, супруга и двое несовершеннолетних детей) с даты подачи заявления, то есть с 9 августа 2016 г.

В свою очередь, супруга административного истца – ефрейтор А.З. решением Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации включена в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – НИС) на основании ее рапорта от 10 августа 2016 г. как военнослужащая, заключившая второй контракт о прохождении военной службы не ранее 1 января 2005 г. (категория «04» – добровольный участник НИС).

После установления факта нахождения супруги административного истца в реестре участников НИС решением начальника 1 отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» от 31 января 2018 г. А.З. исключена из числа нуждающихся в жилых помещениях в форме жилищной субсидии.

8 февраля 2018 г. А.З. обратилась к начальнику 1 отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением, в котором просила исключить ее из реестра участников НИС в связи с принятием решения об обеспечении жильем иным способом – получением жилищной субсидии в составе семьи супруга для приобретения жилья в г. Владивостоке, совпадающем с местом ее военной службы. Однако сообщением названного должностного лица от 14 февраля 2018 г. ей в этом было отказано ввиду отсутствия оснований для исключения.

Кроме того, рапортом от 12 марта 2018 г. А.З. просила командира воинской части, в которой она проходит военную службу, оформить документы для ее исключения из реестра участников НИС. В связи с этим командиром принято решение о направлении запроса в ФГКУ «Востокрегионжилье» для разъяснения порядка его действий.

Отказывая А. в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции в решении указал, что его супруга, являясь участником НИС, не может быть дополнительно обеспечена жильем как член семьи военнослужащего в форме жилищной субсидии.

Обращение А.З. с заявлением об исключении из реестра участников НИС, по мнению суда, не являлось основанием для сохранения ее в списках нуждающихся в жилищной субсидии, поскольку с таким заявлением она обратилась после принятия административным ответчиком оспариваемого решения, на момент его принятия она являлась участником НИС, и решение по ее заявлению не принято.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в определении дополнительно указал, что обращения А.З. с заявлениями об исключении из реестра участников НИС не ставят под сомнение законность принятого решения, поскольку упомянутые обращения не являлись предметом рассмотрения должностного лица.

Между тем такие выводы судов не соответствуют обстоятельствам дела, сделаны с нарушением норм процессуального права и основаны на неправильном применении норм материального права.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Федеральный закон «О статусе военнослужащих») государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

В силу абзаца третьего п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, предоставляются жилищная субсидия либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства.

В соответствии с п. 4 ч. 1 и п. 4 ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих») (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) к участникам накопительно-ипотечной системы относятся сержанты и старшины, солдаты и матросы, заключившие второй контракт о прохождении военной службы не ранее 1 января 2005 г., изъявившие желание стать участниками накопительно-ипотечной системы, при этом указанные лица могут стать участниками, изъявив такое желание.

Из изложенного следует, что включение в реестр участников накопительно-ипотечной системы названной категории военнослужащих, к которой относится А.З., возможно только на основании их заявления. В случае отсутствия такого заявления военнослужащий подлежит обеспечению жильем по другим предусмотренным законом основаниям.

В суде установлено, что А.З. в период прохождения военной службы по контракту была признана нуждающейся в жилом помещении в форме обеспечения жилищной субсидией как член семьи военнослужащего – своего супруга и одновременно включена в реестр участников НИС.

После исключения из списков нуждающихся в жилищной субсидии она обратилась с просьбой об исключении из реестра участников НИС, заявив о желании реализовать свое право на жилище в форме жилищной субсидии вместе с супругом.

Из изложенного следует, что права А. и его супруги имеют одно основание, обусловленное правом на обеспечение жильем в форме жилищной субсидии.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 41 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации процессуальное соучастие допускается, если права и (или) обязанности нескольких субъектов административных или иных публичных правоотношений (нескольких административных истцов либо нескольких административных ответчиков) имеют одно основание.

В силу ч. 6 ст. 41 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о вступлении в административное дело административного соистца (административных соистцов) или об отказе в этом, о привлечении к участию в административном деле административного соответчика (административных соответчиков) или об отказе в этом судом выносится мотивированное определение; в случае отказа лица вступить в административное дело в качестве административного соистца оно может самостоятельно подать в суд административное исковое заявление, если иное не предусмотрено Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

При таких данных суду следовало предложить А.З. вступить в дело в качестве административного соистца. Однако этого сделано не было.

Кроме того, как следует из сообщения начальника 1 отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» от 14 февраля 2018 г., А.З. отказано в удовлетворении ее заявления об исключении из реестра участников НИС ввиду отсутствия оснований для исключения.

Поскольку такой отказ препятствует А.З. в обеспечении жильем в форме жилищной субсидии, суду следовало дать правовую оценку законности решения начальника 1 отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» в указанной части. Тем более что для этого имелись основания.

В силу общеправового принципа, изложенного в п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, то есть своей волей и в своем интересе. Из этого следует недопустимость понуждения лиц к реализации определенного поведения, составляющего содержание прав.

Согласно абзацу первому п. 1 и п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» выделение денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного

обеспечения военнослужащих», является одной из форм реализации военнослужащими права на жилище.

Показателями исполнения государством своих обязательств в рамках НИС по жилищному обеспечению военнослужащих являются получение ими денежных средств, указанных в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», или направление уполномоченным федеральным органом кредитором участника НИС средств целевого жилищного займа на цели, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (ч. 3 ст. 11 указанного закона).

Из материалов дела не следует, что А.З. воспользовалась деньгами, находящимися на ее именном накопительном счете, либо ей был предоставлен целевой жилищный заем.

Таким образом, в материалах дела отсутствуют сведения, что в отношении А.З. наступили условия, с которыми закон связывает выполнение государством обязательств по жилищному обеспечению военнослужащих. Следовательно, такой военнослужащий до возникновения указанных обстоятельств сохраняет возможность выбора иного способа реализации своих жилищных прав, предусмотренного ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Указанные обстоятельства подлежали учету при принятии судом решения, чего сделано не было.

Нарушение судом норм материального и процессуального права привело к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве А. на жилищную субсидию с учетом его супруги А.З.

Определение № 211-КА19-12

По гражданским делам

59. Ошибочный вывод суда о недоказанности факта причинения ответчиком ущерба повлек отмену судебного постановления.

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 8 октября 2018 г. удовлетворено исковое заявление командира вышестоящей воинской части, в котором он просил привлечь Б. к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный в результате незаконного назначения ответчиком, исполнявшим на тот момент обязанности командира воинской части, ефрейтора Ф. на должность фельдшера медицинской службы учебного корабля. В счет возмещения ущерба судом взыскано с Б. 96 760 руб. 35 коп.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 24 января 2019 г. решение суда первой инстанции отменено и по делу принято новое решение об отказе командиру воинской части в удовлетворении заявленных требований.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих апелляционное определение окружного военного суда отменила, оставила в силе решение гарнизонного военного суда по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Б. проходил до июля 2017 г. военную службу в должности начальника штаба – заместителя командира воинской части и с 8 по 20 июля 2016 г. он временно исполнял обязанности командира воинской части.

Приказом статс-секретаря – заместителя Министра обороны Российской Федерации от 4 июля 2016 г. Ф. назначен на должность старшего моториста учебного корабля (3 тарифный разряд), в связи с чем приказом командира воинской части от 25 июля 2016 г. данный военнослужащий зачислен в списки личного состава воинской части с указанием о принятии им дел и должности с 13 июля 2016 г. и установлением оклада по воинской должности в размере 12 тыс. руб. в месяц по 3 тарифному разряду.

Приказом врио командира воинской части Б. от 14 июля 2016 г. Ф. освобожден от должности старшего моториста и назначен фельдшером медицинской части учебного корабля (6 тарифный разряд).

Размер оклада фельдшера медицинской части учебного корабля на день издания приказа от 14 июля 2016 г. составлял 16 тыс. руб., что соответствовало 6 тарифному разряду.

Контрольными мероприятиями по отдельным вопросам финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части, проведенными Межрегиональным управлением ведомственного финансового контроля и аудита Министерства обороны Российской Федерации (по Военно-Морскому Флоту) (далее – Межрегиональное управление), оформленными актом от 6 октября 2017 г. (далее – Акт), установлено, что в результате назначения Ф. на должность фельдшера – в отсутствие у него необходимого медицинского образования – ему произведена переплата денежных средств в размере 96 760 руб. 35 коп. за период с 13 июля 2016 г. по 31 августа 2017 г.

Заключением по результатам административного расследования установлена вина Б. в незаконном назначении Ф. на должность фельдшера, оплачиваемую выше должности старшего моториста, на которую он был назначен приказом статс-секретаря – заместителя Министра обороны Российской Федерации, что повлекло причинение материального ущерба.

Один размер оклада месячного денежного содержания Б. и размер месячной надбавки за выслугу лет на день принятия судом решения о возмещении ущерба составлял 53 600 руб.

Удовлетворяя исковое заявление, суд первой инстанции посчитал установленной вину ответчика в причинении материального ущерба, вызванного назначением Ф. на должность, оплачиваемую выше фактически занимаемой должности, в связи с чем пришел к выводу о необходимости привлечения его к ограниченной материальной ответственности в размере причиненного ущерба, а именно в размере 96 760 руб. 35 коп.

Отменяя решение и принимая по делу новое решение об отказе истцу в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал в обоснование, что вывод о наличии ущерба, причиненного в результате назначения Ф. на должность фельдшера, мог быть сделан лишь в случае наличия разницы между выплаченным денежным довольствием по должности фельдшера и денежным довольствием, на которое он имел право по должности старшего моториста.

Между тем, указал далее окружной военный суд, вывод истца о наличии ущерба сделан на основании разницы между фактически полученным Ф. денежным довольствием по должности фельдшера и тем, которое было бы выплачено при замещении должности санитаря медицинской службы, а не моториста, что свидетельствует о недоказанности самого факта причинения указанного в исковом заявлении ущерба.

Такие выводы суда апелляционной инстанции не соответствуют обстоятельствам дела и основаны на неправильном применении норм материального права.

Согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23 июля 2010 г. № 541н, которым утвержден Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения», к квалификации фельдшера предъявляются следующие требования: среднее профессиональное образование по специальности «Лечебное дело» и наличие сертификата специалиста по специальности «Лечебное дело» без предъявления требований к стажу работы.

Судом установлено, что Ф., назначенный в установленном порядке на должность старшего моториста учебного корабля, по прибытии в воинскую часть приказом врио командира Б. был освобожден от должности старшего моториста и с 13 июля 2016 г. назначен на должность фельдшера медицинской части учебного корабля, по которой он до 31 августа 2017 г. получал денежное довольствие.

Однако требованиям, предъявляемым к квалификации, Ф. не соответствовал.

Следовательно, ответчик не вправе был назначать Ф. на должность фельдшера медицинской части учебного корабля.

Согласно п. 4 ст. 4 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее – Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих») командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном назначении на должность, оплачиваемую выше фактически занимаемой должности, несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного назначения военнослужащего (лица гражданского персонала) на должность, в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет.

В силу п. 3 ст. 6 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» при незаконном назначении на должность, оплачиваемую выше должности, фактически занимаемой военнослужащим (лицом гражданского персонала), размер ущерба определяется разницей между выплаченным денежным довольствием (выплаченной заработной платой) и денежным довольствием (зарплатой) по фактически занимаемой должности.

При таких данных Б. подлежит привлечению к материальной ответственности в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех месячных надбавок за выслугу лет.

Устанавливая размер причиненного ущерба, суд первой инстанции сослался на приказы, Акт, протокол рассмотрения возражений на Акт и приложение к протоколу с расчетом размера незаконно выплаченных Ф. денежных средств, после чего пришел к выводу, что последнему переплачено 96 760 руб. 35 коп.

Согласно названным документам должность фельдшера соответствует 6 тарифному разряду, а размер оклада по воинской должности составляет 16 тыс. руб.

В свою очередь, должность старшего моториста соответствует 3 тарифному разряду, а размер оклада по воинской должности составляет 12 тыс. руб.

При этом учтено, что размер надбавки за классную квалификацию также рассчитан от 6 тарифного разряда ввиду того, что Ф. в нарушение установленного порядка не проходил испытания на присвоение классной квалификации и не имел права на ее получение из-за отсутствия соответствующей квалификации фельдшера.

Названные обстоятельства подтверждаются представленным истцом ответом органа финансового контроля от 1 марта 2019 г., согласно которому расчет ущерба производился как разница между тарифными разрядами по

должности фельдшера, обязанности по которой исполнял Ф., и старшего моториста – должность, на которую он был назначен установленным порядком. При этом разъяснено, что воинской должности санитар соответствует 2 тарифный разряд, а размер оклада по этой должности составляет 11 тыс. руб.

Рассчитав разницу между фактически выплаченным денежным довольствием по должности фельдшера и денежным довольствием по фактически занимаемой должности старшего моториста, суд обоснованно согласился с выводами Межрегионального управления о том, что размер излишне выплаченных сумм Ф. составил 96 760 руб. 35 коп.

Что касается ссылки Межрегионального управления в протоколе рассмотрения возражений на Акт о том, что Ф. фактически, исходя из имевшегося образования и умений, мог исполнять лишь обязанности санитаря, то этим обстоятельством управление обосновало незаконность выплаты указанному военнослужащему денежного довольствия по должности фельдшера.

При этом фактический расчет ущерба производился, исходя из разницы размера денежного довольствия между должностями фельдшера и старшего моториста.

Таким образом, судом первой инстанции правильно установлен размер ущерба, причиненного в результате незаконного назначения Ф. на должность фельдшера. Вывод суда апелляционной инстанции о недоказанности факта причинения ущерба на материалах дела не основан.

Поскольку установленный размер ущерба составляет менее трех окладов месячного денежного содержания Б. и трех месячных надбавок за выслугу лет, суд первой инстанции правомерно принял решение об удовлетворении иска на сумму 96 760 руб. 35 коп.

Определение № 202-КГ19-1

По уголовным делам

60. Распространение лицом материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности подлежит квалификации как пропаганда терроризма.

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 4 июня 2018 г. С. осужден по ч. 2 ст. 205² УК РФ за публичные призывы 11, 14 и 16 мая 2018 г. к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При этом суд исключил из обвинения С. по ч. 2 ст. 205² УК РФ пропаганду терроризма.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, квалифицировала действия С. по ч. 2 ст. 205² УК РФ как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и назначила ему более строгое наказание.

В обоснование Судебная коллегия привела следующие доводы.

Исключая из обвинения С. пропаганду терроризма, суд первой инстанции исходил из того, что действия осужденного не носили системного характера.

Между тем такой вывод суда противоречит материалам дела и сделан в результате неправильного применения уголовного закона.

В соответствии с п. 1¹ примечания к ст. 205² УК РФ под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

По делу установлено, что 11, 14 и 16 мая 2018 г. С. разместил для всеобщего просмотра в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице различные изображения, фотографии, публикации и свои комментарии к ним, в которых, по заключению экспертов, имеются психологические и лингвистические приемы, побуждающие к насильственным действиям (совершению взрывов, то есть террористических актов) в отношении людей, не исповедующих ислам, а во втором комментарии – также признаки обоснования и оправдания террористических действий (вооруженного джихада, в том числе в составе международной террористической организации) как правильных, нуждающихся в поддержке и подражании.

Эксперты, кроме того, установили, что в материале второго комментария утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы.

Как следует из показаний свидетеля Ш., он неоднократно обсуждал с С. размещенные им в сети «Интернет» публикации. Со слов С. ему известно, что тот является сторонником террористической организации «Исламское государство», а указанные в приговоре материалы опубликовал в сети «Интернет» для поддержки «братьев-мусульман» из этой организации.

Свидетель Р. подтвердила, что С. по вероисповедованию является мусульманином, носит мусульманское имя «Ислам», предлагал ей вступить в религиозный брак, планировал выехать из страны, а согласно показаниям еще двух свидетелей в постоянный круг общения С. входили лица, осужденные за деяния экстремистской направленности.

Таким образом, изложенные в приговоре действия С., форма и содержание размещенных им в сети «Интернет» в свободном доступе публикаций, направленность его умысла на распространение материалов террористического характера, показания свидетелей об интересах и взглядах С., связанных с террористической деятельностью, в совокупности свидетельствуют о том, что он не только совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, но и осуществил деятельность по распространению материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, то есть совершил пропаганду терроризма.

Апелляционное определение № 225-АПУ19-1

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Следует ли судье арбитражного суда, принявшему решение путем подписания резолютивной части по делу, которое рассмотрено в порядке упрощенного производства, изготавливать мотивированное решение в случае поступления апелляционной жалобы по истечении срока ее подачи?

ОТВЕТ. Решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается путем подписания судьей резолютивной части решения; по заявлению лица, участвующего в деле, или в случае подачи апелляционной жалобы по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, арбитражный суд составляет мотивированное решение (чч. 1, 2 ст. 229 АПК РФ).

В случае пропуска срока подачи апелляционной жалобы на решение, принятое арбитражным судом, ходатайство о восстановлении данного срока рассматривается арбитражным судом апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 259 АПК РФ). При этом в случае отказа в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда первой инстанции могут быть обжалованы в порядке кассационного производства (ч. 1 ст. 273 АПК РФ).

С учетом необходимости рассмотрения дела в разумный срок и реализации права на обжалование судебного акта судьей арбитражного суда, принявшему решение путем подписания резолютивной части по делу, которое рассмотрено в порядке упрощенного производства, необходимо изготавливать мотивированное решение в случае поступления апелляционной жалобы, в том числе по истечении срока ее подачи.

ВОПРОС 2. В каких случаях срок на обжалование в суд апелляционной инстанции решения по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, исчисляется со дня составления мотивированного решения?

ОТВЕТ. Мотивированное решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, составляется судом по заявлению лица, участвующего в деле, в случае подачи апелляционной жалобы (ч. 2 ст. 232⁴ ГПК РФ, ч. 2 ст. 229 АПК РФ), а также по инициативе суда.

Решение, принятое путем подписания резолютивной части, мотивированное решение, составленное по инициативе суда, могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции в течение пятнадцати дней со дня принятия решения путем подписания резолютивной части, мотивированное решение, составленное по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей, – в течение пятнадцати дней со дня составления (ч. 8 ст. 232⁴ ГПК РФ, ч. 4 ст. 229 АПК РФ, п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»).

Таким образом, срок на обжалование в суд апелляционной инстанции решения суда первой инстанции по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, исчисляется со дня принятия мотивированного решения только в случае, если оно изготовлено по заявлению лица, участвующего в деле.

ВОПРОС 3. Подлежат ли рассмотрению в порядке упрощенного производства требования о взыскании денежных средств по договорным обязательствам казенных и бюджетных учреждений?

ОТВЕТ. В соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 232² ГПК РФ, ч. 4 ст. 227 АПК РФ не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела, связанные с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Порядок исполнения судебных актов, связанных с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, установлен гл. 24¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ).

В данном порядке обращается взыскание на средства соответствующего бюджета только по денежным обязательствам федеральных казенных учреждений, казенных учреждений субъекта Российской Федерации, муниципальных казенных учреждений (ст. 242³–242⁵ БК РФ).

Таким образом, требования о взыскании денежных средств по договорным обязательствам казенных учреждений не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства в силу п. 5 ч. 3 ст. 232² ГПК РФ, ч. 4 ст. 227 АПК РФ.

Порядок обращения взыскания на средства бюджетных учреждений регламентирован не Бюджетным кодексом Российской Федерации, а ст. 30 Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

Следовательно, требования о взыскании денежных средств по договорным обязательствам бюджетных учреждений подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

ВОПРОС 4. Применяются ли требования ч. 3 ст. 59 АПК РФ о наличии высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности к лицам, выступающим представителями в деле о банкротстве?

ОТВЕТ. Согласно ч. 3 ст. 59 АПК РФ представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Требования, предъявляемые к представителям, не распространяются на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве, а также иных лиц, указанных в федеральном законе.

Дела о банкротстве рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности

(банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве, Закон) (п. 1 ст. 32 Закона и ч. 1 ст. 223 АПК РФ).

В ст. 36 Закона о банкротстве определен круг лиц, которые имеют право представлять интересы участников дела о банкротстве, а также требования, предъявляемые к таким представителям. В соответствии с п. 1 данной статьи в качестве представителей лиц, участвующих в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве, могут выступать любые дееспособные граждане, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела о банкротстве.

Обязательное наличие у представителя в деле высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности названной нормой не предусмотрено.

С учетом того, что ст. 36 Закона о банкротстве является специальной по отношению к ст. 59 АПК РФ, требования, содержащиеся в ч. 3 названной статьи и ч. 4 ст. 61 АПК РФ, на лиц, выступающих представителями по делу о банкротстве, не распространяются (ч. 2 ст. 3 АПК РФ).